

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВЫПУСК
XXX

апрель-июнь

ТАШКЕНТ
2013

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Иерей Андрей ТУГУШЕВ
Светлана АСАНОВА
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО

На обложках:

- Стр. 1: Купание в реке Иордан во время паломнической поездки за благодатным огнем (С. 12-14).
Стр. 2: Работы Н. Каразина (сверху – вниз): «Оружие и доспехи» (1874), «В степи» (1890), «Атака собак под Ургутом» (1872) (С.95–99).
Стр. 3: Особняк Дмитрия Филатова в Самарканде (современный вид) (С. 100-108).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО МИТРОПОЛИТА

Пасхальное послание митрополита Ташкентского и Узбекистанского <i>ВИКЕНТИЯ</i> , главы Среднеазиатского митрополичьего округа	5
---	---

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

<i>Кирилл КОВАЛЬДЖИ</i> . «Самые великие события...»	8
--	---

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы <i>главного редактора</i> «Прекрасна, как ангел небесный...». 800 лет преставления благоверной Тамары, царицы Грузинской (1 мая 1213 года)	9
--	---

Новостные страницы иеродиакона <i>Михаила (СТОЛЯРОВА)</i> Благодатный огонь, мироточивая икона, неусыпаемый акафист... ..	13
---	----

ORIENTALIA

<i>Александр ДЖУМАЕВ</i> . От Пифагора к Фисагурсу «Греческие мудрецы» и музыкальный мир средневекового мусульманского Востока	15
--	----

<i>Андрей ВОЛОС</i> . Возвращение в Панчруд (Главы из нового романа)	25
---	----

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

<i>Эдвард РТВЕЛАДЗЕ</i> . Древнейшее свидетельство о согдийцах-христианах	44
---	----

<i>Роман ДОРОФЕЕВ</i> . Ташкент – или Верный? Из официальной переписки по поводу основания Туркестанской кафедры (1867–1872)	47
--	----

К 90-ЛЕТИЮ АРХИЕРЕЙСКОЙ ХИРОТОНИИ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

<i>Людмила ЖУКОВА</i> . «Впечатление избранности и величия...» Воспоминания ташкентцев о святителе Луке (Войно-Ясенецком)	60
---	----

<i>Владимир ЛИЗУНОВ</i> . Наука и религия у святителя Луки (Войно-Ясенецкого)	76
--	----

ИЗ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

- Наталья СЕЛУЯНОВА*. Семейная хроника Селуяновых
(Публикация О. Илюшкиной) 80

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

- Элеонора ШАФРАНСКАЯ*. Николай Каразин: известный,
забытый, возвращенный 95

- Рубен НАЗАРЬЯН*. «Поставить виноделие на должную
степень совершенства...» (О самаркандском виноделе
Дмитрии Филатове) 100

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

- Валерий ХАН*. «Мы здесь живем из поколения в поколение...»
(Диаспоры в современном Ташкенте) 109

- Виктор МОИСЕЕНКО*. «Где на землю упала кровь из твоей
пуповины...» (Сырдарьинские старожилы) 131

- Социальные страницы *Лилии КАЛАУС*
Три вопроса 136

- Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
Между словом и реальностью. (О книге
Николая Байтова «Ангел-Вор: Повесть и рассказы»
(М.: Эксмо, 2013)) 139

- Авторы номера** 142

- Информация для авторов** 143
-

Пасхальное послание митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия, главы Среднеазиатского митрополичьего округа

Христос воскрес, и жизнь воцарится!
Из акафиста Воскресению Христову

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

«Сей день, его же сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь». Сей день поистине радостный и спасительный для верующих людей. О нем в течение многих веков мечтали ветхозаветные праведники. Многие из них рады были бы созерцать Воскресение Христово, но не удостоились, рады были бы вкушать его радости, но не сподобились. Мы же с вами, братья и сестры, имеем этот день, созерцаем это торжество и наслаждаемся неизъяснимой радостью о Господе Воскресшем. Этот день действительно сотворил для нас Господь.

Сын Божий воплотился и пришел на землю для того, чтобы спасти род человеческий от вечной гибели. Он пришел для того, чтобы открыть врата некогда потерянного рая. Чтобы совершить дело спасения, Бог по Своей великой любви принес в жертву Самого Себя. Он претерпел великие страдания, крестную смерть и воскрес в третий день от гроба. Поэтому для христиан нет более радостной и святой истины, как истина Воскресения Христа Спасителя.

Иисус Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: «Смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. 6,7), и жизнь жительствоует. Своим славным Воскресением Господь дал нам уверенность в том, что Он воскресил нас силою Своею (1 Кор. 6,14).

Ныне радуется мир видимый и невидимый, вся вселенная ликует, слава Воскресение своего Спасителя. Его Воскресение для нас самих является началом новой вечной жизни.

До Воскресения Христова над нами тяготел грех, но Христос, отдав себя за людей, избавил нас от греха. До Воскресения Христова мы были пленниками ада, но Он Своим победоносным сошествием во ад разрушил эти узы, избавил нас от этого горького плена. До Воскресения Христова над миром тяготел непобедимый страх смерти, но Спаситель победил не только его, но и саму смерть, положив начало всеобщему воскресению. Он наш «путь, истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Апостолы свидетельствовали истину Воскресения Христова своею кровию и своими жизнями. И если бы они не видели являвшегося им Воскресшего Христа, если бы они не уверились в действительности Его Воскресения, они бы не принесли Ему в жертву свои жизни. Но они видели, они осязали, они приобщались к горнему миру, который нес с Собой Воскресший Христос.

Радость Воскресения Христова дала апостолам и их преемникам непобедимую силу, она была главным предметом их жизни и проповеди. Весть о Воскресении Христа апостолы несли повсюду, и церкви рождались верою в Христа Воскресшего. «Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их» (Деян. 4, 33).

Сегодня мы, радуясь и торжествуя, наверное, не спешим задуматься о том, что праздник Пасхи должен оставить в наших душах, и о том, какую пользу мы должны извлечь из него. Воскресение Христово призывает нас верить в воскресение собственное, возвышая наше человеческое достоинство, побуждает к исполнению заповедей Господних, укрепляет наши духовные и телесные силы в несении жизненного креста. Воскресение Христово наполняет наши жизни смыслом, вселяет веру в будущее. Святой апостол Павел пишет: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:17,19).

Воскресение Христово явилось следствием любви Творца к Своему творению. Поэтому и мы должны проникнуться любовью к своему Создателю и друг ко другу. Следствием этой любви будет воскресение наших душ, исчезновение ненависти и злобы, разрушение преград и средостений. Только в этом случае мы сможем стать истинными детьми Божиими. На Тайной вечере, обращаясь к Своим ученикам, Иисус Христос сказал: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). К сожалению, в наше время нам так не достает любви истинной. Пусть в эту пасхальную ночь каждый задаст себе вопрос: «Есть ли у меня такая любовь, ученик ли я Христов?». И постарается откровенно на него ответить. От правильности ответа в нашей жизни многое может измениться к лучшему.

Светлая радость Воскресения Христова соединяется ныне с твердой надеждой на победу правды и света в нашей жизни. Торжество этой победы необходимо нам всегда и особенно в нынешнее непростое время. Будем молить Воскресшего Христа, чтобы Он озарил светом Своего славного Воскресения все народы нашего Среднеазиатского митрополичьего округа, чтобы все мы жили в мире, согласии и любви между собой.

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, пастыри, честное монашество, братья и сестры всего нашего митрополичьего округа!

Сердечно поздравляю всех вас с великим и радостным праздником Светлого Христова Воскресения! Да просветит Воскресший Господь ум наш светом разума Святого Евангелия, душу – любовью Креста Своего, сердце – чистотою словес Своих, чтобы совершать нам свой жизненный путь, постоянно поучаясь в истинах Его спасительной веры, храня между собой братство и любовь.

**ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!**

Пасха Христова, 2013 год, Ташкент

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

самые великие события
совершаются без публики
без болельщиков без соглядатаев

Христос воскрес

Календарные страницы главного редактора

«Прекрасна, как ангел небесный...»

800 лет преставления благоверной Тамары, царицы Грузинской (1 мая 1213 года)

«В той башне, старинной и тесной / Царица Тамара жила: / Прекрасна, как ангел небесный, / Как демон, коварна и зла».

Святая благоверная царица Тамара никогда не жила в башне на берегу Терека.

Не завлекала путников в башню своим пением.

Не услаждала ласками.

Не убивала наутро.

Лермонтов услышал грузинскую легенду о некой царице Дарье. Услышал – и написал свое знаменитое стихотворение. Но поменял имя царицы на Тамару.

Зачем?

Так поэтичнее.

Так лучше рифмуется («Тамары – чары»).

Так, наконец, экзотичнее – имени «Тамара» тогда еще в России не было.

Это имя вообще нравилось Лермонтову: им он назвал и возлюбленную своего Демона. Благодаря Лермонтову, кстати, имя это и стало в следующем веке таким популярным, что – «мы с Тамарой / ходим парой...» А с кем было еще парой ходить, когда куда ни глянь – Тамары, Тома, Томочки.

«И слышался голос Тамары: / Он весь был желанье и страсть...»

Так с легкой (легкой ли?) руки Лермонтова возник русский литературный миф о царице Тамаре – таком вот полудемоническом существе, кавказской Лорелее.

В «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова царица Тамара является отцу Федору на скале.

«А следующей ночью он увидел царицу Тамару. Царица прилетела к нему из своего замка и кокетливо сказала: “Соседями будем”».

В этом была своя логика: чтобы на страницах потрясающе талантливого – и потрясающе безбожного – романа царица, утверждавшая и поддерживавшая православие, «сосуществовала» в виде нечистой силы рядом со свихнувшимся священником...

В одном поэт не погрешил против истины.

«Прекрасна, как ангел небесный...»

Она, и правда, была красива.

Очень красива.

«Лев, служа Тamar-царице, держит меч ее и щит. / Мне ж, певцу, каким деяньем по-

служить ей надлежит? / Косы царственной – агаты, ярче лалов жар ланит. / Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит».

Так писал Шота Руставели в своем «Витязе».

«Правильного сложения, темный цвет глаз и розовая окраска белых щек, застенчивый взгляд, манера царственно вольно метать взоры вокруг себя, приятный язык, веселая и чуждая всякой развязности, услаждающая слух речь, чуждый всякой порочности разговор».

Так писал летописец.

«Глаз нельзя было отвести от ее лица. Так хороша была благословенная Тамар...».

Такой она осталась в народных легендах.

Она родилась около 1165 года.

Она была единственной дочерью царя Георгия Третьего и царицы Бурдухан.

При крещении ее нарекли «Тамар».

От библейского «Фамарь», что значит «пальма».

В 1179 году, сломив сопротивление знати, царь Георгий короновал ее на царство.

«Поведала мать своей Тамар: "Дитя мое, сон привиделся мне. Глядела я в чашу мира, видела все страны. Тебе принадлежала вся земля. Храни ее, сознавая величие долга"».

Пять лет они правили Грузией вместе, отец и дочь. Георгий – то есть «земледелец» – терпеливо возвращал свою «пальму».

А мать Тамары, Бурдухан, глядела в чашу мира.

В 1184 году умирает царь Георгий. Тамара самостоятельно правит страной – храня ее и сознавая величие долга.

«Воссела Тамар царицей на трон и стала строить по всей Грузии храмы. Была она щедрой и жаловала бедным немало».

По ночам она пряла и вышивала. Вырученные за свое рукоделие деньги раздавала бедным.

Пальмовые ветви склонились над Грузией.

Однажды она облачалась для присутствия на торжественной службе в Гелатском соборе. Ей доложили, что какая-то женщина просит милостыню у ее дверей. Тамара как раз надевала повязку с рубинами. Она посылает передать, чтобы та подождала. Когда царица выходит, нищей уже нигде нет. Святая Тамара упрекает себя, что промедлила с милостыней. Она снимает с себя повязку с рубинами, из-за которой задержалась, и надевает ее на венец на иконе Божией Матери.

За все время правления Тамары не было совершено ни одной смертной казни.

Тамара расширяет свою державу от Черного до Каспийского моря. Завоевывает Хоросан, Тавриз, Эрзерум.

Берет Карс, опору сельджуков в Западном Закавказье.

«Тебе принадлежала вся земля. Храни ее, сознавая величие долга...»

В 1204 году правитель Румского султаната Рукн-эд-Дин требует от Тамары, чтобы Грузия отказалась от христианства. Грузинская армия ничтожно мала в сравнении с армией султана. Царица до городских предместий сопровождает свое войско с распущенными волосами, ступая по земле босыми ногами. Благословив войско, идет в Метехский храм, где молится на коленях перед Влахернской иконой Божией Матери.

«Матерь Божия! Грузия – Твой жребий. Ты – Владычица, а я – только лишь последняя раба Твоя. Сама защити удел Твой!».

В битве близ Баскани, в верховьях реки Аракс, грузинское войско одерживает победу.

Руки Тамары ищут византийские царевицы, алеппский султан, персидский шах.

«Много было у нее женихов, но она отказывалась выйти замуж. Много царевичей она отвергла; решила остаться девственницей. За чистоту и святость Бог даровал ей чудо: одежда ее висела на луче солнца, падавшем в комнату из окна. Но придворные и великие князья были озабочены тем, что Тамар оставалась без мужа, а престол без наследника...».

Ее первый брак с сыном князя Андрея Боголюбского, Юрием, был недолг.

Юрий храбро воевал, но вел, как сообщают летописцы, распутный образ жизни. Настолько распутный, что духовенство благословляет развод.

По другой версии, дело было не в образе жизни князя, а в противостоянии двух партий среди высшей грузинской знати: про- и противовизантийской.

Юрий, отправленный в Константинополь, возвращается в Грузию с войском – отвоевывать престол. Но терпит поражение.

Вторым супругом Тамары был осетинский князь Давид Сослани.

Последние годы жизни царица проводит в пещерном монастыре Вардзиа.

Монастырь этот сохранился. Келья царицы, фрески, портрет Тамары и ее отца Георгия Третьего.

Здесь она молилась.

Здесь в 1213 году мирно отошла к Богу.

«Христос Бог мой! Тебе вверяю царство сие, мне порученное Тобою, и народ сей, купленный Честною твоею Кровию. Тебе же предаю душу мою...»

Ее могилу не могут найти до сих пор.

Существуют разные предания о том, где похоронена Тамара.

Предание первое. Опасаясь, что враги попытаются осквернить ее прах, царица повелела, чтобы в ночь после ее смерти из кельи были вынесены в разные стороны несколько гробов.

Предание второе. Царица мечтала побывать на Святой Земле, но из-за войн и государственных дел не смогла это сделать при жизни. Поэтому ее прах был тайно перевезен в Палестину и упокоен в Крестовом монастыре, основанном и поддерживаемом грузинскими царями.

Предание третье. Царица не умерла, а просто спит на золотом ложе. И когда в мире умножатся зло и страдание, она встанет и будет утешать своей святой любовью людей своих.

Это предание – самое распространенное.

...И, может, именно об этом чистом голосе утешения и любви мечтал – до конца этого не осознавая – один молодой, рано погибший поэт?

«Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел...»

Оба стихотворения, «Тамара» и «Выхожу один я на дорогу...», были написаны в один, 1841-й, последний год жизни Лермонтова. «Тамара» тоже заканчивается песней: *«Так сладко тот голос звучал...»*. Может, в «Выхожу один я на дорогу...» поэт расслышал подлинный голос святой Тамары? Кто знает...

«Вышняя красоты желая, нижняя сласти далече от себе отгнала еси и, в чертозе царском пребываючи, ангельское житие препровождала еси, царице Тамаро блаженная, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Благодатный огонь, мироточивая икона, неусыпаемый акафист...

Выставка у церковных стен. С 5 по 10 апреля 2013 года территория Свято-Успенского кафедрального собора города Ташкента преобразилась до неузнаваемости. Среди многочисленных павильонов толпились люди, на помосте пел церковный хор... Так прошла Первая международная выставка-ярмарка «От добродетельной жизни к благополучию и процветанию». Организаторами выставки стали Ташкентская и Узбекистанская епархия, выставочная компания «ZAR EXPO» (Ташкент) и российское выставочное общество «Уральские выставки».

Выставка собрала 30 представителей издательств, храмов и монастырей из пяти стран: России, Беларуси, Украины, Молдовы и Греции. Были представлены иконы, свечи, монастырский мед, именные ложечки, масла и мази, одежда (и для священников, и для мирян), аудио- и видеопродукция, ювелирные изделия (кресты и цепочки), святыни из Иерусалима и многое другое.

Верующие получили возможность поклониться святыням из Украины, России и Греции. Из Свято-Вознесенского мужского монастыря (Переяслав-Хмельницкий, Украина) привезли икону Спиридона Тримифунтского** с частичкой его святых мощей. Из Ровно (Украина) – икону великомученицы Екатерины, а из Ватопедского монастыря (Афон) – список чудотворной иконы «Всецарица».

По особому промыслу Божию, одна из представленных икон Пресвятой Богородицы, называемая «Плачущая» (ее привезли из Молдовы), во время торжественного открытия выставки начала обильно мироточить. В последующие дни мироточение было уже не такое обильное, но несколько раз от иконы исходило особое благоухание. Это подтвердили многочисленные посетители выставки, которые в эти минуты находились рядом с иконой.

Паломничество за Благодатным огнем. 3 мая из Ташкента отбыла большая группа верующих Среднеазиатского митрополичьего округа в Иерусалим за Благодатным огнем в канун светлого Христова Воскресения. Такая поездка организуется митрополитом Викентием второй год подряд. 130 паломников из Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Кыргызстана побывали в Храме Гроба Господня, в Горненском жен-

* Спиридон Тримифунтский, или Саламинский (ок. 270–348) – почитается в лике святителей как чудотворец. Память – 25 декабря.

ском монастыре, в Храме Рождества в Вифлееме и в других святых местах, были на Божественной Литургии в Свято-Троицком соборе Русской духовной миссии. Особенно запомнилось паломникам купание в водах реки Иордан.

Торжества по случаю 90-летия архиерейской хиротонии святителя Луки (Войно-Ясенецкого). 30 мая – 2 июня епархия торжественно отмечала памятную дату – 90-летие архиерейской хиротонии святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского и Симферопольского. Ровно 90 лет назад, 31 мая 1923 года, иеромонах Лука в городе Пянджикенте (недалеко от Самарканда, ныне на территории Республики Таджикистан) был рукоположен в сан епископа, после чего ему нарекли титул епископ Ташкентский и Туркестанский.

Первая международная конференция «Духовное наследие и вклад в медицину святителя Луки (Войно-Ясенецкого)». В ней приняли участие глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, митрополит Черкасский и Каневский Софроний, епископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт, епископ Бишкекский и Кыргызстанский Феодосий, Чрезвычайные и Полномочные Послы Беларуси, Латвии и Румынии, историки, востоковеды, филологи, академики и профессора медицины, священнослужители и исследователи из шести стран: Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, России и Украины. Также на конференции выступили сотрудники Ташкентского епархиального управления и преподаватели Ташкентской духовной семинарии.

В рамках конференции состоялось открытие выставки редких архивных документов, имеющих непосредственное отношение к святителю Луке. Посетители смогли также ознакомиться с предметами интерьера и домашнего обихода, которыми пользовался святитель, живя в Ташкенте. Выставка была подготовлена стараниями архивариуса Ташкентского епархиального управления Татьяны Стекловой.

Кроме этого, торжества с участием трех архиереев прошли в Самарканде и Ташкенте. Божественные литургии были отслужены в Свято-Алексеевском соборе города Самарканда, в храме святого благоверного князя Александра Невского (на Боткинском кладбище города Ташкента, где покоятся супруга, дочь и внучка святителя Луки), а также в Свято-Успенском кафедральном соборе.

Пасхальные визиты митрополита Викентия по приходам Среднеазиатского митрополичьего округа. Насыщенным был и график служения митрополита Викентия в Пасхальные дни. За сорок дней, начиная с 6 мая вплоть до Отдания праздника Пасхи, владыка посетил с традиционным архипастырским визитом практически все приходы епархии (начиная с Ташкента и Ташкентской области и заканчивая Термезом и Денау) и даже некоторые приходы Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана. Верующие с большой любовью встречали своего архипастыря, молились вместе с ним во время богослужений и испрашивали его архипастырского благословения.

Визит Великой Княгини. В преддверии торжеств, приуроченных к 400-летию Дома Романовых, в Ташкенте по приглашению митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия с 13 по 18 июня 2013 года побывала Великая Княгиня Ольга Николаевна Куликовская-Романова – супруга Его Высочества Тихона Николаевича, внука Александра III и родного племянника Николая Второго. Этот визит был посвящен знакомству со страной, историческими местами, культурой и бытом узбекистанцев. Ольга Николаевна молилась на богослужениях, встречалась с российскими дипломатами, посетила Самарканд и Бухару, участвовала в работе круглого стола «400-летие Дома Романовых».

Новостные страницы *Михаила (СТОЛЯРОВА)*. Благодатный огонь, мироточивая икона, неусыпаемый акафист...

«Династия Романовых сделала очень много для процветания этого края, – отметила в своем выступлении на круглом столе Великая Княгиня. – Один из представителей царственного рода – Великий Князь Николай Константинович оставил яркую страницу в летописи нынешнего Узбекистана. Деятельный, талантливый, он строил дворцы и каналы, развивал местную промышленность, культуру и искусство. Именно как князь-строитель он остался в памяти потомков...».

Тихвинская икона Божией Матери «Слезоточивая» останется в Ташкенте. В конце мая 2013 года митрополит Викентий во время своего архипастырского слова после богослужения в Свято-Успенском кафедральном соборе сообщил грустную весть: Тихвинскую икону Божией Матери «Слезоточивая», которую привезли в Ташкент в конце декабря прошлого года, «необходимо 25 июня возвратить обратно на Украину».

Верующим крайне тяжело было расставаться со святыней, которую удалось спустя 80 лет найти и привезти обратно в Ташкент. Многие решили молитвенно взывать к Богу и Пресвятой Богородице, чтобы эта чудотворная икона осталась у нас навсегда. Были организованы группы людей, которые читали неусыпаемый акафист перед Тихвинской иконой Божией Матери «Слезоточивая». 25 июня митрополит Викентий все же отбыл с иконой в Киев (святыню провожали со слезами), чтобы попытаться убедить власти Украины передать ее в дар Ташкенту. И, слава Богу, ему это удалось. В считанные часы были подготовлены все необходимые документы. Вечером 27 июня 2013 года православные верующие уже встречали с огромной радостью икону в Свято-Успенском кафедральном соборе. Теперь святыня останется в Ташкенте навсегда.

Александр ДЖУМАЕВ

От Пифагора к Фисагурсу

«Греческие мудрецы» и музыкальный мир средневекового мусульманского Востока

*Каждый из них в искусстве музыки
был вторым Пифагором (Фисагурс-и сани)*

Низам ад-Дин Шами. Зафарнама
(о музыкантах эпохи Амира Темура)

На протяжении веков не было в Средней Азии такого персоязычного или тюркоязычного, таджикского или узбекского поэта, кто не обращался бы в своем творчестве к образам древнегреческих философов и ученых, неизменно именуемых здесь мудрецами (*хаким, донишманд*), кто хотя бы раз не упомянул эти имена – Пифагор, Аристотель, Платон, Сократ, Искандар... – как символы знания, мудрости, образованности. Символы не чужеродные и не чуждые, а – близкие и родственные, принадлежащие своей культуре.

Культура ислама органично интегрировала в свою ценностную систему античное наследие, составившее в будущем фундамент европейской науки и культуры. Оно воспринималось почти как мусульманское, не сопровождаясь конфессиональными оговорками и ссылками на чужеродность происхождения. Напротив, – помещалось в список имен рядом с собственными великими учеными и мыслителями. Аристотель – и «Второй учитель» после него – Фараби. Гален – и Ибн Сина. Или дополнялось почетными среди мусульман титулами и эпитетами: *хазрат* (высочество, господин), *авлиё* (святой, чудотворец)... «Греческая мудрость», «греческий мудрец» (*хикмати юнония* или *хикмати юнониён, донишманд юноний*) – эти и другие аналогичные выражения встречаются даже в близкое нам время. В 1960 году поэтесса Мутриба пишет в посвящении своей наставнице-устозу Хакиме (1840–1919): «Вам в области знания равен Платон» («Илм бобида тенг Сизга Фалотун»)¹.

Особое место занимали греческие мудрецы в мусульманское средневековье в науке о музыке и в музыкальной культуре в целом. Они нередко обозначались (например, у ал-Фараби и Ибн Сины) арабским собирательным термином *кудама'* – «древние», «древние народы», имевшим и более широкое применение по отношению ко всем древним предшественникам. Музыкальная наука на мусульманском Востоке в свой начальный период (IX–XI вв.) формировалась под непосредственным влиянием

античной музыкальной теории. Труды многих греческих и римских философов и писателей о музыке были переведены на арабский язык и использовались (возможно, и в оригинале) для развития собственного знания о музыке. В это время греческое наследие воспринималось учеными Востока как самостоятельная область знания. Оно систематизировалось, обобщалось, нередко подвергалось критическому анализу и пересмотру. Только на Пифагора ал-Фараби ссылается в своей «Большой книге о музыке» около десяти раз, подвергая критике его музыкально-космологическую концепцию². А кроме него он упоминает много других имен – Аристотеля, Аристоксена, Галена, Птолемея, Фемистия, Евклида и даже цитирует фрагменты из «Аналитик» Аристотеля, формулируя принципы исследования музыки³. Не удивительно, что сложившееся на основе греческого знания направление заимствовало для своего обозначения греческий термин (*мустика*) – ‘*илм ал-мустика* (на арабском) или ‘*илм-и мустики* (на персидском) – «наука о музыке». Он сохранился на многие столетия, пережив непосредственное влияние, а затем и забвение античной науки о музыке.

Почти одновременно с научной переработкой греческого знания к нему вызревает «новое» отношение. Оно отмечено уже в середине X века, а с XII века усиливается, постепенно вытесняя из научного обихода прежний критический подход. Имена греческих мудрецов и философов – Пифагора, Аристотеля и Платона – обрастают богатой легендарной «оболочкой», обретая совсем иное толкование и значение в музыкальной науке. Начинается период длительной мифологизации этих личностей, приспособления их авторитета и статуса к собственным знаниям и представлениям о музыке, к потребностям собственной музыкальной науки и практики. Эпитеты «второй Пифагор» (*Фисагурс-и сани*), «подобный Пифагору» и т.д. широко проникают в музыкальную практику разных эпох, обретая значение высоких художественно-эстетических оценок и суждений. Они оседают в исторических хрониках, художественной прозе, трактатах о музыке и других письменных источниках. Процесс усвоения и мифологизации протекает и в среде практиков – создателей и исполнителей ученой (высокой) и народной музыки, и в науке о музыке.

«Путь» от Пифагора к Фисагурсу – от реального к сакральному – продолжается почти целое тысячелетие по всему мусульманскому миру. Когда известный музыковед В.С. Виноградов как-то спросил азербайджанского народного певца и музыканта Джаббара Каръягды: «Кто был родоначальником азербайджанской музыки?», то получил незамедлительный ответ: «Питаго», то есть Пифагор⁴. Аналогичные представления были зафиксированы в XX веке и в Средней Азии – у туркменских музыкантов, узбекских мастеров музыкальных инструментов...

Греческие мудрецы дополнили уже имевшийся богатый «пантеон» древних среднеазиатских легендарных персонажей, покровителей искусства музыки – пения и игры на музыкальных инструментах, создателей первых музыкальных инструментов, – а также ветхозаветных святых, мусульманских пророков и суфийских подвижников. «Древние греки» вступали с ними в различные отношения – «партнерские» и дружественные, родственные и соперничающие... Примером сложных отношений исторических фигур из разных историко-культурных миров в процессе сакрализации собственной истории музыки и ее отдельных слагаемых (инструментов и ладов ученой музыки – *парда-макамов*) могут служить отношения Барбада и Пифагора (Фисагурса).

Пересечение «музык» и судеб: Барбад и Пифагор

Легендарные покровители музыки у разных народов – явление хорошо известное. Их «пантеон» существовал и у народов Средней Азии. У тюркских музыкантов в него входили такие фигуры, как знаменитые Коркут Ата, Камбар Ата (Гамбар Баба и т.п.), Ашик Айдин и другие⁵. Образы некоторых из них были известны задолго до проникновения в регион знаний об античной мудрости.

Для персидской традиции такой фигурой стал легендарный Барбад, придворный музыкант Хусрава Парвиза, правителя сасанидской державы. Через столетия личность Барбада оказалась странным образом сопряженной с греческим мудрецом Пифагором. Одна из основных заслуг Барбада, признанная средневековой наукой о музыке, – создание им первой системы канонических ладов, состоявшей из семи ладов, именуемых термином *парда*. Барбаду же приписывается в поздней поэтико-исторической и научной традиции (Абулкасим Фирдауси, Низами Ганджави и др.) создание инструмента *барбат* – короткой лютни, ставшей со временем прообразом и «порождающей моделью» для арабского и общемусульманского *уд’а*.

Оба эти изобретения – инструмент и система первых ладов – оказались вовлеченными в сложный процесс становления мусульманской модели музыкальной культуры. Формирование этой цивилизационной модели сопровождалось противостоянием, взаимодействием и интеграцией различных региональных школ и традиций. Они воспринимались и как реальные исторические факты творчества, и как символы иной культурной традиции. Образ самого Барбада стал ярким символом доисламской персидской музыкальной традиции.

Однако уже в XIV в. и в последующие столетия оба главных «изобретения» Барбада стали приписываться Пифагору (иногда – Аристотелю или Платону). Такая замена не была случайностью или результатом забывчивости авторов трактатов о музыке. Они были знатоками истории музыкального искусства, энциклопедистами своего времени (как, например, Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули). Скорее всего, следует говорить о сознательном расширении ареала и значимости явлений, связанных ранее с именем Барбада, до уровня общих мусульманских ценностей. Этот процесс отражал изменения на практике: к XIII веку система *парда-макамата* была освоена по всему мусульманскому культурному ареалу. Еще ранее это случилось со старым музыкальным инструментарием, к которому принадлежал и *барбат*. Рассмотрим оба случая произошедшей замены авторства – инструмента и первой системы ладов.

Барбат и его «изобретатели»

Историю-легенду о первом музыкальном инструменте, созданном греческими мудрецами Пифагором и Аристотелем, изложил ученый-энциклопедист, крупный теолог-законовед, астроном, математик и поэт Имам Фахр ад-Дин Рази (1150–1209/10). С середины 70-х годов XII в. Рази жил и работал в Хорезме при дворе хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Такаша (1172–1200), где создал свое энциклопедическое сочинение на персидском языке «Джами’ ал-‘улум» («Собрание наук»), или, в рас-

ширенной редакции, – «Хадаик ал-анвар фи хакаик ал-асрар» («Цветущие сады из скрытых истин»). Сочинение посвящено 'Ала' ад-Дину Такашу и предназначалось для его сына 'Ала' ад-Дина Мухаммада (правил с 1200 по 1220 гг.), находившегося в то время на воспитании у Рази. В сочинении имеется небольшой раздел о музыкальной науке, состоящий из девяти глав. В последней, девятой, главе раздела Рази приводит историю-легенду о создании Пифагором первого музыкального инструмента и его усовершенствовании, а также об изобретении Аристотелем инструмента под названием *арганун*:

Основа девятая. О благородстве этой науки (*Дар шараф-и ин 'илм*). Из мудрецов философии (*хукама'-и филасафа'*) первым человеком, кто погрузился в эту науку, был Пифагор (*Фисагурс*); и говорят, что он был учеником (*шагирд*) Сулаймана, да будут ему благословения Аллаха! – Однажды ночью он увидел во сне, что некто сказал ему: – «Встань и иди на берег такой-то реки (*дарйа*), и от того, [что там получишь] создай науку (*'илм*)». На следующий день Пифагор встал и пришел на берег реки и долго ждал, но никого не увидел, у кого бы он обучился науке. На вторую ночь он увидел во сне то же самое, и на второй день также пошел на то место, и вернулся безрезультатно. На третью ночь он увидел тот же сон, и на третий день пришел и узнал, что этот сон не следует считать пустым. Затем он стал много размышлять. [А] в том месте располагалась группа кузнецов, [которые] били молотками по железу в [определенной] пропорции (*мунасиб*). Как только до Пифагора дошла идея об этом, он тщательно обдумал эти пропорции, вернулся домой и сделал целью то, чтобы установить разновидности [этих] соотношений среди звуков. Когда ему это стало известно, [он] с большим усердием создал некий инструмент (*сази*) и натянул на него шелковые струны (*абришим*), а [затем], по обычаю той эпохи, сочинил (*инша кард*) *касыду* о единстве (*тавхид*) всевышнего Бога, порицании [этого] мира и побуждении к тому свету, и пропел ту *касыду* перед народом, [играя] на том [своем] инструменте. И по этой причине множество людей [отказалось] от привязанности к этому миру и обратилось к тому миру. После этого инструменты среди мудрецов стали пользоваться уважением, и после того другие мудрецы размышляли о нем и сделали его более совершенным (*никутар*), пока не настал черед учителя (*устад*) мудрецов мира Аристотеля (*Аристаталис*), который подумал над этим и создал инструмент *арганун*⁶.

Главная идея, выраженная Рази в легенде, – это идея о духовном предназначении музыки. С ней связан вопрос о философско-этическом статусе музыки и музыкальной науки. Легенда о Пифагоре и кузнецах, о происхождении музыкальных инструментов и науки о музыке – плод древнегреческой мифологии и музыкально-эстетической мысли. Она прошла через всю античность, была воспринята на Среднем Востоке и в Средней Азии, в средневековой Европе⁷. Ее различные версии – с описанием экспериментов Пифагора с молотками в кузнице при исчислении основных интервалов, изобретения инструмента монохорд и т.п. – излагались в большинстве музыкальных трактатов античности, начиная с неопифагорейца Никомаха (II в. до н.э.)⁸.

Обращение Фахр ад-Дина Рази к этой легенде могло быть вызвано также необходимостью обоснования легитимности музыкального искусства и науки о музыке, не противоречащих религиозно-нравственным принципам ислама и – более того – способствующих их утверждению. Этот момент ясно передан в эпизоде обращения народа от «здесьнего» к «горнему» миру, произошедшего благодаря слушанию *касыды* под аккомпанемент музыкального инструмента. Для Фахр ад-Дина Рази, этого, по определению Франца Роузенталя, «великого теолога»⁹, такое предназначение музы-

ки – доносить до людей весть о горнем мире и его красотах – естественно. Традиционен и способ передачи – пение касыды в сопровождении игры на музыкальном инструменте. Поэты той эпохи использовали различные музыкальные инструменты для озвучивания своих поэтических творений – *чанг*, *уд*, *барбат* и другие¹⁰. Рази не упоминает о каком-то конкретном инструменте, пользуясь его общим обозначением – *саз* (или *соз*) и таким образом подчеркивая универсальность предназначения музыки.

Очевидно, что наделение музыкальной науки особой характеристикой – благородством (*шараф*), – судя по контексту появления (в одной главе с рассказом о Пифагоре и Аристотеле), проистекало от ее опоры на знания и на образы этих почитаемых на Востоке мудрецов. Тем самым утверждалась мысль о преемственности знания, восходящего к благородным и совершенным источникам¹¹.

Есть основания считать, что эта легенда, как и близкие ей легенды, широко циркулировала в устной среде музыкантов-практиков в разные эпохи развития музыкальной культуры в Средней Азии, Иране, на Кавказе (см. приведенное выше свидетельство В.С. Виноградова). Устойчивый и обширный мифопоэтический пласт, связанный с образами греческих мудрецов, обнаруживает культурно-историческое наследие Хорезмского оазиса. Возможно, что он в какой-то степени мог учитываться Фахр ад-Дином Рази¹². Прямую «устную параллель» к тексту Рази образует хивинская легенда о происхождении *ребаб*'а (струнного инструмента), записанная музыкальным этнографом В.А. Успенским со слов народных музыкантов.

Главным действующим лицом в этой легенде является Пифагор. При пророке Солеймане жил Писагурс (Пифагор), который раз видел сон о том, что он был на базаре и видел кеманчу (инструмент для очистки шерсти). Проснувшись, он взял струну кеманчи, нашел скелет черепахи и сделал из нее *ребаб*¹³.

Аналогичные легенды у туркмен, «имеющие отношение к музыке и связанные с греческими историческими именами и мифами», записаны В.А. Успенским в 1920-е–30-е годы¹⁴. Ученый приводит легенды о происхождении инструмента дутар, сообщенные ему туркменскими музыкантами. Одна из них связана с именем Эфлатуна (Платона) и мифической птицей Какнус (Феникс)¹⁵.

Легенда об изобретении первого дутара Платоном (Афлотуном) была известна и узбекским мастерам – изготовителям музыкальных инструментов, в частности, знаменитому ташкентскому уста Усману Зуфарову. В ее трактовке имеется оригинальная деталь, отражающая специфику изготовления инструмента дутар. Созданный Афлотуном дутар

был очень некрасивый, тяжелый, так как был вырезан из цельного бревна, и звучал слабо и глухо. Платону хотелось, чтобы инструмент звучал сильно и красиво, но он не знал, что для этого надо сделать. Каждый день мудрец наблюдал, как пастухи, отяжелев после плотного утреннего завтрака, ходили от ворот к воротам, собирая стадо, голоса их звучали глухо и низко. Зато вечером, когда они возвращались с пастбища голодные, с пустыми желудками, голоса их звенели звонко и высоко. Так Платон догадался, что и дутар для лучшего звучания должен быть внутри пустым. И с тех пор, говорится в заключение легенды, дутары стали легкие и красивые, с тонкими долблеными корпусами¹⁶.

Аналогичная легенда о мудром Платоне – Афлотуни Доно, который усовершенствовал дутар (сделал корпус инструмента полым и т.д.), была распространена в Каратегине (Таджикистан)¹⁷.

Приведенные факты позволяют рассматривать легенду Фахр ад-Дина Рази не как простое следование традиции, уже известной в науке о музыке, а как оригинальное свидетельство о взаимодействии устной и письменной традиций музыкальной науки в пределах конкретного региона Средней Азии.

Проникновение данной легенды, как и других аналогичных, в письменную традицию музыкальной науки впервые произошло, по-видимому, в трактате о музыке, входящем в энциклопедию наук «Ихван ас-Сафа ва хуллан ал-вафа» («Братья чистоты и друзья верности», сер. X в.). В одной из глав трактата происхождение музыки и музыкальной науки напрямую связывается с деяниями мудрецов¹⁸. Эти сведения могли быть известны Фахр ад-Дину Рази. Однако, если «Братья чистоты» считают, что Пифагор вывел основы науки о музыке из звучащей гармонии небесных сфер, а некие мудрецы (без конкретных имен) развили ее дальше, то Рази, по-видимому, впервые переносит эту идею «с небес на землю», изменяя сюжет легенды о мудреце Пифагоре добавлением в него кузнецов и фигуры Аристотеля (что ближе к античным источникам). Аристотелю Рази отводит особое место в своей энциклопедии, называя его (в «науке об историях» – *‘илм ат-таварих*) предводителем «ученых мира» (*муктадаи хукамаи ‘алам*)¹⁹.

Впоследствии эта легенда в различных по объему версиях, с указанием и без указаний на Фахр ад-Дина Рази, кочуя из века в век, повторялась в самых различных сочинениях по музыкальной науке в странах и регионах исламского мира – в Средней Азии, Северной Индии, Иране... Этому способствовал статус энциклопедии Рази, которая пользовалась известностью в средневековье как ценное «учебное пособие» для изучения мусульманских наук. Легенда об изобретении Пифагором *барбат*’а обрела исключительную популярность в самых различных кругах музыкантов, теоретиков и ценителей музыки.

Одним из первых важную «поправку» о том, что Пифагор создал не какой-то инструмент вообще, а именно *барбат*, внес в легенду Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули (ум. после 1352 г.) в разделе о музыке своей энциклопедии наук «Нафаис ал-фунун фи ‘арайис ал-‘уйун» («Драгоценности наук в отношении невест всех сущностей»)²⁰. Позже ее повторил (по-видимому, опираясь на труд ал-Амули) в своем «Трактате о музыке» Наджм ад-Дин Кавкаби Бухари (ум. в 1532/33 г.)²¹. Следуя за Кавкаби, легенду об инструменте *барбат* повторяет в своем трактате о музыке известный музыкант Дарвиш Али Чанги (втор. пол. XVI – 20-е годы XVII вв.)²². И даже один очень поздний трактат о музыке на узбекском языке (датируется 1930 г. и представляет собой перевод с персидско-таджикского) также приводит краткую версию о создании Пифагором инструмента *барбат* после посещения базара мастеров по металлу (*темурчиларнинг бозори*)²³.

Приведу текст легенды в передаче Наджм ад-Дина Кавкаби, чей «Трактат о музыке» и другие сочинения оказали исключительно значимое влияние на последующее развитие науки о музыке в Средней Азии, Иране, Северной Индии и других регионах исламского мира. Легенда содержится во второй главе «Трактата о музыке» («О музыке и определении ее предмета»):

Говорят, [что] эту науку вывел мудрец Пифагор, который был учеником *Лукмана*^{*}. Причина его обращения к этой науке была такова: однажды ночью он увидел во сне, будто пришел к нему какой-то человек и сказал: «Приходи завтра на базар кузнецов, и тебе откроется тайна из тайн мудрости». Когда [Пифагор] проснулся, было утро, он встал и пошел в ту сторону, и пребывал на том базаре в размышлении о раскрытии той тайны, до тех пор, пока не услышал некий звук, [исходивший] от удара тех тяжелых тел, дававших вместе некое отношение, от которого он получил наслаждение. И [тогда Пифагор] отошел от того места в угол, выдернул волос из бороды и провел по нему ногтем, из него появился звук. Но [звук] этот был слабый, [и он] заменил волос на шелковую нить, и стал размышлять о создании некоего инструмента, на который [были бы] натянуты шелковые струны. [И так продолжалось] до тех пор, пока однажды [Пифагор] не пришел к подножью горы, [где] лежала упавшая [мертвая] черепаха с остатками сгнившей кожи на [части] панциря. Когда ветер попадал в ее полость, оттуда появлялся некий звук. [Пифагор] взял эту [вещь] и создал *барбат*, и приделал к нему гриф, и приложил усердие в его довершении и совершенствовании до тех пор, пока не достиг совершенства. Хотя в появлении этой науки и называли другие причины, однако то, что признано большинством, – таково, как это было приведено [выше]. А Всевышний Аллах знает лучше²⁴.

Такая устойчивость и повторяемость данной легенды в трактатах о музыке и других письменных источниках может объясняться устойчивостью образов греческих мудрецов в самой музыкальной практике. Представления широкой музыкальной среды не могли не учитываться и не отражаться в науке о музыке. В особенности в ее поздний период, когда произошло сближение музыкальной науки с практической эстетикой и теорией самих музыкантов и одновременно – отдаление от строгих естественнонаучных, рационалистических и математических принципов музыкального знания. Даже в XV веке, в период расцвета в музыкальной науке систематической теории *макамат*'а с ее математическими способами изложения, мы видим особый пиетет перед заслугами греческих мудрецов – Пифагора, Аристотеля, Платона и других. Статус создателя музыкальной науки и музыкального инструмента (*соз'а*) признает за Пифагором (*Фишогурс хахим*) Алишер Навои²⁵. Строгое разграничение, проведенное ал-Фараби, а затем Ибн Синой, между научным подходом и «народными представлениями» по ряду проблем музыкально-эстетического характера, критика ими подобных взглядов как ненаучных, основанных на ложных посылах, остались в прошлом. Уже никто не вспоминал и не цитировал точку зрения Фараби на роль «мудрецов» в развитии музыкального искусства и науки о музыке как обывательское мнение «людей из толпы» (*кавму мин ал-джумхур*), считающих, что «мудрец – это первый, кто изобрел практические искусства, и от него они распространились в народе»²⁶. Разграничение между народным и ученым пониманием эстетических вопросов музыки было полностью преодолено.

Сакральная история ладов (*парда* и *макам*)

Обратимся теперь к рассмотрению другой исторической заслуги Барбада – создания им первых семи *парда* – ладов ученой музыки. В этой истории все повторилось по

^{*} *Лукман* – праведник в исламе, именем которого названа 31 сура Корана. Согласно Корану, был мудрецом, постигшим бытие единого Бога. (Прим. ВС.)

тому же сценарию, что и в истории с инструментом *барбат*, – через несколько веков после Барбада создание *парда* было приписано Пифагору.

Одно из ранних свидетельств осознания Барбада в качестве основоположника древней системы ладов – *парда* (персидско-хорасанско-мавераннахрской системы) содержится в трактате о музыке «хорасанского устада» (устад-и Хорасан) Мухаммада ибн Махмуда ибн Мухаммада Нишапури (втор. пол. XII – пер. пол. XIII вв.). Этот небольшой трактат целиком посвящен описанию системы *парда*. Нишапури впервые формулирует краткую историю становления системы *парда*, начиная ее с творчества Барбада и включая в нее имена продолжателей «дела Барбада» – персидских музыкантов, завершивших на практике образование системы двенадцати *парда*.

Вот что он пишет об этом:

Всё, что создал и играл (*безад*) Барбад, было не более семи *парда*, соответственно семи планетам. Когда появился Са'иди, он довел [количество] *парда* до двенадцати в [период] служения [у] шаха Шируха (Шируйя), и он, [Са'иди], был учеником (*шагирд*) Барбада. После того возвысились другие *устад*ы и сочинители (*мусаннифан*), такие как Шамс ад-Дин Мухаммад Йахйа и Камал аз-заман Хасан Найи; [они] прибавили шесть *шуба*, которые были упомянуты [выше]. Так как *парда* было двенадцать, [то] из каждых двух *парда* произвели [одно] *шуба*, и сверх этого не имеется. А после того появились совершенные *устад*ы (*устадан-и камил*) и [также] приложили старание, [но] больше [того, что уже есть] не смогли сделать ни сколько. И [тогда] они извлекли каждые два *парда* из пяти мест (*пандж джаи*)²⁷.

Приведенный текст интересен для реконструкции истории становления системы *парда-макамата*. Он свидетельствует об осознании музыкантами генезиса двенадцати *парда* и выделении его в самостоятельную «тему» внутри науки о музыке. Созданная Нишапури история – это самый ранний пример канонизации музыкально-исторических сведений о системе *парда*. Отношение к Барбаду в трактате Нишапури выдержано в духе реальной научно-практической традиции. Кроме сведений о сочинении Барбадом первых семи *парда*, Нишапури сообщает также о создании им инструмента *руд-и хама* или *руд-и джама* (встречаемая форма написания: *руд-хама*, *руд-джама*), которому он также придает знаковый смысл²⁸.

Очевидно, что Барбад воспринимался Нишапури в качестве основоположника «науки музыки», родоначальника практического знания о *парда* в ее хорасанской традиции. В этом значении Барбад – фигура, вполне сопоставимая с Пифагором (Фисагурс). Осознанно или неосознанно, но Пифагору стало отводиться место, исторически принадлежавшее Барбаду и в области истории *парда-макамат*'а, либо они следовали рядом. Так же как и в истории создания *барбат*'а Пифагором, одним из первых о Пифагоре и семи *парда* написал автор уже упомянутой выше энциклопедии наук «Нафаис ал-фунун фи 'арайис ал-'уйун» Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули: «Некоторые говорят, что основных *парда*, которые вывел Фисагурс, было семь»²⁹. Эту же историю *парда-макамов*, где создание первых семи *парда* приписано Пифагору, мы находим и в трактате о музыке Наджм ад-Дина Кавкаби Бухари. В пятой главе («Об основных *парда*») он пишет следующее:

Знай, что основных *макамов* – двенадцать: 'Ушшак, Нава, Бусалик, Раст, 'Ирак, Исфакан, Зирафган, который называют также Кучак, Бузург, Зангула, который называют также Нихаван,

Рахави, который называют также *Рахади*, *Хусайни*, *Хиджаз*. И сказано было, что всех основных *парда*, которые вывел Пифагор, было семь: первый – *Нава*, второй – *Бусалик*. *Парда* под этим названием стало известным благодаря тому, что у Пифагора был некий слуга по имени *Бусалик*, [который] постоянно пел для него в этом [*парда*] *бейты* по-тюркски. Это *парда* стало известным под его именем. Третий – *Раст*, и его называют *Раст* по той причине, что большинство звуков в этом *парда* согласуются [друг с другом]. По этой причине его называли также *умм ал-адвар*.

Четвертый – *‘Ирак*, и причина такого названия у этого *парда* следующая: был некий правитель в *‘Ираке*, которому очень нравилось это *парда*, [и] оно получило известность под его именем. Пятый – *‘Ушшак*, шестой – *Зирафган*, седьмой – *Рахави*, и причина его наименования [в том], что *Рахави* – одно из селений *Рума*. Говорят, однажды ночью туда явился некий гость с красивой внешностью, мудрец Пифагор всю ночь не спал, наблюдая его, и составил это *парда*. Когда наступил день, истинно [это *парда*] было завершено. [И] стало так, что его называли *Рахави*. Таково то, что довелось услышать о причине названий некоторых из *макамат*. А о причине [для] некоторых других [из] упомянутых, говорят, что могло быть, что [и у них] имеется [своя] причина наименования. Или же, – да будет ведомо, – что эти названия произошли необдуманно, [без связи с] причиной наименования, так что каждый из них называется как заблагорассудится.

А некоторые другие говорят, что *макамат*, которые извлек тот совершенный мудрец, – было восемь *парда*, и они следующие: *‘Ушшак*, *Бусалик*, *Раст*, *‘Ирак*, *Исфахан*, *Рахави*, *Хусайни*, *Хиджаз*, а те четыре других *парда* мудрецы извлекли из этих *макамат*, таким образом, что *Нава* из *‘Ушшака*, *Зангула* из *Раста*, *Бузург* из *‘Ирака* и *Зирафган* из *Исфахана*³⁰.

В XVI–XIX вв. эта история *парда-макамов* почти без изменений повторяется в целом ряде трактатов о музыке, созданных в Средней Азии, Северной Индии, Иране. Вместе с ней повторяется и история *парда*, изложенная Мухаммадом Нишапури, но с некоторыми изменениями (искажениями) в передаче имен музыкантов и даже имени самого Барбада. Примечательно, что она присутствует в трактатах о музыке позднесредневековой Бухары, в частности, в уже упомянутом трактате Дарвиша Али Чанги³¹. Таким образом, в одно время существуют две истории *парда-макамата*, восходящие к двум разным сакральным фигурам – Барбаду и Пифагору. Образ последнего, «привнесенный» в науку о музыке арабоязычными и персоязычными авторами в качестве ее «нового» основоположника, оказался достойным «соперником» Барбада.

Обе «истории» – об инструменте *барбат* и первых семи *парда* – позволяют заключить, что среди музыкантов и теоретиков музыки средневекового периода в Средней Азии и других регионах исламского мира задача воссоздания точной истории музыкального искусства, установления имен музыкантов-новаторов, закрепления за ними их реальных творческих заслуг не имела принципиального значения. Скорее всего, эти имена вводились для того, чтобы обеспечить социальную легитимность, поднять статус ученой музыки светского направления, исполняемой в придворных кругах и в просвещенной части общества (система *парда-макамат’а*). Приводя общепризнанные и почитаемые в самых разных областях знания мусульманского общества имена греческих ученых и философов, авторы трактатов о музыке утверждали идею о том, что высокое искусство музыки и наука о ней обладают благородными качествами и принадлежат к высшим эстетическим ценностям своего времени.

Примечания

¹ *Хакима ва Мутриба*. Шеърлар. Нашрга тайёрловчи М. Махмудов. – Тошкент: УзССР Давлат бадиий адабиёт нашриёти, 1962. – С. 28. Здесь и далее все специально не оговоренные переводы с узбекского, персидско-таджикского и других языков выполнены автором статьи.

² См.: *Абу Наср ал-Фараби*. Китаб ал-мусика ал-кабир. – Каир, 1967. – С. 64, 89, 182, 204, 1181.

³ Там же. – С. 63, 82, 90, 92, 93, 95, 96, 101, 103, 104, 105, 204, 359, 1174, 1185 и др.

⁴ См.: *Виноградов В.* Классические традиции иранской музыки. – М.: Советский композитор, 1982. – С. 44. Также: *Он же*. Музыка Советского Востока. От унисона к полифонии. Очерки. – М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1968. – С. 23.

⁵ См., например: *Джумаев А.* Камбар-Ата (Камбар, Баба-Гамбар) и музыкальные традиции народов Средней Азии // «Курак», Бишкек, 2004, № 6. – С. 9–12.

⁶ Перевод выполнен на основе ташкентской литографии и с учетом издания в Иране критического текста: *Имам Фахр ад-Дин Рази*. Джами' ал-улум'. Ба са'йи ва ихтимам-и Саййах 'Абд ар-Рахман бин ал-Хадж Мухаммад Садик ва ширкайа. – Ташкент: 1331/1913. – С. 377–378; *Илм-и мусики бар гирифте аз Джами' ал-улум Фахр ад-Дин Рази*. Ба тасхих ва мукаддима-йи Амир Хусайн Пурджавади // Ма'ариф, Vol. X, № 2&3. – Tehran, March 1994. – С. 104.

⁷ Об отражении этой легенды в античной и европейской средневековой традиции см., в частности: *Шестаков В.П.* От этоса к аффекту. История музыкальной эстетики от античности до XVIII века. – М.: Музыка, 1975. – С. 61, 66, 95. См. также: *Джумаев А.* Вопросы музыкальной эстетики в трудах ученых Среднего Востока IX–XII веков. Диссертация на соискание уч. степ. канд. искусствоведения. – Ташкент, 1981. – С. 117.

⁸ См.: *Жмудь Л.Я.* Пифагор и его школа (ок. 530 – ок. 430 гг. до н.э.). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. – С. 97–100.

⁹ *Роузенвальд Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе / Пер. с англ. С.А. Хомутова. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. – С. 138.

¹⁰ См.: *Рашид ад-Дин Ватват*. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р). Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю. Чалисовой. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – С. 89.

¹¹ Однако не исключены и другие причины. На них указывает Рази при объяснении причин благородства и совершенства у других наук.

¹² Отметим наличие и других связей с местными среднеазиатскими традициями, в том числе – с характерными для историко-культурной области Хорезма, где протекала научно-преподавательская деятельность автора энциклопедии «Джами' ал-улум». Это касается, в частности, способа получения Пифагором искомого знания: оно приходит к нему во сне. Из этнографической литературы по Средней Азии и Ирану известно, что обретение определенных знаний во сне – удел музыкантов, бахши, шаманов...

¹³ *Успенский В.А., Беляев В.* Туркменская музыка. Том I. Изд. 2-е. Статьи и 115 пьес туркменской музыки. Под общей

редакцией В. Беляева. Ред., предисл. и коммент. Э.Е. Алексеева. – Ашхабад: Туркменистан, 1979. – С. 113; *Успенский В.А., Беляев В.М.* Туркменская музыка. В 2-х томах. / Отв. ред. доктор искусствоведения Ш. Гуллыев; ред., предисл. и коммент. Э. Алексеева. – Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 2003. – С. 94.

¹⁴ См.: *Успенский В.А., Беляев В.* Указ. соч., 1979. – С. 38; *Успенский В.А., Беляев В.М.* Указ. соч., 2003. – С. 41.

¹⁵ См.: *Успенский В.А., Беляев В.* Указ. соч., 1979. – С. 112–113; *Успенский В.А., Беляев В.М.* Указ. соч., 2003. – С. 94; см. также об этих и других легендах о дутаре: *Гуллыев Ш.* Туркменская музыка (наследие). – Алма-Ата: Фонд Сорос-Казахстан, 2003. – С. 62.

¹⁶ *Аведова Н.А.* Искусство оформления узбекских музыкальных инструментов. – Ташкент: Издательство художественной литературы, 1966. – С. 56.

¹⁷ См.: *Данскер О.Л.* Музыкальная культура таджиков Каратегина и Дарваза // Искусство таджикского народа. Вып. 3. [Сб. ст. и мат.] / Отв. ред. Н.Х. Нурджанов. – Душанбе: Дониш, 1965. – С. 261.

¹⁸ См.: *Ихван ас-Сафа ва хулла ал-вафа*. – Бомбей, 1887. – С. 86–87; см. перевод А.В. Сагадеева: Глава о том, что музыкальное искусство обязано своим происхождением мудрецам. // Музыкальная эстетика стран Востока. Общ. ред. и вступит. статья В.П. Шестакова. – М.: Музыка, 1967. – С. 265–266. (Электронный ресурс: http://enoth.narod.ru/Philosophy/ph03_brothers.txt).

¹⁹ *Имам Фахр ад-Дин Рази*. Джами' ал-улум'. Указ. изд. – С. 104–105.

²⁰ *Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули*. Нафаис ал-фунун фи 'арайис ал-'уйун. Рукопись Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), № ПНС 81. – Л. 330б.

²¹ *Наджм ад-Дин Кавкаби Бухари*. Рисала-йи мусики. Рукопись Института востоковедения им. Беруни АН РУз № 468/IV. – Л. 646–65а.

²² См.: *Дарвиш Али Чанги*. Рисала-йи мусики. Рукопись Института востоковедения им. Беруни АН РУз № 449. – Л. 21б.

²³ См.: *Рисала-йи илм-и мусикининг байанида*. Рукопись Института востоковедения им. Беруни АН РУз № 272/IV (Фонд Х. Сулейманова). – Л. 60а.

²⁴ *Наджм ад-Дин Кавкаби Бухари*. Указ. рукопись № 468/IV. – Л. 646–65а.

²⁵ См.: *Навоий Алишер*. Мукамал асарлар туплами. Йигирма томлик. 16 том. Тарихи анбиё ва ҳукамо. Масъул муҳаррир: М. Мирзаахмедова. – Тошкент, 2000. – С. 191.

²⁶ *Абу Наср ал-Фараби*. Указ. соч. – С. 99.

²⁷ *Мухаммад ибн Махмуд ибн Мухаммад Нишапури*. [Трактат о науке музыки]. Рукопись Института восточных рукописей Российской АН № С 612. – Л. 27б.

²⁸ См.: *Мухаммад ибн Махмуд ибн Мухаммад Нишапури*. Указ. соч. – Л. 27б, 28а.

²⁹ *Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули*. Нафаис ал-фунун фи 'арайис ал-'уйун. Указ. рукопись № ПНС 81. – Л. 339а–339б.

³⁰ *Наджм ад-Дин Кавкаби Бухари*. Указ. рукопись № 468/IV. – Л. 656–66а.

³¹ См.: *Дарвиш Али Чанги*. Указ. рукопись № 449. – Л. 11а.

Андрей ВОЛОС

Возвращение в Панчруд

(Главы из нового романа)*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пять дирхемов. Буквы. Суфий

Не успели выйти за околицу, обогнала пустая арба. Посторонились, а этот насупленный парень даже рукой не махнул, погромел себе дальше. Должно быть, расстраивался, что его в праздничный день куда-то нелегкая понесла... Потом навстречу старик на осле, груженном двумя здоровущими мешками с капустой. Издали начал прикладывать ладонь ко лбу... подъехав, поприветствовал. И долго еще озирался.

Теперь дорога была пуста.

Джафар шел медленно, понурившись, как будто за спиной оставалось пожарище или что похуже.

На самом деле, наверное, если где и дымились ныне угли пепелища, то только в сердце бедного старосты.

Начиналось все хорошо. Пришел Бехруз, раскинул дастархан на траве под платаном, принес котел с горячим молоком, лепешки, кислое молоко, молодую зелень и сушеный тутовник.

К тому времени, когда он заканчивал устройство стола, подоспел и староста – как и вчера, в сопровождении нескольких сельчан.

Долго здоровались и приветствовали друг друга; староста, а за ним все уважаемые люди (их было четверо), по очереди беря ладони Джафара в свои, интересовались, как он себя чувствует, хорошо ли спалось, не досаждали ли комары или иные зловредные насекомые, а получив от слепца уверение в его совершенном благополучии (с каждым разом все более сухое), спешили высказать благопожелания и выразить уверенность, что и сегодня, и впредь его дела будут обстоять так же блестяще. Джафар не успевал, как правило, в свою очередь поинтересоваться самочувствием собеседника, поскольку тот уступал место следующему, передавая тому нагретые ладони поэта примерно так, как в пиру передают заздравную чашу, полную сладкого вина.

* Продолжение. Начало в вып. XXVI–XXIX.

Наконец расселись.

Разговор сразу двинулся на то же самое поле, по которому и вчера уже поездили вдоволь: о порядке ведения свадебного пира, о приличном количестве подарков со стороны жениха, о том, стоит ли родителям невесты стараться ответить дарами того же количества или той же стоимости, а также о многих иных вещах, без которых порядочных свадеб не бывает. Разговор тек, как река, – то расходясь зеркалом на просторах всеобщего согласия, то начиная бурлить и пениться на камнях противоречий. Джафар по большей части отделялся угуканьем и кивками, а его собеседники, доводя ту или иную линию разговора до ее логического завершения, до тупика и следующего за ним по необходимости окончания спора, то и дело поворачивали коней в обратную сторону: только что, например, несомненно отстояв право жениха хотя бы мельком увидеть лицо невесты до свадьбы, говорящий высказывал кое-какие сомнения в справедливости этой позиции и, мало-помалу разгораясь, принимался защищать противоположную; остальные всякий раз послушно подстраивались под изменение курса и с таким же, если не с большим, жаром начинали разубеждать его в том, что сами только что столь бескомпромиссно отстаивали.

Обеспокоившись неразговорчивостью гостя, староста поманил к себе Бехруза и что-то пошептал.

Вскоре после этого появились два кумгана вина, однако Джафар, к удивлению Шеравкана, пить наотрез отказался, смутив присутствующих, кое-кто из которых, как ему показалось, был бы не прочь воспользоваться случаем и поднять чашу. В итоге никто не посягнул, и кумганы, печально накренясь, так и стояли в сторонке до самого конца.

Тогда староста, немного смущаясь и как будто чувствуя себя в чем-то виноватым, заговорил о ближайшем будущем. По его словам выходило, что нынешнее их скромное, подходящее к концу застолье является всего лишь самым предварительным наброском того, что должно произойти в дальнейшем. Памятуя о том, сколь знатный гость посетил ныне их бедный кишлак, он нынче с утра велел зарезать козленка. В скором времени все они, собравшиеся здесь, переместятся под вон те деревья («Видите? – решил уточнить староста. – Вон куда Бехруз понес котел!»); поскольку не было никаких сомнений, что староста обращается именно к нему, Джафар был вынужден в ответ хмуро кивнуть). К ним подойдут еще некоторые из уважаемых жителей села – очень знающие и достойные люди. Вот, например, мельник. Он шестерых сыновей женил. Он точно знает, что в какой последовательности положено делать. И, разумеется, всегда готов поделиться своим знанием. Что может быть лучше, чем сесть на приятном весеннем ветерке под цветущими сливами и по-настоящему хорошо провести время – за вкусной едой, хорошим питьем и приятной беседой!..

Джафар беспокойно закрутил шейю. Шеравкан взял его под локоть: я тут, мол.

– Спасибо, большое спасибо! – сказал слепец, вскидывая голову так, будто намеревался взглянуть на присутствующих из-под повязки. – Очень большое спасибо! Мы чудесно переночевали. Спасибо за угощение... И я, и мой друг Шеравкан с удовольствием бы остались навсегда в вашем таком гостеприимном, таком радушном кишлаке, населенном такими сердечными и добрыми людьми. Но, к величайшему нашему сожалению, мы не можем долее принимать участие в вашем замечательном празднике. К сожалению, мы должны идти дальше. И хотим сделать это немедленно.

Его заявление вызвало всеобщее замешательство.

Староста был просто убит.

– Как же так! – восклицал он. – Это невозможно! Сегодня только второй день свадьбы! Я велел зарезать козленка! Вы не можете этого сделать!

Шепелявя, он то хватался за голову, то простирали руки к одному из уважаемых людей, как будто требуя заступничества; заступников хватало, однако сам виновник переполоха, высказавшись и еще раз поблагодарив за оказанный прием, уже более ни на что не обращал внимания.

– Мы с таким радушием!.. для нас такая честь!.. Завтра будет козлодрание!..

Никакое горе не бывает настолько беспросветным, чтобы навеки заслонить человеку солнце. Вот и староста с течением времени начал искать хоть какие-нибудь преимущества в том, что Царь поэтов отбудет сегодня.

– Ну и ладно, – толковал он, переводя беспомощный взгляд с Шеравкана (Шеравкану оставалось лишь пожимать плечами) на одного из уважаемых людей (те, как один, согласно кивали и поддакивали). – Мы понимаем... Дела есть дела... Что ж тут непонятного. Надо так надо... Зато я вам хороших лошадей дам. Ветер, а не кони! Только что кованные. Не успеете оглянуться – к вечеру приедете.

Царь поэтов снова вскинул голову, после чего выяснилось, что он намерен идти пешком. Шеравкан сжался: думал, Джафар снова начнет рассказывать, что господин Гурган отказал ему в праве пользоваться лошадьми, равно как и собирать милостыню. Но нет, не стал. Просто сообщил – и все.

Староста то ли не понял, то ли не хотел понять. Давно уже дело было ясно как божий день, а он все шепелявил насчет коней, подков, копыт и ветра: никак не мог взять в толк, почему, если уж так приспичило уходить, нельзя воспользоваться повозкой.

Шеравкан от греха подальше отошел в сторонку и видел только, как под конец разговора Джафар ожесточенно махнул рукой и отвернулся.

Застолье окончательно расстроилось.

Через минуту, утирая лоб, взопревший, должно быть, от пустых стараний и обиды, староста подошел к нему.

– Мальчик, я ничего не понимаю. Мы от всей души...

– Вы не обижайтесь, – сказал Шеравкан, морщась. – Просто он...

– Почему он не хочет поехать на лошади?! – трагически спросил староста.

– Ну просто он такой человек, – со вздохом затаенной гордости сказал Шеравкан.

– Да? Не понимаю... не понимаю, каким человеком надо быть, чтобы не хотеть пользоваться повозкой... ну ладно, ладно... послушай меня, мальчик.

Староста цепко взял его ладонь (думал, должно быть, что поводырь начнет вырываться), положил на нее пять дирхемов и, умоляюще глядя в глаза, накрыл второй рукой, заставив сжать пальцы.

– Это вам на дорогу. Не отказывайтесь, очень вас прошу. Мы от всей души!

– Хорошо, хорошо...

Собственно говоря, он и не думал отказываться.

Пропажа пятидесяти динаров до сих пор стояла перед глазами, будто пожар. Дымное, снизу багрово подсвеченное облако.

Если бы не строгий запрет рассказывать сельчанам об их делах, он бы, конечно, поведал, какой сволочью оказался этот приبلудившийся к ним любитель поэзии – Санавбар. А что? Пусть бы все знали. Такой мерзавец – слепого обокрал.

В общем, эти пять монет (не динаров, между прочим, а всего лишь дирхемов) представлялись ему сейчас не благодарением, а чем-то вроде покаянного взноса судьбы.

– Вы очень добры, уважаемый, – с достоинством сказал он, пряча деньги. – Спасибо. Я расскажу Джафару о вашей доброте.

* * *

Они не отошли и на четверть фарсаха, но кишлак уже скрылся за увалом холма. Джафар шагал молча и был, казалось, чем-то удручен. Шеравкан тоже молчал, опасаясь нарушить хоть и непонятную ему, но вызывающую опаску невеселую сосредоточенность спутника.

Морщится – как будто что-то болит... вздыхает... и вздыхает-то как надрывно... может быть, на самом деле что-то болит? Но что? Если, скажем, голова заболит или нога – человек непременно схватится, сожмет ладонями, как будто стараясь выжать боль, выдавить прочь, избавиться от нее.

Нет, не хватается...

Боль – это, конечно, плохо. Иногда болит несильно – ну, локоть если немного ссадил... или коленку.

Но ведь бывает, что и сильно.

Вот, например, взять – и со всей силы по пальцу камнем!

Не нарочно, конечно, – увлекшись детской игрой, в упорном старании выколотить из обломка известняка тускло поблескивающий кристалл кальцита... Руки дрожат от спешки: вон Самад сколько уже набрал! – его драгоценности аж в кулак не помещаются. А у Шеравкана всего два – да и то мелкие, неровные. Ну ничего, вот сейчас, сейчас, вот он какой красивый... спрятался в норку... только бы не раскололся.

И, с последним, самым верным замахом, который позволит наконец достичь желаемого, – по пальцу!..

По указательному... который так похож на человечка.

Ноготь – как лицо, борода до первого сгиба... бороду нарисовать кусочком угля, нарисовать глазки-точечки, брови-черточки, кругляшок рта, зачернить волосы уже на мякоти подушечки... а второй сгиб – это будто подпоясан человек крепким кушаком.

Ах! Боль вспыхивает – и тут же обрушивается: вода с горы, ливень с небес, – только ко красный ливень, багровый, в цвет проступающей из-под ногтя крови. Бросается во все тело!.. плещет в голову!.. заливает глаза.

Ах, как больно!.. ах, как жалко палец!.. Что толку выть, зажав его между колен... прикладывать кусок холодной глины из арыка... утешать – мол, не плачь, сынок, скоро заживет.

Болит!.. болит!!

А если вспыхнувший болью палец и в самом деле превратился в человека? Или, наоборот, весь человек превратился в этот вопящий, с проступью крови, палец?..

И если уже не заживет?..

– Погоди, – одышливо сказал слепой.

Остановились.

– Передохнем... Присесть есть где?

Шеравкан взял за руку, подвел к подходящему валуну.

– Пить хотите?

- Не надо пока... виден еще кишлак?
- Нет, – сказал Шеравкан. – Уже не виден.
- Джафар удовлетворенно кивнул.
- Ну хорошо...

Помолчали. Шеравкан раздумывал, стоит ли говорить о несчастных этих пяти дирхемах. Его не поймешь. Еще рассердится, не дай бог... Как начнет орать: зачем взял! Как будто он клянчил... дают люди – почему не взять? Ведь не милостыню просили – сами дали, из уважения... И потом: как без денег? Было пятьдесят динаров – где они? Птица в стороне порхнула, – скорей ее порханье в карман положишь, чем те пятьдесят динаров...

Но вспомнил лицо едва не плачущего от огорчения старосты и решил: обещал все-таки.

- Староста вам пять дирхемов... – замялся, подбирая нужное слово.
- Что – пять дирхемов?
- Пожертвовал, – нашелся он.

Ну, сейчас начнется!

– Да? – удивился Джафар. – Пять дирхемов? – покачал головой. – Спасибо ему... Что же ты не сказал раньше? Я бы поблагодарил.

- Не знаю... я думал, вы, наоборот...
- Это очень много, – сказал Джафар, не слушая.
- Что – много? Пять дирхемов?
- Ну да, пять дирхемов.

Шеравкан помолчал. Но все-таки не выдержал:

- Разве пять дирхемов – это много?
- Слепец пожал плечами.
- Смотря кто дает.

Шеравкан снова сдержал хмыканье. Какая разница, кто дает? Пять дирхемов – они и есть пять дирхемов...

– Не веришь? Ну хорошо. Помнишь, я рассказывал, как взбунтовались жители кишлака Бистуяк? А знаешь, почему он так назывался? Сведущие люди говорят, будто в мире существует двадцать одно несчастье*. И приходят они к людям по очереди... Так вот в этом несчастном кишлаке несчастья и беды спокон веку паслись всем стадом. С одного краю чума – с другого холера. На северной околице скот пал, на южной – саранча. Не саранча – так пожар, не пожар – наводнение. Ни единого дня без напасти. Потому и название такое. Соответственно названию и люди там жили – не просто бедно, а так, что беднее уже некуда... Ну вот. А у Исмаила Самани был один хитрый министр... налогами управлял. Эмир его любил. Хотя тот, судя по всему, подворовывал. Но не попадался. Однажды Исмаил пригрозил ему: смотри, говорит, поймаю на горячем, пеняй на себя, буду судить. А министр отвечает: я, мол, раб у твоего трона, но если грозишь судом, то позволь мне самому выбрать судей. Исмаил позволил, и тогда министр попросил, чтобы его, в случае чего, судили старейшины кишлака Бистуяк...

- Этого самого кишлака? – уточнил Шеравкан.

– Этого самого. самого несчастного в мире кишлака. Эмир удивился. Подожди, говорит. Подумай, зачем тебе это? Старейшины кишлака Бистуяк – самые бедные, самые

* Бисту як – двадцать один (дари).

злосчастные в мире люди. Они тебе – богатому, знатному человеку – от своей злости на всю вселенную за самый малый пустяк такое присудят, что по миру пойдешь.

Шеравкан кивнул, прошептав:

– Ну верно... присудят.

– А министр стоит на своем. Нет, говорит, хочу их в судьи – и дело с концом. На том и сошлись. И вот однажды министр все-таки попался. Ну что же, уговор дороже денег. Послали в Бистуяк за старейшинами. Привезли трех старцев. Эмир рассказал им дело: так и так, вор посягнул на казну. Смертью казнить не хочу – уж больно человек знающий и ловкий. Присудите, уважаемые, какой штраф он заплатить должен. Имейте в виду, человек он небедный, все у него есть, дом – полная чаша, чуть ли не каждый день на столе манты с перепелиными языками. Мог бы даже в мою казну и не лазить, и без того бы отлично прожил. Что скажете?

Джафар поднял посох, на который опирался, и положил его себе на колени.

– Стали старейшины совещаться. Один говорит: вор. Другой: бессовестный вор! Третий: наглый ворюга. Выяснили, что мнение у них насчет министра примерно одно и то же. Осталось штраф определить. Мнут... Наконец один набирается смелости и говорит: тысяча динаров. Второй в ужасе: ты что, Аллах с тобой! Да будь он хоть сто раз министр, все равно: откуда у человека тысяча динаров?! Давай присудим сто. А третий махнул рукой и сказал: эх, мол, безжалостные вы люди. Мы с вами втроем по целой жизни прожили и ни разу ни единого динара и в глаза не видели, только слухи до нас доходили, что где-то ходят по свету подобные монеты. С чего вы взяли, что этот несчастный сможет такими бешеными деньгами расплатиться? Динар ему присудить в наказание – и то до самой смерти будет мучиться.

Ветерок потянул низом, принесся откуда-то запах мяты, и звон, с которым кузнечики начинали ковать прогретый воздух, стал слышнее.

– Да-а-а, – протянул Шеравкан. – И что же: так динар и присудили?

– Так и присудили, – кивнул Джафар. – Министр умный был: знал, что люди все мерят по себе.

– И деньги тоже?

– Деньги в первую очередь. Заметил, как в последнее время дирхем подешевел? – насмешливо спросил слепой. – Раньше-то как было: полдирхема за ночевку – слишком дорого. А после того кошелька? После кошелька пять дирхемов – мелочь.

Они помолчали.

– Вот такие они, денежки, – вздохнул слепой. – Чумы Господу мало показалось – он нас вдобавок деньгами наградил.

Шеравкан помолчал, размышляя.

– Вы хотите сказать, что деньги – болезнь?

– Зараза, – подтвердил слепец. – Да еще какая липкая...

– Но, учитель, – нерешительно возразил поводырь. – Не ко всем же прилипают. Вот, например, мой отец. Он сколько ни бьется – а и в помине нет такого, чтобы к нему деньги прилипли...

Слепец рассмеялся.

– Тут ты прав. Но я о другой липкости. Понимаешь, если человека чума подцепила – у него все-таки остается шанс выздороветь. А если деньги...

Он безнадежно махнул рукой.

– Но от денег не умирают, – не сдавался Шеравкан.

– Однако и живут недолго.

– Почему это?

– Да мало ли несчастных из-за своих богатств гибнет! То разбойники, то война. То слуги неверные, то сосед завистливый. То молодая жена. То, глядишь, собственные дети... Хватает напастей. Да и вообще, между прочим, бедняки до глубокой старости чаще доживают. Ему сто лет – а он все кетменем свою тощую глину крошит, все надеется на урожай, все рассчитывает, как вот он сейчас взрыхлит, а потом пройдет хороший дождь, пшеница его поднимется, заколосится... птиц он от нее будет гонять, зайцев... сохранит всю до зернышка, уберет, отвезет на базар, продаст, а на вырученные деньги внукам новые рубашки купит. А тут град налетел – и нет никакой пшеницы. Начинай сначала: бери кетмень, мечтай заново.

Джафар пристукнул посохом и сказал:

– Сам сколько раз думал: целительны они, что ли?

– Кто? – не понял Шеравкан.

– Да говорю же: мечты.

– Не знаю...

– Вот и я не знаю... Но главное-то вот в чем: если человек деньгами заболел, у него взгляд сужается. Деньги – ведь это очень важно, правда? Если нет денег, ты не можешь купить еды и одежды, не можешь содержать дом... очень, очень важно иметь деньги.

Джафар положил ладони на самую верхушку посоха и склонил голову, размышляя.

– Но ведь иметь деньги – это не более важно, чем иметь возможность забыть о них?

Шеравкан пожал плечами.

– И вот если человек не может забыть, значит все – заболел. Смотрит – а ничего, кроме денег, уже не видит. В глазах все перекошено. Солнце не продашь, не купишь. Солнце ничего не стоит. Воздух ничего не стоит. Счастье ничего не стоит... А раз все это ничего не стоит – он этого и не видит. Он слепнет.

Шеравкан вздрогнул. Его пронзила нелепая мысль: может быть, и Джафар ослеп от денег?

Судя по тому, что слепец замолчал, вскинув голову, он, произнеся сорвавшееся слово, тоже переосмысливал сказанное.

Невесело хмыкнул:

– Самое время мне, конечно, о чужой слепоте толковать.

– Ну и что! – с жаром сказал Шеравкан. – Ну и что! Вы же не виноваты, что так!

– Да, да.

Но, судя по всему, у него пропала охота рассуждать о деньгах.

– Ладно, – вздохнул он через минуту. – Все равно сидим. Палку ты мне хорошую вырезал, молодец, – в качестве, должно быть, доказательства Джафар снова пристукнул посохом о камни. – С такой палкой в руках я, можно сказать, вовсе не чувствую себя слепым. Теперь давай какой-нибудь пруттик, может быть, и тебя удастся сделать зрячим.

Шеравкан ждал этой минуты, надеялся на нее. Подходящий, на его взгляд, прут он подобрал сразу за околицей.

– Пожалуйста, учитель.

Вложил в ищущую ладонь.

– Ага, – сказал Джафар, сжимая пальцы. – Ну хорошо. Можем заняться делом.

Задрав голову, как будто отражение происходящего должно было появиться на небесах, он широко прочертил землю перед собой. Если это была проверка качества прута, то слепец, похоже, остался им доволен.

– Будет что-нибудь непонятное, обязательно останови меня и спроси. Понял?

– Понял.

– Молодец. Первое, что тебе нужно запомнить. Есть семь букв гордых – они всегда ходят в одиночку. Мы их выучим со временем: алиф, дол, зол, ре, зе, же, вов, – с каждым словом конец прута бойко чертил в воздухе не то очертания сказочных животных, не то контуры невиданных цветов. – И еще двадцать пять – дружных: эти вечно с кем-нибудь в обнимку, вечно к кому-нибудь пристают. Бо, по, то, со... и далее, о них я тебе тоже расскажу. Итак, алиф.

– Учитель! – робко сказал Шеравкан.

– Ну что еще? – буркнул Джафар.

Должно быть, у него уже сложился план речи. Кому понравится, когда перебивают!..

– Вы же велели, чтобы я спрашивал...

– Хорошо. Спрашивай.

– А что такое – буквы?

* * *

Ну да. Правда. Он ведь даже не знает, что такое буквы. Слово знает – «буквы». А что это такое, ему неизвестно.

Слышал краем уха. Есть, мол, такая таинственная вещь – буквы. Мулла держит перед собой книгу. «Что в книге? – Буквы, сынок».

То есть он – как нетронутый снег. Рано утром выглянешь – вот он. Белый-белый. Еще никто не ступал. Ровная гладь.

Буквы...

Может быть, напрасно он это затеял.

Нужно ли парню знать, что такое буквы?

Может быть, лучше, если белая гладь останется белой гладью?

Господи, да он и сам сколько раз думал: было бы лучше родиться медником. Или крестьянином. Никогда бы он не знал, что такое бумага. Ну, может быть, и слагал какие-нибудь незатейливые песенки... как в детстве, дразня Шейзара. Но не записывал. Бумаги не было, и все эти песенки забылись бы.

Слова – одно.

Буквы – совсем другое.

Слово прозвучало – и исчезло. Конечно, оно осталось в памяти... но память ненадежна. Рот закрылся – слова нет. Уже звучат новые слова, теснятся, сменяют друг друга, чтобы так же исчезнуть.

А если слово написано, его можно прочесть. Раз прочесть, два... десять... сколько нужно. Написанное слово долговечно.

В написанное слово можно вдуматься. Вот зачем нужны буквы: чтобы можно было вдуматься.

Написанное слово порождает раздумья. Совершенно никчемные, если ты крестьянин.

О чем ему думать? Труженику раздумья не нужны. Все и так ясно. Весна сменится летом, лето – осенью. Хлеб посеян – пора косить. Косьба прошла – надо жать. Надоба за надобой.

Конечно, какие-то мысли все равно остаются. Руки делают свое дело, а мысли проплывают. Как апрельские облака – свободно, ненавязчиво. Вот одно сблизилось с другим... вот отстало. Вот мелькнула некая догадка... растворилась.

Мысли есть, а раздумий нет.

Но ведь жизнь – это не косьба, не пахота. Жизнь – это именно раздумья.

Пчела тоже трудится: лепит соты, собирает нектар. Заготавливает мед. Заботится о потомстве.

Однако Господь не сулил ей Воскресения: она трудилась, но не размышляла.

Она не жила – следовательно, не должна воскреснуть.

Так зачем мальчику это несчастье – жизнь?

* * *

Джафар не успел ответить.

Сначала слышались какие-то плачущие звуки... потом стало казаться, что это пение... через минуту показался шагавший.

Завидев путников, он умерил силу своих завываний, отчего они сделались отчетливей. Стало возможным разобрать, что горланит он все одни и те же фразы:

Нету Бога, кроме Господа!
Нету Бога, кроме Господа!..

Но пел он их по-разному, и по мере его приближения Шеравкан уяснил, что каждые четыре повтора этого бесспорного утверждения складываются как бы в один куплет бесконечной песни: второе звучит на слух чуть ниже первого, третье еще ниже, а четвертое, сломавшись примерно пополам, началом остается в низине, а концом взлетает выше самого высокого первого, после чего все начинается заново:

Нету Бога, кроме Господа!
Нету Бога, кроме Господа!
Нету Бога, кроме Господа!
Нету Бога, кроме Господа!..

Джафар наклонил голову, прислушиваясь; потом полуутвердительно сказал:
– Суфий?

Кармат, в силу неспешности общего движения находивший время тщательно обследовать окрестности, заслышав голос, с шумом продрался откуда-то сквозь кусты, выпрыгнул на дорогу, встряхнулся и сел, вывалив язык и озадаченно рассматривая пришельца.

На человеке были широкие штаны из некрашеной холстины и такая же простая холщовая рубаха, подпоясанная кушаком. На кушаке болтались нож, деревянная миска и деревянный ковш, голова накрыта войлочным куляхом – примерно таким, как у Джафара, только поновее. В руке посох. Через плечо по диагонали его опоясывал толстый жгут – должно быть, шерстяной плащ, скатанный вместе с молитвенным ковриком.

– Суфий, – подтвердил Шеравкан.

Шел суфий бодро, весело, чуть ли не вприпрыжку: блестел молодыми глазами (ему, наверное, не было и тридцати), издавдала начинала улыбаться, что не мешало пению, и приветливо кивать.

Когда осталось не больше десяти шагов, его просветленное радостью лицо приняло озабоченное выражение, он поднял руку и стал помахивать Шеравкану, как будто показывая, чтобы тот не перебивал его; Шеравкан, собственно, и не собирался, но тот, явно опасаясь, что его все-таки перебьют в самом неподходящем месте, все больше ускорял пение, отчего оно становилось чем-то вроде несуразно длинной скороговорки.

В конце концов, совершенно уже запаленно и неразборчиво выпалив ее завершение, суфий пристукнул на последнем слоге посохом и завопил так пронзительно, будто все еще был у поворота, а докричаться нужно было непременно:

– Ну вот, успел, люди добрые! Ровно три тысячи и триста тридцать три! В хорошем месте, стало быть, встретились! Собачка не кусается?

Вероятно, он имел в виду произошедшее сейчас завершение своего утреннего зикра, благополучно оконченного на таком нечетном и красивом числе повторений. Вопрос же про собачку, судя по всему, носил совершенно формальный характер, поскольку моледец, не предоставив никому возможности хотя бы самого краткого ответа, без промедления загорланил дальше:

– Приветствую вас, да будет славен великий Господь! Куда слепенького ведешь, мальчик?

Шеравкан, бросив быстрый взгляд на Царя поэтов, затруднился сказать что-нибудь вразумительное.

Впрочем, суфия и этот ответ не интересовал: его так распирало новостями, что успеть бы самому выпалить.

– Слышали, люди добрые, нового чильтана ищут? Из ваших близких никто не пропал?

Взгляд у него был светлый, пронзительный и тревожный.

Шеравкан недоуменно пожал плечами.

– Не знаю...

Про чильтанов он кое-что слышал. Это были святые люди, заботники, помощники Хызра. Они потому так и назывались, что их всегда было сорок человек*. Если один умирал, остальные тут же выбирали нового из числа простых смертных, и попасть в их ряды мог только самый честный мирянин, всей жизнью доказавший свою душевную чистоту. Дедушка говорил, что, став чильтаном, новичок и дальше мог проживать среди обыкновенных людей, тщательно скрывая свою принадлежность к святым и стараясь ничем не отличаться от непосвященных. Но обычно-то, конечно, пропадал, скрывался для новой жизни в кругу сорока таких же, как он.

Чильтаны всегда пребывали в странствиях, обходили землю из конца в конец, наблюдая за порядком и избавляя людей от грозящих им несчастий. Четверо из них были старшими и отвечали перед Господом каждый за свою сторону света. На одном из столбов дедушкиного дома висела квадратная дощечка, по четырем сторонам которой было что-то написано, дедушка говорил – их имена.

* Чиль тан – сорок человек (дары).

– В ближайшее время выберут, – озабоченно сообщил суфий. – Со дня на день. Еще неизвестно, может быть, это был один из семи.

– Из каких семи? – спросил Шеравкан.

– Вот тебе раз! – воскликнул суфий.

Было видно, что ему нравится делиться знанием. Улыбаясь и тревожно поблескивая глазами, он рассказал (совершенно не задавался, и тон у него был не учительский, а такой, как между старыми друзьями), что кроме сорока есть еще семь старших – они вроде как раисы над сорока нижними, а над теми семью еще трое.

– А над тремя кто? – спросив, Шеравкан пожалел об этом: что говорить, когда и так ясно.

– Ну кто, – справедливо усмехнулся суфий. – Господь, кто ж еще.

И рассказал между делом, какой недавно в Герате произошел случай. В одном из тамошних медресе был учитель-мударрис, к которому частенько заглядывал какой-то базарный нищий – в лохмотьях, самого отвратительного вида. И с порога кричал: дескать, эй, Сарымсак! – так звали муллу-то. И ученики страшно удивлялись, что этот Сарымсак всякий раз вскакивает и бежит к нему, как собачонка, и встречает этого ничтожного человека с таким почтением, как будто к нему явился посланец эмира. Негодовали глупые ученики.

– А дело-то простое! – воскликнул суфий, потирая тонкие ладони и радостно посмеиваясь.

Однажды этот нищий сказал мударрису: «Если хочешь кое-что узнать, готовься, пойдем вечером в одно местечко». Хорошо. Пришли в сумерках к какому-то мазару, окруженному деревьями. Нищий велел мударрису сесть и ждать, а сам направился под деревья. Сарымсак его ждал-ждал, ждал-ждал, разозлился и решил потихоньку посмотреть, что там происходит. Подкрался – видит, возле могилы святого сидят сорок человек. Среди них и его нищий. Стал подслушивать. Оказывается, умер один чилтан, и все они собрались, чтобы выбрать нового. Тут-то нищий и говорит: предлагаю, дескать, Сарымсака, он хороший человек, благочестивый и знающий. А кто-то отвечает: «Этого заносчивого мударриса, который вечно задирает нос перед простыми людьми? Нет уж, мы на это не согласны!» И каждый своих кандидатов предлагает. В общем, долго они собачились, да Сарымсаку стало недосуг их слушать, – кой толк, когда его уже прокатили, – он и ушел домой. Уснуть не успел, к нему нищий приходит и говорит: что ж ты, мол, не дослушал, кого выбрали. Если хочешь узнать, приходи на рассвете к воротам, я тебе покажу.

Сарымсак пришел, когда еще звезды не погасли. Стоит. Тишина. Мало-помалу женщины стали появляться, дети – кислое молоко на продажу несут. Понемногу оживился базарчик. Скоро показался какой-то очень хорошо одетый, красивый юноша. Сразу видно, что из приличной семьи, из богатого дома. Подошел, купил толику катыка, достал замечательно красивую фарфоровую чашку, молоко в нее перелил и крикнул носильщика. Подошел к нему какой-то жалкий старик в лохмотьях. Дрожит весь от утренней прохлады. «Сможешь ли донести и не разбить, ведь чашка очень дорогая», – говорит юноша. А старик ему: дескать, не извольте сомневаться, все будет в лучшем виде!..

Суфий замолчал, восторженно глядя на Шеравкана и, должно быть, тем самым призывая его в пристальному вниманию: начиналось самое главное.

– Проходит он этак вот шага три... ну четыре от силы. Да ка-а-ак споткнется! Как уронит эту чашку! – Суфий зажмурился от ужаса. – Чашка вдребезги! Старик кланяется, прощения просит, а юноша как даст ему, как даст! Да прямо по голове, по лицу! Старик опять в грязь. «Ах ты, – кричит юноша. – Что наделал! Разбил мою бесценную, мою самую любимую чашку!» И ногой ему, и другой! Навалил этак-то да и ушел, бранясь на чем свет стоит. Старик поднялся кое-как, стоит грязный весь, кровь утирает.

Тут к Сарымсаку его нищий подходит. Довольный такой. Ну что, мол, видел? Вот, говорит, этот старик-то – он и есть, которого в прошлый раз выбрали. Это все, говорит, не просто так. Этому юноше страшная беда грозила. Ужасное несчастье. Нужно было его отвратить. И вот чильтан-то, под видом носильщика, это и сделал. Нарочно уронил драгоценную чашку. Уронил – и отвлек несчастье: оно чашку поразило, а юноша теперь в полном порядке.

Джафар закашлялся, закрываясь рукавом халата. Что кашляет?.. ну вот, откашлялся вроде.

– Понимаешь? – поинтересовался суфий.

– Ну да, – кивнул Шеравкан.

– А теперь в Самарканде то же самое!

Выяснилось, что суфий идет именно из Самарканда, где днями случилось как раз такое важное для судеб всей земли событие – умер чильтан. Какой-то праведник должен был заступить на место ушедшего, загадочно исчезнув при этом для своих родных и близких.

– Это ведь как бывает? – толковал суфий, ерзая тощим задом по неровному камню. – Вышел человек из дома, допустим, на базар. Жене сказал... или детям... так и так, жена, так и так, дети, иду на базар купить кое-какие нужные вещи: капусту с морковкой... или тыквенных семечек... или, положим, мочалку. Дескать, вы тут без меня не скучайте, я скоро вернусь. Час его нет, два нет... три. Вечер наступил – нету. Понятное дело, жена и дети волнуются – куда пропал? Начинают розыски. К раису бегут... к миршабу: вот дело какое – кормилец пропал. Не знаете ли чего-нибудь о его судьбе? А никто не знает. Никто его не видел – ни соседи, ни на базаре люди... никто! Это что значит?

Суфий ожидающе смотрел на Шеравкана.

– Что? – сказал Шеравкан.

– Да вот то и значит: чильтаны его к себе взяли. Значит, был он человек не просто хороший, а как чистое золото. Не просто добрый – а добрый в ущерб себе. Не просто честный, а такой, что даже если смерть будет грозить, он и на волосок не соврет. Вот такой он был человек. Поэтому теперь у чильтанов. Понятное дело, родные убиваются – они же не понимают, что к ним большая радость пришла. Они думают, погиб, пропал – а на самом-то деле ему уж небось и край света выделили, за которым он следить должен... и объяснили толком, как службу нести... и будет он теперь из конца в конец земли ходить под видом какого-нибудь незнатного человека – базарного мусорщика или прислужника в чайхане... следить, чтобы зло не смогло восторжествовать... данной ему святой силой проклятому злу препятствовать.

Суфий мечтательно улыбался – должно быть, ему хотелось когда-нибудь и самому сделаться чильтаном.

Шеравкан посматривал на Джафара. Тот не кашлял больше. Молча слушал, оперевшись на посох и склонив голову.

Неужели и в чильтанов не верит? – подумал Шеравкан с затаенной горечью.

– А как узнали, что умер? – спросил он, вздохнув.

– Узнали-то? – оживился суфий. – А он в бане работал. Банщиком, оказывается, работал. Шайку подать... одежду принести. Незаметный такой старичок – а на самом деле чильтан. Вот как получается! – Суфий восторженно посмотрел на Шеравкана. Взгляд его при этом остался все таким же тревожным. – А один человек возьми и поспорь с женой. Что мне, говорит, все эти святоши, все эти хаджи, которые в Мекке бывали. Подумаешь, говорит. Плевал я, говорит. Ничего особенного. Я, говорит, вообще могу за одну ночь в Мекку сходить и обратно вернуться. Как нечего делать, мол.

Суфий мелко рассмеялся, качаясь и складывая руки молитвенным жестом.

– Туда, говорит, и обратно. За одну ночь! Господи святой Боже, вот ведь какие люди у Тебя бывают! Вот ведь какие!..

– Ну и что? – поторопил Шеравкан.

– Ну как – что? И поспорил с ней... с женой-то. Вроде как поклялся. Не веришь, говорит, а я вот сейчас за порог выйду – а утром уже из Мекки вернусь. И что хочешь ты тогда со мной делай.

– Ну?

– Ну и ушел. А как ему в Мекку попасть?

Лукаво и насмешливо улыбаясь, суфий смотрел на Шеравкана, ожидая ответа.

Шеравкан в очередной раз пожал плечами.

– Ну и как?

– То-то и оно, что непонятно как! – воскликнул суфий, осуждающе качая головой и явно поражаясь непредусмотрительности того, о ком шла речь. – Это же смешно сказать! Люди два года путешествуют, а он вон чего – за одну ночь.

– Ну да, – согласился Шеравкан. – Так что же он сделал?

– Что сделал! То-то и оно, что сделал! Пошел к банщику и открылся ему.

– Ночью пошел? – удивился Шеравкан. – Ночью бани закрыты.

– Ну, может не в саму баню, – урезонил его суфий. – Банщики же не в банях живут. У них при банях каморки какие-нибудь... сторожки там какие-то.

– Ну да... и что?

– Рассказал ему. Так и так, мол, поспорил с женой. Не знаю, что делать. Как, говорит, я за одну ночь в Мекку попаду? Мне теперь, говорит, пропадать.

– Почему пропадать? – спросил Шеравкан.

– Ну как почему? – удивился суфий. – Я тебе толкую: он с женой поспорил. Поклялся! Дело-то нешуточное.

Шеравкан силился вообразить, что это значит – поспорить с женой и в чем серьезность этого дела. Отец с матерью никогда не спорили... о чем им спорить? Дай бог успеть о детях да о доме позаботиться... Вообще-то кто его знает, – рассудил он. – Может, у людей как-то иначе заведено.

– А банщик-то... чильтан-то этот... и говорит: ну хорошо, говорит. Я, говорит, тебе помогу. Использую свою святую силу.

Суфий сделал короткую паузу, явно предназначенную для усиления эффекта того, что должно было прозвучать, и воскликнул:

– И помог! Перенес его святой силой в Мекку и обратно! Сотворил такое чудо! Это ведь нешуточное дело – туда и обратно за одну ночь!

Восторженно задохнувшись, замолчал, блуждая взглядом; казалось, и сам пытается заново осмыслить величину случившегося.

– Ну и?.. – опять поторопил его Шеравкан.

– Ну и надорвался, – вздохнул суфий. – Сделать-то сделал, а силы не рассчитал. Так и выходит, что...

Но не договорил, а только с горечью махнул рукой.

– Умер, что ли? – недоверчиво уточнил Шеравкан.

– Умер, – кивнул суфий. – На днях буквально. Весь Самарканд говорит. Так что ждите теперь. Если кто из близких пропадет – не удивляйтесь.

Они помолчали.

Джафар совсем низко склонил голову, прямо-таки повис на своем посохе. Что молчит? Прямо как будто онемел... да и оглох заодно.

Вот же притвора!

Надо, пожалуй, на его палке сучки состругать как следует, – сердито подумал Шеравкан. – Взять нож поострее. У молельца-то посох вон какой – гладенький.

* * *

Нечистый его возьми.

Точно, без нечистого не обошлось.

Только он умеет так ловко потянуть за язык.

Молчал себе и молчал.

Надо было и дальше молчать.

Что разобрало под конец? Как будто впервые услышал. Нашел перед кем хиркой* трясти. Господи, этого молодца еще на свете не было, а он...

Шейхи, для каждого из которых количество учеников являлось мерой его духовного авторитета, ревностно следили за их верностью. Однако Джафар – прославленный, вопреки своей молодости, поэт, чьи стихи широко гуляли по Самарканду, а благодаря усилиям поклонников добирались уже и до Балха, и до Пешавара, и до самой Бухары, – мог позволить себе некоторые отступления от правил. Ему прощали. Любой другой юноша, ощутивший в себе тягу к суфизму, должен был выбрать одно из многочисленных братств. Протягивая руку шейху, он тем самым признавал его авторитет и вручал себя, чтобы отныне тот вел его по пути духовного совершенства. Дав клятву верности, ученик взамен получал хирку, благодать и колпак на голову, называвшийся не куляхом, как у простых людей, а таджем, то есть венцом.

Что касается Джафара, то он нигде не прирастал и не становился ничьим учеником; точнее, его числили в своих учениках сразу несколько шейхов. С теми, что помоложе, он просто приятельствовал; к зрелым мужам и старцам (кажется, ни один из них в ту пору не был старше, чем он сейчас) заходил оказать почтение, провести время в чинной беседе или совместной молитве. Слушая и сравнивая, пытался докопаться, почему они, проповедующие в целом похожие вещи, расходятся до такой степени, что не могут и слышать друг о друге.

Каждый из них согласился бы, что нужно стать правдивым перед Господом, отринуть мирские блага и прелести, быть добрым и стараться ладить с людьми независимо от их веры или привычек. Именно это позволяет человеку преодолеть косную

* *Хирка* – шерстяной плащ, традиционное облачение суфия.

тяжесть собственного «я», заслоняющего дольний мир от горнего сияния любви, милосердия, сострадания и пронизательности.

Каждый из них признал бы себя воином большого джихада – священной войны мусульманина с собственными пороками, в которую каждый обязан вступить в надежде завоевать нравственное самоочищение...

Все они считали, что их жизнь и есть жизнь на путях Господа: во имя славы Его, ради обретения Его довольства и собственного спасения в вечной жизни.

Однако, например, шейх Абу Саид являлся последователем школы ширазского мавлоно ибн Хафифы, который трактовал пути достижения указанных целей в терминах *отсутствия* и *присутствия*. Частью усвоив то, что воспринял от своего наставника (того отделяло от самого ибн Хафифы три или четыре поколения), а частью развив отдельные, представлявшие ему наиболее значимыми положения, он разъяснял ученикам, как добиваться *присутствия* с целью достижения *отсутствия*. Под *присутствием* шейх имел в виду сердечное подтверждение твердости веры: то есть наличие такой твердости веры, при которой то, что скрыто от сердца, имеет такую же силу, как и то, что видимо ему. *Отсутствие* же означало отвлечение сердца от всего, кроме Бога. Высшей степенью *отсутствия* являлось отвлечение сердца от самого себя, то есть уход вообще от всего, независимо от того, где оно находится – снаружи или внутри. *Отсутствие* по отношению к себе, учил шейх, является *присутствием* с Богом, и наоборот...

Мелкая путаница понятий, в которой вечно пребывали его ученики, не шла в счет, ибо существовали иные школы, иные шейхи, степень противоречий с которыми оказывалась значительно серьезней.

Так, учение шейха Шукура Хамадани, приверженца нишапурской школы, тоже содержало положения об исчезновении «я» человека, однако достигать его следовало посредством растворения в Божестве. Согласно его учению, сопутствующими растворению состояниями являются восторг и опьянение любовью к Господу, растворенная в Боге личность приобретает Его атрибуты, а логическим выводом из этого является возможная неотличимость человека от Бога; разъясняя ученикам этот принцип, он так и возглашал прилюдно: «Ты – это я, а я – это Ты!».

Проповедовали и многие, многие другие, – ведь не зря тасаввуф подразделяется на двенадцать внятных толков (два из которых осуждаются, а десять одобряются). Что касается невнятных, то им нет числа.

Каждый до тонкостей знал свой предмет и мог, опираясь на авторитет славных предшественников и в меру собственного разумения добавляя кое-что от себя, достойно рассуждать о любом из того обширного множества понятий, что составляло тело учения: и о совлечении завес – первой, второй и третьей, и об очищении от скверны, и о покаянии, и о молитве, и о любви во всех ее формах, включая страстную, и о подаянии, и о щедрости и великодушии, и о посте и голоде, и о паломничестве, и о созерцании, и о правилах общения, и о правилах сна в пути и дома, и о правилах речи, и о правилах обращения с просьбой, и о правилах брака и безбрачия, и о присутствии сердца и присутствии духа, и о сжати и расширении, и о доброте и гневе, и о тех, кто заглядывается на молодых, – и еще о тысяче и тысяче вещей такого же рода.

Если смотреть более или менее издалека, могло показаться, что все шейхи говорят об одном и том же.

Однако уже при первом приближении оказывалось, что они катастрофически расходятся в деталях: эти проклятые детали, несущественные только на взгляд непосвященного, непоправимо портили дело.

Кроме того, все это были очень разные люди – и внешне, и по характеру. Горбоносый, суровый, всегда молча хмурящийся Шукур Хамадани, неожиданно вспыхивающий, как охапка хвороста, яростной и пронзительной проповедью, ни речью своей, ни повадками, ни внешностью, ни, главное, убеждениями не походил на иссохшего горбуна Абу Саида, которого ученики носили на белом полотнище. Степенный, наивно рассудительный Салим ат-Тустари совершенно не был похож на джунайдита аль-Хавари, чья истерическая развязность являла полную противоположность того, к чему он призывал в своих путаных проповедях... Кто-то из них, вопреки собственным призывам, имел чрезмерное пристрастие к вину, иные – к женщинам. Один был просто скареден – плохо кормил, другой еще и жаден: ученики жаловались, что отбирает большую часть собранных ими подаяний. Третий сварлив – мог святого до греха довести...

В общем, кто во что горазд.

Шейх Усман, например, думал только об одежде. Во всяком случае, складывалось такое впечатление. Длина халата и цвет тайласана!* – стоило однажды услышать его рассуждения о них, чтобы понять, что важность этих предметов не может быть превзойдена, что бы там кто ни толковал о *присутствии* или *опьянении*. Каждый день он щеголял в новых одеяниях: то весь в голубом (голубой означал истинную уверенность), то в синем – цвете Божественной милости. То в зеленом, ясно говорящем знающим о достигнутом им покое. Его можно было увидеть и в обносках, но тоже непростых: коричневая хирка, цветом своим намекающая на тайное знание, была сшита из лоскутьев одеяний, изношенных когда-то знаменитыми суфиями: через эти лоскутья снисходила благодать прежних владельцев... Учеников своих, надо отдать ему должное, шейх Усман тоже не забывал. Благодаря его попечению каждый получал на год четыре халата – два зимних, два летних, две рубашки, двое штанов, тафтяную чалму длиной в семь локтей, кушак из рыжей маты и две пары калош из вывернутой кожи. Когда они, разобравшись попарно, шагали за учителем по площади, легко можно было поддаться заблуждению, приняв их строй за пополнение эмирской гвардии.

Другими словами, каждый из них на свой собственный манер давал другим богатую пищу для насмешек, презрения, неприязни, обвинений то в нечестии, то в скудоумии, то в измене правильной вере...

Однако, возможно, если бы каждый из них мог заглянуть в душу другого, причины споров и распрей отпали бы навсегда, поскольку он увидел бы то же самое, что и в своей собственной: неясный блик, каким становится свет Истины после тысяч и тысяч преломлений, пережитых им на своем долгом пути к душе; волнуемый, манящий и многообещающий отблеск – но, увы, слишком неясный, чтобы составить по нему хоть какое-нибудь представление о самой Истине.

К сожалению, они не умели читать в душах. Они могли лишь плести бесконечные кружева слов вокруг того смысла, что хотели бы выразить, надеясь, что в конце концов он запутается в сети и тогда его можно будет вытащить, как вытаскивают рыбу

*Тайласан – наплечный шарф-накидка. Представлял собой характерный предмет одеяния духовенства, ученых, суфийских шейхов. Носился как шарф; как накидка, наброшенным на плечи; связанным на груди узлом либо одним концом перекинутым за спину. Цвет тайласана и стиль ношения имели символическое значение.

из темных глубин вод. И наконец-то завладеть им, столь жадно мечтаемым. Однако наивные попытки загнать собственные прозрения в ловушку рассуждений не завершались успехом. Более того, окончив речь или дописав последнюю фразу трактата, они обнаруживали, что оказались дальше от цели, чем даже при начале работы, когда еще ни один лист бумаги не был испорчен: тогда им был ведом хотя бы невнятный намек, дальний отголосок, туманный отблеск живой правды, теперь же и он заглох под пластами мертвых умозаключений...

В любом случае совершенно нелепо – обижать дервишей.

Глупость, конечно.

Но если бы этот молодец хотя бы помолчал насчет зикра!.. Да еще в таком наставительном тоне... правда, не к нему обращаясь, а к Шеравкану. Насчет него он решил, наверное, что слепец вдобавок и глух... а еще, чего доброго, и нем. Что с него взять? Молчит и молчит. А поводырю взялся объяснить, что такое зикр. Дескать, его наставник настаивает на поминании вслух – это, по его мнению, единственный способ, позволяющий достичь цели. Так и говорит: мол, чем громче, тем лучше. Потому что тогда имя Господа входит в сердце человека не только изнутри, с его собственного языка, но и извне, через уши. У самого голос звонкий, восторженный, говорит радостно, с придыханием, захлебываясь... и смотреть не надо, чтобы вообразить: бороденка светлая, глаза ясные, тревожные. Его, дескать, шейх – он такой, он только голос признает, а если про себя – это он порицает, это, он говорит, вообще от лукавого, – как можно узнать, кого поминает человек, если при этом он молчит? Кто его знает, этого молчащего, – может, он нечистого поминает, а вовсе не Господа? Нет, в нашем тарикате только вслух... наш шейх – он такой... он с нас во как требует. У него не забалуешь... у нас все по-настоящему... не то что у других.

И дальше, дальше... дескать, главное – вселить Господа в свое сердце. А уж вселил – так оно само идет. Ты хоть что делай: хочешь – иди, хочешь – сиди, а оно все клокочет и клокочет. Даже иногда больно делается вот тут в груди: руку приложишь, а оно там бурлит. И вот, допустим, идешь ты по дороге... шагаешь себе, шагаешь, поешь голосом и сердцем – и уже не надо даже думать ни о чем: ноги тебя сами несут... даже и спрашивать не нужно, куда: понятно, что к Господу. Идешь себе, идешь, а оно, поминание-то, уже, оказывается, и бьется вместо твоего сердца: «Нет Бога, кроме Господа!.. Нет Бога, кроме Господа!..». Мерно так, ровно, почти беззвучно... такое вроде как жужжание в тебе стоит; и кровь течет по жилам и поет: «Нет Бога, кроме Господа!..». Тут уж кричи не кричи – все равно. Но наш шейх все же требует и голосом поддавать. Голосом – да погромче. Потому что ведь непонятно все-таки, что там в человеке жужжит. Может, он только другим говорит, что жужжит, а на самом деле ничего не жужжит, только время даром тратит. А жужжание все громче, все ближе к сердцу, а потом уже и в самом сердце, и во всем тебе – в костях, в плоти. Весь ты из него сплошь, уже и не понять, где сердце, где язык, где руки, где ноги: весь ты – имя Господа, весь в него вливаешься... становишься им!.. Понятно? Вот тут-то, наш шейх говорит, и надо ждать. Тут-то оно и является – самое главное. Каждый его по-своему видит. Господь – он же не должен всем одинаково показываться, верно? Кому как. Кто огоньки углядит... синенькие такие, маленькие, как звездочки... снизу плывут, а наверху сгущаются... и колеблются, колеблются, как занавес... это наш шейх так. Другие – вспышки: как будто кто-то свет то заслонит, то снова откроет, и так часто-часто.

А еще многие голос слышат: дальний, но ясный такой, громкий. Даже слова понять можно было бы, но уж слишком раскатисто... не разберешь в точности. Благодать!.. Но это, понятное дело, не всякому дается, ох не всякому... долго к этому надо идти. Со всем тщанием. С упорством. С верой. Дело-то ведь именно в вере, это надо понимать. Истинная вера – она такая. Истинная вера прямо к Господу приводит. Ну или, во всяком случае, близко: увидеть можно.

Тут-то Джафар и осведомился – довольно желчно – насчет того, какую именно веру их новый друг называет «истинной» – не ту ли, что позволяет молящемуся увидеть свет и услышать голоса?

Его слова произвели на богомольца чрезвычайно сильное впечатление. Заболтавшись, он, должно быть, уже свыкся с мыслью, что слепец, сидящий в шаге от него, оперевшись на посох и свесив голову, в отношении способности поддержать беседу не превосходит камень, на котором сидит; когда же Джафар открыл рот, суфий (это стало ясно по произведенным им звукам смятения) вскинулся от неожиданности, как если бы с ним заговорила лошадь.

Джафар повторил вопрос, и тогда тот, свыкнувшись с новым положением вещей, ответил с запинками, причиной которых было вовсе не отсутствие убежденности в собственных словах, а, вероятнее всего, понятное желание высказаться как можно более точно и правдиво, чтобы сразу подкупить собеседника открытостью и наладить с ним добрые отношения.

Да, сказал он, именно такую веру он и называет «истинной» – именно ее, веру мусульманскую, заповеданную Пророком; именно такую правую и твердую веру, что позволяет истинно верующим последователям ислама узреть сияние славы Господней, услышать дальние раскаты Его голоса.

Вот как, сказал Джафар (теперь вовсе не желчным, а, напротив, совершенно сахарным тоном). Однако существуют совершенно достоверные сведения, что христианские аскеты с помощью поста и молитвы достигают того же самого: видят свет и слышат голоса. Так не хочет ли сказать их новый друг, что христианская вера тоже является истинной?

Парень онемел... пытался что-то вымолвить, да, похоже, горло свело, – только что-то вроде криканин... а потом вдруг молча вскочил и дал деру по дороге.

Вот и поговорили.

Он совершенно не хотел его обижать. На что обижаться? Могли бы спокойно порассуждать... и сделать какие-то выводы. Сердце у него жужжит... Известно, что жужжит. Сам практиковал и сам слышал. Но нельзя одним жужжанием заменять все на свете! Пчела вон тоже жужжит... недавно мелькала какая-то мысль насчет пчелы... ах да! Вот именно: пчела жужжит, но ей не обещано Воскресение. Человек не пчела. Он должен пользоваться разумом.

Джафар запнулся в двенадесятый раз и в двенадесятый раз шепотом помянул нечистого.

Какая корявая дорога, бог ты мой! И этот тоже хорош... Идет – как конь на пахоте. Не понравилось ему, видите ли. Обиделся, наверное. Фу, глупость какая. Черт за язык дернул... нечистый, будь он неладен.

– Шеравкан! – взмолился слепой. – Давай отдохнем немного!

Поводырь остановился. Протянул руку.

– Садитесь.

Голос хмурый.

– Да не хотел же я его обижать, честное слово, – сказал Джафар, переводя дух. – Ты сам все слышал. Я только спросил.

– Ладно уж. Что теперь говорить. Человек к нам со всей душой...

Джафар вместо ответа только ладонями развел – мол, кто же знал.

Помолчали.

Шеравкан вздохнул.

– На ночевку придем, вы мне посох дайте.

– Зачем?

– Постругаю чуток. Поглаже будет. А то что он такой...

– Какой?

– Ну какой. Корявый.

– Да пожалуйста, – слепец пожал плечами. – На ощупь вроде ничего. Это ведь кизил?

– Кизил.

– Кизил крепкий.

– Ну да.

– Кто-то, может, мечтает о кизиловом посохе, – вздохнул Джафар. – А мне даром достался. Вот оно – счастье.

И стал рассуждать насчет способов его достижения. Говорил посмеиваясь, но Шеравкан уже уяснил, что серьезного тона он почти никогда не держится, разве что речь идет совсем уж о пустяках вроде еды, ночлега или кошелька с полусотней динаров. Но в этих случаях из-под его серьезности сквозит раздражение: что пристали с ерундой! Сейчас же Царь поэтов толковал в охотку, и было опять непонятно, шутит он или настроен серьезно, а если и то и другое вместе, то в какой пропорции.

(Продолжение следует.)

Эдвард РТВЕЛАДЗЕ

Древнейшее свидетельство о согдийцах-христианах

Митрополит Манглисский и Цалкский Анания (Джапаридзе) в 2012 году издал в Тбилиси книгу, посвященную истории грузинской апостольской церкви, охватывающую период с I в. н.э. по VI в. н.э. включительно¹.

В ней наряду со многими интересными сведениями о распространении христианства в Грузии (Иберии, Колхиде, Лазики) приведен исключительно важный по своей исторической значимости фрагмент из сочинения Епифана Константинопольского (IV в. н.э.), который никогда прежде не использовался учеными для доказательства весьма раннего обращения согдийцев в христианство*.

Это обращение произошло далеко на западе от места их коренного обитания в Средней Азии, – в городе Севастополисе (Диоскуриаде), который ученые локализуют в районе современного города Сухуми².

Вот этот пассаж:

Епифан Константинопольский со ссылкой на Клементия Римского, Епифана Кипрского и Евдора Сицилийского пишет в своей книге «Житие Андрея Первозванного»: «Епифан Кипрский говорит, что Андрей Первозванный обратил скифов, *согдианов* (выделено нами. – Э.Р.) и мурсиев в Великом Севастополисе, где находится лагерь Абсароса и порт Асос у реки Фасис³, там жили иберы, суссы и фусты и аланы. Андрей пошел из Асоса и пришел в Трапезунд в город Лазики. А оттуда пошел и остановился в Иберии после того, как он проповедовал жителям морского побережья. После направился в Иерусалим, а остальные святые отцы отправились в города, проповедуя и свершая чудеса в Иберии и Фасисе»³ (перевод Г.Р. Кублашвили).

Приведенные сведения весьма важны, поскольку заключают в себе два значимых исторических вопроса.

1. Как и каким образом согдийцы («согдианы») оказались так далеко от своей родины, в городе, расположенном в Восточном Причерноморье?

* Эти сведения в связи с моей работой над книгой «Великий индийский путь» любезно сообщил мне Чрезвычайный и Полномочный Посол Грузии в Республике Узбекистан Г.Р. Кублашвили.

³³ *Фасис* – др.-греч. название р. Риони, главной реки Колхиды. По Фасису проходил торговый караванный путь между Каспийским и Черным морями. Это же название носил древний город и порт у одноименной реки (совр. Риони в Грузии) (Прим. ВС.).

2. В связи с чем произошло столь раннее обращение группы согдийцев в христианство в первой половине I в. н.э.?

На первый из этих вопросов возможен вполне обоснованный ответ. Упоминание согдийцев среди жителей Севастополиса отнюдь не случайно и, вероятнее всего, связано с довольно активной торговой деятельностью выходцев из историко-культурных областей Средней Азии на Великом индийском пути и с созданием ими в ряде городов Восточного Причерноморья торговых факторий. Еще ранее Псевдо-Скимн в своем труде «Описание земли», посвященном правителям Вифинию Никомеду II (149–127 гг. до н.э.) или Никомеду III (127–94 гг. до н.э.), упоминает, что город Фасис (Колхида, Западная Грузия) – «греческий город милетского происхождения, где проживали вместе люди шестидесяти национальностей, говорящие на различных языках: люди варварского происхождения из Индии и Бактрии встречались здесь» (Ad Nicomedem regem, 934[F 20])⁴.

Можно полагать, опираясь на эти краткие сведения, а также на ряд других данных, в частности находки греко-бактрийских монет в Азербайджане (Албания) и Грузии (Иберия), что если на ранней стадии существования Великого индийского пути более значительная роль принадлежала бактрийским торговцам, то позднее она перешла к согдийцам. В отличие от бактрийцев, основавших торговую факторию в Фасисе, согдийцы основали свою, по-видимому, в Севастополисе – Диоскуриаде. Известно, что в античный период это был крупный торговый центр – один из самых больших городов в Восточном Причерноморье. Согласно Страбону, Диоскуриада была «общим рынком» для всех окрестных и более отдаленных племен, здесь с торговыми целями встречались семьдесят племен, а по другим рассказам – якобы до трехсот, которые говорили на разных языках⁵.

Хотя Страбон не уточняет этнический состав этих племен, за исключением сарматов и всех кавказцев, можно полагать, что среди них были жители и более отдаленных районов Кавказа и совсем далеких областей Средней Азии. Об этом прямо пишет Епифан Константинопольский, называя среди жителей Севастополиса фустов и согдианов.

Фусты – это, по-видимому, жители долины реки Подкумок, где позднее располагался г. Фуст, локализованный В.А. Кузнецовым на знаменитом городище Рим-гора (Рум-кала) у аула Учкёкен⁶, в исследовании которого я принимал участие в конце 1950-х – 1960-х гг. Что же касается согдианов (согдийцев), то вряд ли можно сомневаться, что это выходцы из Согда – историко-культурной области, занимавшей территорию, соответствующую современным Бухарской (Западный Согд), Самаркандской (Центральный Согд) и Кашкадарьинской (Южный Согд) областям Узбекистана.

Какими же путями могли продвигаться согдийцы?

Они могли проникнуть в Севастополис по основной трассе Великого индийского пути из Средней Азии через Каспийское море по дороге, ведущей через весь Южный Кавказ к Черному морю⁷, так же, как шли бактрийцы к Фасису, расположенному неподалеку к югу от Севастополиса.

Но не исключено, что согдийцы могли воспользоваться и другой дорогой, ведущей из Согда в Хорезм, а затем вдоль северного побережья Каспия через Северный

Кавказ в Севастополис, по которой шел согдийский купец Маниах в VI в. н.э. Согласно византийскому дипломату и историку Менандру (VI в. н.э.), последний участок этой дороги, по которому продвигался Маниах и являвшийся, по нашему мнению, ответвлением Великого индийского пути перед перевалом через Кавказский хребет, назывался «Даринской дорогой»⁸.

По-видимому, эта дорога проходила вдоль Бургустанского хребта, замыкающего с севера долину реки Подкумок в районе Кисловодска и Рим-горы, поскольку другое, более раннее название Бургустанского хребта – Даринские высоты, а сама дорога от Кисловодска до аула Хумары носила название Даринской⁹. Именно на этой дороге находился город Фуст, обитатели которого (фусты), вероятно, и упоминаются Епифаном Константинопольским в числе жителей Севастополиса, приходивших сюда с торговыми целями. В этом городе согдийцы и были обращены в христианство апостолом Андреем Первозванным.

Вернулись ли они в Согд или растворились среди местных кавказских племен, остается неизвестным. Непосредственно же в Согд христианство проникает довольно рано. Ко времени патриаршества Ахая (410–415 гг.) относится учреждение митрополии в Самарканде¹⁰. Однако митрополия – это уже весьма крупное объединение с большим количеством верующих. Ее предшествующая стадия – епископство, а до него – более мелкие общины верующих. Следовательно, христианство проникло в Согд ранее, широко распространившись к IV в. н.э., и не исключено, что первыми его миссионерами были те согдийцы, вероятнее всего торговцы, обращенные в христианство далеко за пределами их родины – на Кавказе – еще в I в. н.э.

Примечания

¹ *Анания (Джапаридзе), митр.* История Грузинской Апостольской церкви. Ч. I: I–VI в. н.э. – Тбилиси, 2012 (на груз. яз).

² См.: *Орбели И.А.* Город близнецов ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возниц ΝΝΙΧΟΙ // Избр. труды. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. – С. 494–512.

³ *Анания (Джапаридзе), митр.* Указ. соч. – С. 131.

⁴ *Leriche P.* Bactria, land of a thousand cities // Hermann G., Cribb J. (eds.) *After Alexander: Central Asia before Islam.* – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

⁵ См.: *Орбели И.А.* Указ. соч. – С. 456.

⁶ См.: *Кузнецов В.А.* Алалия в X–XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971. – С. 151–152.

⁷ См.: *Ртвеладзе Э.В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых путей Евразии. – СПб.: Нестор-история, 2012.

⁸ *Менандр Византиец.* Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. Дексипп, Эвнапий,

Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с греч. С. Дестуниса; примеч. Г. Дестуниса. – СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860. – С. 383. В.А. Кузнецов полагал, что Даринским именовался весь путь от Севастополиса (Сухуми) через Рим-гору и Нижнюю Волгу до городов Средней Азии, однако это не так: Даринским назывался только участок этой дороги.

⁹ Опрошенные мною в начале 1960-х гг. старожилы станиц Бургустанской и Бекешовской называли Бургустанский хребет Даринскими высотами. По поводу этой дороги мною еще в 1960-х гг. написаны две статьи: «Об одном географическом названии в районе г. Кисловодска» (сохранилась в моем архиве) и «Даринский путь Менандра» (утеряна).

¹⁰ См.: *Никитин А.Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под ред. Б. Литвинского. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. – С. 124–125.

Роман ДОРОФЕЕВ

Ташкент – или Верный?

*Из официальной переписки по поводу основания Туркестанской кафедры (1867–1872)**

После создания в 1868 году Туркестанского генерал-губернаторства перед вновь организованной колониальной администрацией, в ряду прочих насущных проблем, встал также вопрос о духовном окормлении русских переселенцев, прибывавших в край из центральных областей империи¹.

Уже в 1869 году в российском Туркестане насчитывалось 30 церквей и еще 10 находились в состоянии строительства. Большинство из них имели достаточно скромные размеры, и не при всех из них находились постоянные священнослужители². Приходы края в церковном отношении подчинялись трем инстанциям: священники, служившие при воинских соединениях и в крепостях, находились в ведении «Главного священника Армии и Флотов»^{**}, своего рода генерального капеллана, которому подчинялось военное духовенство по всей империи; приходы Семиреченской области входили в состав Томской епархии^{***}, а приходы Сырдарьинской области – в состав епархии Оренбургской³.

Такая административная раздробленность, недостаток в священнослужителях и значительная удаленность приходов от епархиальных центров (городов Томск и Оренбург) диктовали необходимость в организации собственной архиерейской кафедры.

Можно предполагать, что идея о создании Туркестанской епархии, что называется, носилась в воздухе. Так, еще в августе 1867 г. из Главного штаба на имя командующего войсками Туркестанского Военного округа (т.е. на имя К.П. фон Кауфмана, получившего назначение на этот пост в июле того же года) было отправлено письмо, в котором содержались предложения об устройении в округе особого духовного управления для военного духовенства, организованного в соответствии с местными условиями и потребностями; при этом в письме указывалось, что: «ни Святейший

* Публикация осуществляется в рамках предварительной презентации сборника «Документы и комментарии к истории Туркестанской епархии (1867–1918)», подготовленного к печати совместными усилиями О.А. Илюшкиной, Т.К. Стекловой, А.П. Устименко, Р.В. Дорофеева, А. Ладиной и Е. Медведева.

** В 1890 г. лицо, занимающее эту должность, стало именоваться «протопресвитером армии и флота».

*** Томская епархия на тот момент включала в себя не только сибирские приходы, но и приходы современного Казахстана. Правящий архиерей епархии носил титул «Томский и Семипалатинский».

Правительствующий Синод, ни Главный Священник Армии и Флотов не находят удобным подчинять местное военное духовенство – последнему, по причине отдаленности края»⁴. Т.е., как можно предположить, фактически делалась заявка на создание в крае духовного ведомства, которое могло бы объединить и военное духовенство, и священников городских и станичных/сельских приходов.

Однако, как указывает историк П.П. Литвинов, первым, кто попытался реально инициировать процесс по созданию духовного управления в Туркестане, был военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский. Летом 1868 г. он обсуждал этот вопрос с посетившим г. Верный томским епископом Алексием (Новоселовым), отнесшимся к этой идее вполне благосклонно. Как пишет П.П. Литвинов, факт этих переговоров подтверждает переписка Колпаковского с Алексием после перевода последнего на кафедру в Екатеринославско-Таганрогскую епархию⁵.

К сожалению, не ясно, каким именно образом Г.А. Колпаковский собирался добиваться учреждения епархии и в каком городе, согласно его планам, должен был располагаться ее центр. В любом случае в этом начинании Колпаковского опередил генерал-губернатор Туркестанского края и его непосредственный начальник – К.П. фон Кауфман I-й.

В мае 1869 г. Константин Петрович обратился к обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому с докладом, в котором предлагал вывести приходы Туркестанского края из подчинения томскому и оренбургскому епископам и учредить на территории генерал-губернаторства отдельную архиерейскую кафедру⁶. В этом же докладе он предлагал также «на первое время» определить местом пребывания туркестанского епископа областной город Семиречья – Верный (ныне Алма-Ата)⁷. Эта рекомендация была вполне обоснованной, так как именно в Семиреченской области на тот момент проживала подавляющая часть православного населения края.

В научной литературе существует мнение, что желание К.П. Кауфмана видеть фактическим местом пребывания епархиального архиерея удаленный от реального административного центра (Ташкента) город Верный было связано с тем, что он опасался какого-либо «ущемления» своей власти как генерал-губернатора. Современный исследователь пишет: «Характерно, что Кауфман изначально рекомендовал Обер-прокурору назначить центром новообразуемой епархии не Ташкент, а Верный... Эта, внешне справедливая, аргументация* имела однако свой сокровенный смысл, который в разное время получал разные толкования, из которых ближе всех к истине было мнение известного церковно-общественного деятеля протоиерея М. Колобова, считавшего, что “первоустроитель” признавал “неудобным” устраивать рядом с собой архиерейскую власть, которая “для ... азиатов заслонила бы власть генерал-губернатора”»⁸.

Признать справедливость именно такой интерпретации предложения К.П. фон Кауфмана представляется совершенно невозможным. Учитывая малочисленность, на тот момент, православного населения Сырдарьинской области, размещенный в Ташкенте епископ не имел бы возможности развить здесь полноценную церковно-административную деятельность и уж никак не сумел бы «заслонить» власть

* Относительно проживания в Семиречье большинства православного населения Туркестана

генерал-губернатора, обладавшего практически неограниченными возможностями. Отдаленность же консистории от места наибольшей концентрации паствы затрудняла бы реализацию распоряжений епископа на территории Семиречья и все равно заставила бы открыть в Верном постоянное архиерейское подворье, где епископу пришлось бы проводить большую часть своего времени.

Истинные мотивы, которыми руководствовался К.П. фон Кауфман, предлагая место расположения епархиального центра, следует искать в другой области, отнюдь не связанной с личными или административными амбициями «Главного Начальника края». Разобраться в этом вопросе может помочь аргументация, изложенная в письме фон Кауфмана к Д.А. Толстому от 25 января 1872 г., написанном уже после учреждения Туркестанской епархии⁹. В нем Константин Петрович, снова затрагивая тему «неудобства учреждения епархии в Ташкенте», объясняет свою позицию нежеланием раздражать мусульманское население недавно присоединенного к империи города¹⁰. Скорее всего, такая позиция для К.П. фон Кауфмана являлась вполне органичной и естественной. По свидетельству Н.П. Остроумова, он, будучи вполне православным человеком, достаточно толерантно относился к представителям других религий и не стремился навязывать туркестанским мусульманам принятие православной веры¹¹.

Именно исходя из этой информации необходимо оценивать желание первого туркестанского генерал-губернатора видеть архиерейскую кафедру не в Ташкенте, а в Верном. И, руководствуясь ею, следует признать более близким к исторической истине не приведенное П.П. Литвиновым мнение прот. Михаила Колобова, а скорее предположение группы современных авторов, высказанное в одной из статей сборника «К истории христианства в Средней Азии», которые пишут, что «...наличие [в Ташкенте] церковной власти наряду с административной могло быть истолковано как официальное давление на местную религию – ислам и осложнить отношения администрации с коренным населением края»¹².

Но, вне зависимости от выбора места для епархиального центра, инициатива К.П. фон Кауфмана была благосклонно встречена синодальным обер-прокурором. По всей видимости, в 1870 году граф Д.А. Толстой направил императору Александру II «Всеподданнейший доклад», содержащий предложение об учреждении в Туркестанском крае архиерейской кафедры.

2 марта 1870 г. государь утвердил доклад¹³, чем инициировал громоздкий процесс закрепления предложения фон Кауфмана в высшей сфере общеимперской бюрократической машины.

В дальнейшем доклад А.Д. Толстого вернулся в Синод и в 1871 г. был вынесен на рассмотрение Государственного совета Российской империи.

21 мая этого года Государственный совет (в Департаменте экономии и в Общем собрании) одобрил «Проект временного штата Туркестанского Архиерейского дома и Кафедрального собора» и выразил о нем свое «Особое мнение», переданное затем на утверждение Александра II¹⁴. И только после одобрительной резолюции императора проект был отправлен в Святейший Синод для законодательного оформления.

Наконец, 17 июня того же года указом Святейшего Синода было предписано: принять к исполнению высочайше утвержденное «мнение Государственного Со-

вета о введении епархиального управления в областях Туркестанского генерал-губернаторства» с 1 января 1872 года¹⁵.

Этим нормативным актом было положено основание Туркестанской епархии, и фактически именно с него следует начинать отсчет официальной истории этой епархиальной единицы как церковно-административного института. А также – отсчет бытия и современного Среднеазиатского митрополичьего округа, как полноправного преемника Туркестанской архиерейской кафедры.

12 ноября 1871 г. на вновь учрежденную Туркестанскую кафедру был назначен первый ее епископ – Софония (Сокольский), церковный писатель и ученый, занимавший до этого Новомиргородскую викарную кафедру в Херсонской епархии¹⁶. При хиротонии он получил титул «Туркестанский и Ташкентский»*.

В город Верный владыка Софония прибыл 24 мая 1872 года¹⁷.

В дальнейшем Туркестанскую кафедру занимали следующие архиереи:

2. Епископ Александр (Кульчицкий Андрей Иванович) – 1878–1883.
3. Епископ Неофит (Неводчиков Николай Васильевич)** – 1883–1892.
4. Епископ Григорий (Полетаев Лев Иванович) – 1892–1895.
5. Епископ Никон (Богоявленский Филипп Егорович) – 1895–1897.
6. Епископ Анастасий (Опоцкий Василий Алексеевич) – 1887***.
7. Епископ Аркадий (Карпинский Аркадий Константинович) – 1887–1902.
6. Епископ Паисий (Виноградов Петр Иванович) – 1902–1906.
8. Епископ Димитрий (Абашидзе Давид Ильич, князь) – 1906–1912.
9. Архиепископ Иннокентий (Пустынский Александр Дмитриевич) – 1912–1923.

С прибытием епископа Софонии в столицу Семиречья завершился первоначальный, «бумажный», этап в деле устройства Туркестанской кафедры. Из существования в межведомственной переписке она перешла к собственно реальному бытию. Многие проблемы, затронутые в переписке, спроецировались на дальнейшую историю Туркестанской епархии. И если какие-то из них среднеазиатским епископам удалось более или менее успешно решить, то отдельные из них не находили разрешения вплоть до 1916-1917 гг. В частности, добиться перемещения епархиального центра из Верного в Ташкент смог только архиепископ Иннокентий (Пустынский). Этим он осуществил многие годы разбивавшееся о чиновное противодействие стремление большинства туркестанских архиереев имперской эпохи. Но перенесение кафедры совершилось в смутное революционное время, что привело к совершенно другим результатам, чем того ожидали, к примеру епископ Аркадий (Карпинский) или Димитрий (Абашидзе)...

Впрочем, все это уже иная история, далеко выходящая за рамки нашей публикации...

* * *

Ниже приводятся четыре документа из фонда И-1 ЦГА РУз, относящиеся к официальной переписке, посвященной основанию Туркестанской кафедры. При трансляции

* 16 сентября 1877 г. еп. Софония был возведен в сан архиепископа.

** В 1892 г. возведен в сан архиепископа.

*** 9 ноября 1897 г. уволен на покой вследствие тяжелой болезни. Титул туркестанского епископа носил номинально, так и не выехав к месту архиерейского служения.

текст документов был переведен в так называемую новую (постреволюционную) русскую орфографию, однако при этом полностью сохранена стилистика и пунктуация. В квадратных скобках раскрыты сокращения; в «острых» скобках (<>) – в текст введены надстрочные добавления в документе; квадратные скобки с вопросительным знаком обозначают реконструированные слова, не вполне ясные в рукописном тексте. Документы снабжены комментариями, два из них – поясняющими предисловиями.

№ 1. Письмо из Главного Штаба Военного министерства к командующему войсками Туркестанского Военного округа. 6 августа 1867 г.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

* * *

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

* * *

Отделение 1

Стол III

* * *

6 августа 1867 год

№ 1903

Об устройстве

Духовного управления

в Туркестанском Военном округе.

Командующему войсками
Туркестанского Военного округа*<?>*

До настоящего времени в районе вверенного Вашему Превосходительству округа состоящие при войсках и находящиеся в городах и казачьих станицах церкви, священно и церковнослужители, в порядке духовного управления, подчиняются Епархиальным Епископам, в бывших областях: Туркестанской – Оренбургскому и Уральскому, и Семипалатинской – Томскому и Семипалатинскому. Ныне, образование Туркестанского Генерал-Губернаторства, в составе двух областей Сыр-Дарьинской и Семиреченской, /при чем, условная граница между ними, примерно р[ека] Кура-готы не совпадает с чертой, разграничивавшею прежние области Туркестанскую и Семипалатинскую/ требует особого соображения об устройстве в Туркестанском округе духовного управления военного ведомства, соображенного как с местными потребностями и условиями, так и с новым административным разделением края. – Вследствие этого, Главный Штаб просит Ваше Превосходительство сообщить по этому предмету Ваше заключение, присовокупляя к сему, что ни Святейший Правительствующий Синод, ни Главный

* Письмо адресовано К.П. фон Кауфману.

Священник Армии и Флотов, не находят удобным подчинять местное военное духовенство – последнему, по причине отдаленности края.

Вместе с этим, препровождается в подлиннике отзыв Оренбургского Генерал-Губернатора от 12 июля № 4662 об увеличении числа Священников в Сыр-Дарьинской области, с тем, что имея в виду ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный 13 июля сего года штат комендантских управлений вверенного Вам округа, коим назначено уже для обеих областей 15 Священников, не изволите ли Ваше Превосходительство, по обсуждении на месте необходимости такого увеличения и по соображении с новым устройством духовного управления в крае, сообщить Ваше мнение и по настоящему вопросу, для дальнейшего разрешения его в законодательном порядке.

Начальник Главного Штаба,
Генерал-Адъютант /подпись/

Помощник Начальника Главного Штаба,
Свиты Его Величества Генерал-Майор /подпись/

ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, лл. 1-2.

№ 2. Доклад генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана обер-прокурору Святейшего Синода Д.А. Толстому. 17 мая 1869 г.

Предисловие к документу

При ознакомлении с данным документом в обязательном порядке надо учитывать канцелярскую терминологию, а также менталитет российской элиты XIX в.

1. Так, упоминание о «фанатизме» среднеазиатского мусульманства в данном контексте не может рассматриваться как пейоративное, или носящее негативный характер. В пользу этого говорит личная позиция К.П. фон Кауфмана по отношению к другим религиям, которая отличалась широкой либеральностью. В частности, он допускал возможность обрести райское блаженство человеку любой монотеистической религии, при условии праведности его жизни¹⁸. В данном же контексте употребление слова «фанатичный(ое)» следует рассматривать только как расхожий канцеляризм.

В тогдашней бюрократической переписке и официальных бумагах вообще было много терминов, которые сейчас могут восприниматься как некорректные: к примеру, по отношению к старообрядчеству употреблялся термин «раскол», без разграничения умеренных старообрядцев-поповцев, более радикальных беспоповцев и мистических сектантов, к старообрядчеству совсем никакого отношения не имеющих.

В наше время, когда сделаны огромные успехи в деле научного изучения «древлего православия» и изменившихся исторических условий, такой подход к старообрядческому движению категорически неприемлем. Но в XIX в. слова «старообрядчество» и «раскол» на официальном уровне воспринимались как синонимы. Слова и термины меняют свое значение в зависимости от эпохи и области применения, и оценивать документ исходя из *современного* представления о терминах, не учитывая исторический контекст, было бы совершенно неверным и с позиций научной добросовестности неприемлемым.

2. Слова К.П. фон Кауфмана о превосходстве христианской цивилизации над «магометанством» объясняются свойственным российской элите того времени европоцентризмом, когда европейский тип цивилизованности считался высшим уровнем развития человечества. Для XIX в.

европоцентризм еще может рассматриваться как добросовестное и искреннее заблуждение. Напомним, что востоковедение как самостоятельная наука только делало свои первые шаги и мусульманский Восток воспринимался почти исключительно в экзотическом ракурсе. Еще не были открыты блестящие эпохи Омейядского и Фатимидского халифатов, а из бесконечной череды гениальных людей Арабского и Иранского Востока широко известен был, пожалуй, только Авиценна (Ибн Сино), имя которого являлось синонимом понятия «выдающийся медик». Накопление знаний в области изучения восточных цивилизаций постепенно сделает европоцентризм неактуальным, но это произойдет только в конце XX века¹⁹.

3. Интересно, что при всей апелляции к «государственным интересам», аргументы К.П. фон Кауфмана имеют целью убедить вышестоящие инстанции, в данном случае Святейший Синод, принять конкретные меры к улучшению церковного быта русского населения Туркестана. Он не выдвигает каких-либо широкомасштабных проектов, а действует как прагматичный администратор.

Основная цель генерал-губернатора состояла в предоставлении находящемуся в мусульманском окружении православному населению возможности точно исполнять религиозные требования. А для этого требовалось устройство церквей, снабженных всем необходимым для совершения богослужений (церковные книги, облачения и т.д.), а также наличие достаточного количества священников, способных совершать требы и таинства. И именно в организации *нормального* религиозного быта, судя по документу, К.П. фон Кауфман видел основную задачу будущего архиерея и консистории. Необходимо отметить, что в этом плане он был вполне человеком своего времени – эпохи, когда Церковь рассматривалась как институт, находящийся в тесном союзе с государством, как «духовное ведомство» Империи, наряду с гражданскими структурами обязанное заботиться о православных подданных императора.

ТУРКЕСТАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР

* * *

КАНЦЕЛЯРИЯ

* * *

Отделение 3 (13?)

17 мая 1869 г.

№ 1388

С[анкт-]Петербург

Г[осподину] Обер-Прокурору Святейшего Синода*

Осматривая вверенное мне Туркестанское Генерал-Губернаторство, я не менее [чем на прочее,] обратил внимание на то, что при некоторых церквях в обеих об-

* Обер-прокурор Святейшего Синода – первоначально – чиновник, контролировавший синодальное делопроизводство. Впоследствии – *de facto* полномочный министр, ответственный перед российским императором за деятельность Синода и в значительной мере осуществлявший государственный контроль над самим Синодом и синодальными учреждениями. Святейший Правительствующий Синод – коллегиальный орган высшего управления Российской Православной Церковью в период с 1721 по 1917 гг. Учрежден императором Петром I в 1721 году; основанием для создания Синода послужил так называемый «Духовный регламент», программный документ, коренным образом изменивший существовавшую в допетровской России систему сосуществования духовной и светской властей. Святейший Синод не был полностью независимой формой церковной власти – он действовал от имени российского императора и был ему подотчетен.

ластях нет Священников, и что они не имеют возможности, по дальности расстояний и трудности сообщения, объезжать все места расположения батальонов и жительства поселяющихся в крае русских колонистов. Вследствие чего христиане живущие во многих пунктах Туркестанского края не могут выполнять треб согласно правилам веры, и весьма часто отпевания умерших, крестины и т[ому] п[одобное], ограничиваются чтением молитв причетника или из нижних чинов состоящих при часовнях.

Такое безотрадное положение русского населения в Крае продолжается с 1863 года. Генерал-Адъютант Мерхилевич инспектировавший войска бывшей Сыр-Дарьинской линии и Киргизской степи еще тогда донес Г[осподину] Военному Министру, что хотя церкви имеются только в Укреплениях Уральском, Оренбургском Форте № 1 и Перовском но при них священников не состоит, по этому, признавая необходимым постоянное присутствие в каждом форте Священников, он полагал необходимым из существующих в фортах Карабутаке, № 2й, и Джулеке часовен устроить церкви, назначить при них священнослужителей.

На затребованное вследствие этого заключение, Оренбургский Генерал-Губернатор, согласно отзыву Военного Губернатора Туркестанской области вновь образованной из Сыр-Дарьинской линии, просил Г[осподина] Военного Министра устроить постоянные Церкви кроме приведенных пунктов еще в Укреплениях: Арыском, Аульета, Чимкенте, Туркестане и Чиназе. По этому в 1865 году по вышедшим штатам Комендантских Управлений и Воинских Начальников для Туркестанской области определено иметь постоянных священников при церквях в фортах: Покровском, № 1, № 2, укреплениях Аулиета, Джулек, Арыском, Мерке, Токмак, Чулак Кургане и г[ороде] Туркестане. В последствии когда наши владения в Средней Азии распространились за реку Чирчик и Сыр-Дарью положено было, кроме этого, устроить постоянные церкви и назначить при них Священнослужителей в Чимкенте, Чиназе, Ташкенте, Джизаке, Ходженте и Ура-Тюбе, подчинив все управление в область Оренбургскому Епархиальному ведомству.

Несмотря однако на это, со времени образования Сыр-Дарьинской Линии и до настоящего времени <священнические места> в области никогда не были заняты по штатам и при местах обыкновенно состояло половина священнослужителей положенных по штату. Причина этому, как надо полагать, заключается в обширности Оренбургской епархии, отдаленности места пребывания Архиерея, и также и не достатке в лицах духовного звания в Оренбурге.

Вторая часть вверенного мне Генерал-Губернаторства Семиреченская область принадлежала России задолго до образования бывшей Туркестанской области, находилась в ведении Томской епархии и была в лучшем положении. Семиреченский край входил в состав Туркестанского Военного Округа, имел уже устроенные постоянные церкви в городах: Верном, Копале, Сергиополе, станице Софийской, Урджарской, Лепсинской, выселках Надежинском, Любовном, Коксуйском, строящийся собор в Верном и церковь в Сарканском выселке. Кроме того, предположено построить церкви в станицах Карабулак и Мало-Алматах.

Таким образом во вверенном мне крае считается около 30 церквей и около 10 строящихся. Существующая зависимость Туркестанской паствы от двух епархий: Орен-

бургской и Томской, естественно не может выгодно отражаться на численности и положении духовенства в крае, а отсюда и на русском населении. Представив краткий очерк состояния церкви и православных христиан в крае, я считаю своею Священною обязанностию присовокупить еще, что в Туркестанском Генерал-Губернаторстве, на окраине, где с православною верою соприкасается мусульманство, может быть самое фанатичное в свете, нельзя без ущерба для государственной религии, и ее значения забросить, так сказать туркестанскую паству. Кроме чисто религиозного значения, неустройство этой паствы влияет весьма вредно и на прочность нашего положения в мусульманском крае. <...> Мы должны обнаружить прежде всего полную и всецелую преданность требованиям нашей веры и никак не довольствоваться бедными часовнями и молитвенными домами, <с> недостаточным количеством священнослужителей и убогой обстановкой при богослужении. Бедность и заброшенность тамошних церквей и отсутствие торжественности, требуемой правилами церкви при богослужении, действует весьма вредно как на русских, органическая связь которых с родиною поддерживается только верою, так и на мусульман, которые имеют повсеместно мечети и полную возможность точно исполнять требования своей веры. На основании сказанного имею честь просить содействия Вашего Сиятельства учреждению во вверенном мне Крае духовного управления вместо подчиненности его двум епархиям, подобно тому как сделано с другими частями Управления, отдельную архиерейскую кафедру.

Открытие этой кафедры в пограничном Крае населенном Магометанами и Язычниками* неоспоримо должно будет благотворно повлиять не только на пришлое русское население, но и на туземцев. Материальное положение архиерея на этой окраине я полагаю крайне необходимым обставить наивозможно лучшим образом для поддержки его представительности. На первое время местопребыванием Преосвященного ввиду исключительного положения Ташкента, этого центра мусульман Туркестанского края я полагал бы назначить областной город Семиреченской области Верное. Город этот представляет более всего необходимые условия для удобного и постоянного местопребывания Архиерея. Город построен среди русского населения, поэтому жизнь в нем сложившаяся мало чем отличается от такой же в других городах Империи.

О последующем покорнейше прошу не оставить уведомлением.

Подписал: Генерал Адъютант Фон Кауфман 1-й

Первый секретарь: Правитель канцелярии /неразборчиво/

Верно: /подпись/

ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, лл. 30-33 об.

* Под «язычниками», скорее всего, в документе подразумеваются проживавшие на тот момент в Семиречье и Кульдже буддисты.

№ 3. Письмо Обер-прокурора Святейшего Синода Д.А. Толстого Туркестанскому Генерал-Губернатору К.П. фон Кауфману. 9 декабря 1871 г.

**ОБЕР-ПРОКУРОР
СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА**

* * *

КАНЦЕЛЯРИЯ

З

* * *

9 декабря 1871 год

№ 4515

Его Превос[ходительст]ву
К.П. Фон-Кауфману.

Милостивый Государь
Константин Петрович

По высочайше утвержденному в 12 день минувшего Ноября всепреданнейшему докладу Святейшего Синода, на новоучрежденную во вверенном Вашему Превосходительству крае, Архиерейскую кафедру, назначен Викарий Херсонской епархии Епископ Новомиргородский Софония, с присвоением как ему, так и преемникам его по этой кафедре, именования Епископа Туркестанского и Ташкентского.

Имею честь уведомить о сем Ваше Превосходительство и, согласно определению Святейшего Синода, покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, оказать возможное с Вашей стороны содействие как в отыскании для преосвященного Софонии, с его штатом, помещения, так и во всем том, что при новости епархии и особых условиях края, может, на первых порах, поставить Епархиальное Начальство в особое затруднение.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

*/Граф Дмитрий Толстой/**

ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 6464, лл. 1-1 об.

Пометки К.П. фон Кауфмана на документе:

Доложить с перепискою. –
15. 1. 1872 подпись /Кауфман/

* Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823-1889) – видный российский государственный деятель, историк, сенатор. С 1865 по 1880 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода.

Ответить[?] Графу Толстому, что я очень радуюсь учреждению здесь Епархии. Радуюсь знаку заботливости Высочайшей о вверенном мне Крае Его Величества. Вместе с тем не могу не высказать и не повторить мысли выраженной в первоначальном моем ходатайстве, что местопребывание Епископа должно быть [?] не в Ташкенте, а в Верном. При этом, просить уведомить меня по возможности скорее, угодно ли будет согласиться на то, чтобы ныне приступить к устройству помещения для Епархии и Архиерея в Верном, где это по местным условиям легче исполнить. – Стоит при этом разъяснить мысль, почему лучше Епархию иметь в Верном, а не в Ташкенте. – Обстановка, население Верненское и вообще Семиреченское. Спросить Графа какие средства предполагается ассигновать из Казны на устройство Епархиальных помещений.

20. 1. 1872 подпись /Кауфман/

№ 4. Письмо Туркестанского Генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана обер-прокурору Святейшего Синода Д.А. Толстому. 25 января 1872 г.

Предисловие к документу

Документ косвенно касается довольно злободневного для генерал-губернаторства вопроса. Тема возможной насильной христианизации со стороны новых властей действительно была весьма болезненной для туркестанских мусульман в первые годы после завоевания Средней Азии. Однако, по большому счету, опасения были скорее надуманными, чем реальными.

Известно, что ни при К.П. фон Кауфмане, ни после него в задачу администрации генерал-губернаторства не входила организация миссионерской деятельности среди местных мусульман²⁰.

Но, несмотря на беспочвенность этих опасений, они волновали умы, и К.П. фон Кауфман не мог не учитывать расхожих настроений в мусульманской среде.

На момент учреждения кафедры в Ташкенте была только одна Иосифо-Георгиевская церковь, выстроенная «из сырцового кирпича, без колокольни» и представлявшая собой «четырёхугольную коробку»²¹, т.е. не имевшая внешнего вида, свойственного церквям центральной России. Наряду с этим в 1866 году (и такое положение, видимо, сохранялось и в 1872 г.) в Ташкенте служили всего два священника: протоиерей А.Е. Малов и священник Г.А. Ширяев²².

В условиях малочисленности наличного причта, появление в столице края православного архиерея и сопутствующая устройению кафедры организация епархиальных учреждений (кафедрального собора, консистории, архиерейского дома) вполне могли подстегнуть слухи о якобы грядущем обращении мусульман в христианство.

На этом фоне повторное требование К.П. фон Кауфмана об учреждении кафедры не в Ташкенте, а в столице Семиречья – городе Верном выглядит не только резонным, но и вполне разумным.

**Туркестанский
Генерал-Губернатор**

№ 374

25 Января 1872 г.

Его Сиятельству
Графу Д. А. Толстому

Милостивый государь
Граф Дмитрий Андреевич

Письмом от 9 Декабря истекшего года за № 4515 ваше сиятельство изволили сообщить мне Высочайшее повеление, последовавшее в 12й день Ноября того же года, о назначении на новоучрежденную во вверенном мне крае архиерейскую кафедру, викария Херсонской епархии Епископа Новомиргородского Софонии, с присвоением как ему так и его преемникам именованья Епископа Туркестанского и Ташкентского.

Душевно радуясь новому знаку Высочайшей заботливости о вверенном мне крае Его Величества, я вместе с сим не могу не высказать и не повторить мысли выраженной в первоначальном ходатайстве, от 17 мая 1869 г. [№] 1388, о неудобстве учреждения епархии в Ташкенте.

Ташкент, это город с многочисленным мусульманским населением и как недавно еще покоренный, мало освободился от влияния фанатизма. Учреждение в городе с такой обстановкой архиерейской кафедры, может породить в туземных жителях различные предположения и недоразумения. Фанатики непременно воспользуются таким движением умов, и пребывание епископов в Ташкенте послужит им новым орудием на пользу мусульманства, что конечно может иметь некоторое влияние на положение наших политических дел. Между тем г[ород] Верный и вообще все окружающее его Семиречье представляет собою совершенно другой характер. Оседлое население этой местности почти исключительно православное, и признание место пребывания архиерея в г[ороде] Верном, будет встречено жителями с восторгом.

Считая священной обязанностью вновь высказать Вашему Сиятельству свое мнение, истекающее из исключительного, в политическом отношении, положения Сыр-Дарьинской области, и не сомневаясь в том, что и Вы, Милостивый Государь, признаете означенное мнение настолько уважительным, что не откажете в соответственных распоряжениях о направлении вновь назначенного епископа в г[ород] Верный, я, вместе с тем имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбой уведомить меня, по возможности в непродолжительн<ом> врем<ени>, не благоугодно ли будет согласиться на то чтобы я ныне же приступил к устройству помещения для архиерея в Верном, а также и какие средства предполагаются ассигновать из казны для устройства епархиальных помещений.

ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 6464, лл. 2-3 об.

Примечания

¹ «В 1886 г. численность православных в регионе достигала 20 тысяч человек, но $\frac{3}{4}$ из них приходилось на Семиречье». *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Елец: ЕГПИ, 1996. – С. 8. Несколько иные цифры указывает Е.Е. Озмитель: по ее данным, приходы Сырдарьинской области насчитывали 50 тыс. православных, а приходы Семиречья – ок. 100 тыс. человек. См.: *Озмитель Е.Е.* Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.). – Бишкек: Издательство КРСУ, 2010. – С. 34.

² ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, лл. 30-31 об.

³ См.: *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии. – Указ. изд. – С. 8.

⁴ ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, л. 1 об.

⁵ См.: *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии. – Указ. изд. – С. 9.

⁶ ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, л. 32 об.

⁷ ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 124, л. 33.

⁸ *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии. – Указ. изд. – С. 9.

⁹ ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 6464, лл. 2-3 об.

¹⁰ ЦГА РУз. И-1, оп. 20, д. 6464, л. 2 об.

¹¹ См.: Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края / Личные воспоминания *Н.П. Остроумова*. (1877–1881 гг.). – Ташкент, 1899. – С. 43–44.

¹² *Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Проскурин В.Н.* К истории христианства в Средней Азии. // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.). – Ташкент: Узбекистон, 1998. – С. 16.

¹³ См.: ЦГА РУз. И-961, оп.1, д. 9, л. 105.

¹⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLVI. Отделение второе: 1871. – СПб, 1874. – С. 433.

¹⁵ ЦГА РУз. И-961, оп. 1, д. 9, лл. 105–106.

¹⁶ Составитель обширнейших каталогов русских православных архиереев, митрополит Мануил (Лемешевский) приводит такую характеристику вл. Софонии (Сокольского): «Архиепископ Софония был одним из выдающихся иерархов XIX века. Человек больших природных способностей, трудолюбивый, любящий свою родину, прекрасный хозяин и администратор, всесторонне образованный... горячо любил науку и оставил немало научных трудов. Известен отличным знанием и строгостью исполнения [церковного] устава». (*Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи. 922–1892. Т. III. – Москва: Издание Сретенского монастыря, 2004. – С. 25).

¹⁷ См.: *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент: Типо-литография О.А. Порша, 1912. – С. 318.

¹⁸ См.: Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. / Личные воспоминания *Н.П. Остроумова*. (1877–1881 гг.). – Указ. изд. – С. 43.

¹⁹ Подробнее об истории взаимоотношений западной и мусульманской цивилизации и об «открытии» Европой и Россией исламского мира см.: *Луис Б.* Ислам и Запад. – Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея. – Москва, 2003. *Армур Р.* Ислам и христианство: непростая история. – Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея. – Москва, 2004; *Батунский М.А.* Россия и Ислам. Т. I–III. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003.

²⁰ Эта тема достаточно подробно разбирается в: *Флыгин Ю.С.* Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917). // II Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008. Сборник материалов. – Ташкент: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2010. – С. 11–26.

²¹ *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. – Указ. изд. – С. 312.

²² См. там же. – С. 320.

Людмила ЖУКОВА

«Впечатление избранности и величия...»

Воспоминания таикентцев о святителе Луке (Войно-Ясенецком)

*Воспоминания о великих людях так же
полезны, как их присутствие.
Сенека*

Более 70 лет отделяет нас от того дня, когда Лука (Войно-Ясенецкий) навсегда покинул Узбекистан. Но еще до недавнего времени в Ташкенте было немало людей, которые помнили пастырское служение епископа Луки в столичной церкви Сергия Радонежского, бывали у него дома, учились и работали с его детьми или слышали о нем от старшего поколения. Теперь, с заметным оттоком русскоязычного населения из Узбекистана в последние два десятилетия, свидетелей этой замечательной жизни осталось немного. Но до сих пор иные ташкентцы – не понаслышке, а на основании личного общения с Войно-Ясенецким, его пациентами, учениками или их детьми и внуками, – называют его одним из лучших хирургов XX века.

Нам удалось найти неопубликованные письменные воспоминания пяти врачей и записать более десяти устных рассказов (в основном кратких) людей разных профессий, которые знали Луку или его близких.

В документальной повести Марка Поповского «Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга»¹ приводится лишь один фрагмент воспоминаний первого среднеазиатского бактериолога, доктора медицинских наук Алексея Дмитриевича Грекова (1873–1957), касающийся святителя Луки, причем без ссылки на первоисточник.

Нами установлено, что данный текст был взят историографом из копии неопубликованной машинописной рукописи А.Д. Грекова «50 лет врача в Средней Азии» (1949)², в то время хранившейся в Республиканском институте эпидемиологии и микробиологии. Семья этого блестящего врача жила по христианским заповедям. До 2007 г. первый экземпляр мемуаров А.Д. Грекова находился в семейном архиве, у его дочери О.А. Грековой. Незадолго до своей кончины Ольга Алексеевна по нашей рекомендации передала воспоминания отца в Центральный государственный архив Узбекистана.

Приводим полностью выдержки из этих воспоминаний, касающиеся Войно-Ясенецкого:

Как известно, до революции в Средней Азии не было вузов, в том числе не было и медфакультетов. По инициативе тогдашнего комиссара здравоохранения И.И. Орлова собралась группа наиболее видных врачей, в т.ч. Слоним Михаил, Ясенецкий-Войно*, я, еще кое-кто, и перед нами был поставлен вопрос о кадрах. Это сразу же привлекло массу желающих учиться из числа окончивших среднюю школу и из рабочих, потянувшихся к науке. Начатые с осени 1918 г. занятия пошли настолько успешно, что уже осенью 1919 г. созрело решение преобразовать среднюю школу в первый курс медицинского факультета. Это совпало с аналогичным решением Центра об открытии в Ташкенте университета с медфаком. Покуда же организационную группу в Ташкенте составили Михаил Ильич Слоним, Ошанин, Ясенецкий-Войно и я. Для чтения ботаники пригласили Дробова. А так как все мы, названные, упирались идти в деканы-хозяйственники, по моему предложению пригласили старого ташкентского врача Бровермана, который был очень польщен этим и, имея связи с правящей головкой, вскоре добился предоставления под медфак помещения бывшего кадетского корпуса. Сюда мы и перешли из бывшего «буфа», где сперва начали чтение лекций и занятия. Общую биологию читал Михаил Слоним, Войно-Ясенецкий – анатомию, Дробов – ботанику, я – микробиологию, Ошанин – физику и химию...

Студентов набралось масса, и они с жадностью набросились на учебу, помогая всем, чем было возможно, молодому факультету. Так, помню, кости для анатомии раздобывали на старых кладбищах в окрестностях Ташкента, рискуя при этом СВОИМИ боками. Не было книг, на гектографах перепечатывали оттиски с тех, что имелись у руководителей. Войно-Ясенецкий выполнял художественные таблицы по анатомии, ботанике, собирал травы и на них обучал слушателей и т.д.

В декабре 1920 г. я был избран профессором, наравне с Моисеем [Михаилом] Ильичом Слонимом и Войно-Ясенецким.

Во время создания медвуза особенно обращала на себя внимание колоритная фигура Войно-Ясенецкого. Он приехал в Ташкент в начале Первой мировой войны хирургом в городскую больницу. Мне пришлось впервые столкнуться с ним, разбирая, в числе других врачей, конфликт между ним и работавшим ранее в городской больнице врачом Ш.** Не помню сейчас сущность конфликта, но виной всего был Ш. В дальнейшем я стал встречаться с Войно-Ясенецким, когда создавалась инициативная группа по развертыванию медшколы и факультета. Я обратил внимание на то, что если Войно-Ясенецкому приходилось, как и мне, прийти на собрание группы раньше других, он вынимал из кармана маленькую книжечку и погружался в ее чтение. Вскоре я убедился, что это было Евангелие. В дальнейшем, уже при развернутом факультете, должно быть, в 1920 или 1921 г., мы узнали, что Войно-Ясенецкий принял сан священника, а еще некоторое время спустя он сделался уже архиереем, пользовавшимся громадной популярностью. Его постоянно окружали поклонники-кликуши, и, вероятно, благодаря им, благодаря проповедям, не всегда согласованным с тогдашним направлением, на него обрушился ряд гонений. Он бывал и в тюрьме, его посылали то в ту, то в другую отдаленную местность, где, между прочим, население спешило использовать его как прекрасного хирурга-бессребренника. Но он оставался верен своему новому сану и призванию и смело мерил Союз из конца в конец. Но прошли годы нетерпимости, в правящих кругах спохватились, что, кроме архиерейства, Войно-Ясенецкий – крупный хирург, дали ему возможность закончить и выпустить в свет прекрасную книгу по хирургии. Разразилась Отечественная война, и он стал во главе хирургов крупного центра Сибири, а после войны мы видим его уже в крупном европейском городе Союза, окруженным ореолом одного из крупнейших хирургов Родины. И в то же время – это все же архиерей. Можно не соглашаться с убеждениями этого человека как духовного лица, но приходится преклоняться перед его стойкостью, непоколебимостью в своих религиозных убеждениях.

* Именно так, «Ясенецкий-Войно», писалась фамилия святителя до 1920-х годов. (Прим. ВС.)

** Имеется в виду С.П. Шорохов – патологоанатом, бактериолог и организатор сыровоточно-вакцинного дела в Туркестане.

Из неопубликованных записей хирурга-стоматолога Ташкентского медицинского института (ТашМИ) профессора Эргаша Убайдуллаевича Макхамова, сделанных в июле 1986 года:

В.Ф. Войно-Ясенецкий. Врач-хирург. Доктор медицины. Профессор. Светило медицины. Близкий друг академика Филатова. Пребывая в Ташкенте, в 1921 г. принял сан священника русской православной церкви. В 1923 г. церковное руководство возвело его в сан епископа Ташкентского и Туркестанского с монашеским именем Лука.

Заняв такую позицию в религии, В.Ф. Войно-Ясенецкий не уменьшил и не прекратил деятельность лечащего врача и профессора. Был очень энергичным. Но не все шло гладко.

В конце двадцатых годов он был обвинен в убийстве профессора Ташкентского медицинского института Михайловского*.

Я приехал жить в Ташкент позднее. Тогда я разговаривал с сыном убитого профессора, который был действующим лицом в этой трагедии. Молодой Михайловский отвечал неохотно. Он сказал, что имеется в продаже книга, излагающая эту историю. Молодой Михайловский учился в ТашМИ и сейчас работает врачом в Ташкенте. В феврале, марте или апреле 1936 г. в газете «Правда Востока» была помещена статья под заглавием «Медицина на грани знахарства». Статья подписана ташкентскими профессорами и врачами и касалась Войно-Ясенецкого**.

Профессор Войно-Ясенецкий послал в редакцию свои разъяснения, письмо его также было опубликовано в газете «Правда Востока»³. Для человека сегодняшнего дня понятно, что В.Ф. Ясенецкий был на пороге величайшего открытия – открытия спасительного пенициллина: язвы излечивались плесенью и грибом нестерильного чернозема. Но тогда этого не знали. Идею подхватили англичане, которым и выпала всемирная слава...

Как-то в моих руках оказалась книга, в которой советский автор знакомит читателей с научным творчеством ученых в области медицины, представлявшим интерес за рубежом. Автор доходит до фамилии Войно-Ясенецкий. Профессор-хирург оставил философское наследие. Утверждает, что орган человеческого тела – сердце – выполняет не только функцию перекачивания крови. Но что именно сердцем человек получает информацию извне, в сердце вмешивается мыслительная творческая работа, сердце делает интеллектуальные открытия, изобретения. Сердце принимает решения, а не аппарат головного мозга. Это учение за рубежом получило название кардиоцентризм.

Предлагаемый портрет (фотопортрет) В.Ф. Войно-Ясенецкого не дает представления о его внешности.

Он создавал впечатление избранности и величия. Все молчали, пока он не обращался с вопросами, пока он не начинал разговора. Высокий рост, стройное сильное мужское тело. Большая голова, манеры с мужской изящностью.

Он принимал больных бесплатно. Свои деньги раздавал. Его имя будет жить в веках⁴.

И.Б. Калмыкова (родилась в 1936 году в семье врача-рентгенолога Бориса Николаевича Калмыкова, заслуженного врача УзССР, одного из основателей рентгенологической службы в Средней Азии. Ирина Борисовна – кандидат медицинских наук, проработала 35 лет в НИИ гематологии и переливания крови, с 2003 по 2011 год возглавляет Городской гемостазиологический Центр):

С самого детства моя жизнь протекала в кругу папиных коллег, окончивших медицинский факультет САГУ в 1928 г. Многие из них являлись преподавателями во время моего обучения в ин-

* Заведующий кафедрой физиологии ТГУ профессор И.П. Михайловский являлся крупным ученым, страстно преданным науке. В последние пять лет своей жизни он занимался решением задачи «обновления организмом его крови средствами самого организма». По мнению Ивана Петровича, в случае успешной разгадки этой проблемы можно было работать над другими: как вылечить хронический алкоголизм, хронический морфинизм, всевозможные острые отравления и др. 5 августа 1929 г. он покончил жизнь самоубийством. Михайловский похоронен на Боткинском кладбище в Ташкенте.

** Статья направлена против опытов В.Ф. Войно-Ясенецкого с катаплазмами. См.: Правда Востока, 9 апреля 1936 г.

ституте. Это была плеяда высококвалифицированных врачей, бесконечно преданных своему делу, больному человеку, помощь которому составляла суть их жизни. Благородство и научная значимость этих врачей-корифеев оценена временем, в течение которого под их руководством выросло новое поколение талантливых профессоров и доцентов, достойно продолживших их благородное служение людям.

Несмотря на трудные времена, выпавшие на их долю, – послереволюционный период, репрессии, годы Великой Отечественной войны, – можно только позавидовать оптимизму этого поколения. В их плеяду входят П.Ф. Боровский, А.Н. Крюков, П.П. Ситковский, А.Д. Греков, М.И. Слоним, И.А. Кассирский, И.И. Орлов, Н.И. Рогоза, Г.Н. Терехов и др.

Высокую оценку своих трудов получил профессор хирургии В.Ф. Войно-Ясенецкий за разработку уникальных методов лечения гнойных ран. В военные и первые послевоенные годы его метод спас жизни сотням тысяч людей.

Свою врачебную деятельность в Ташкенте он начал весной 1917 г. Сотни людей, обреченные на гибель, обращались в Ташкентскую городскую больницу с запущенными гнойными процессами. И Войно-Ясенецкий спасал.

В 1921 г. пришлось обратиться к родственникам из нашей семьи. Приехавшие из голодного Поволжья родственники не знали к кому обратиться с мальчиком (моим дядей) 12 лет с гнойным воспалением подчелюстных желез. Положение было критическим. Обратились в городскую больницу к Войно-Ясенецкому. Приговор однозначный – только операция. Но не так просто было идти на операцию.

Перед операцией Валентин Феликсович предлагал встать на колени перед иконой Иисуса Христа – Спасителя и помолиться. Только после этого больного брали на операционный стол. Волнений было много, но исход благоприятный и без всяких последствий. Более того, дядя участвовал в Сталинградской битве и дожил до 93 лет. Вот что значит овладение великим искусством хирургии. Труды В.Ф. Войно-Ясенецкого высоко оценены правительством, а его метод лечения гнойных ран приводится в энциклопедии, посвященной опыту лечения раненых в условиях войны.

В моем архиве имеется фотография, запечатлевшая хирургическую группу и преподавательский состав Института усовершенствования врачей в ноябре 1936 г. Во втором ряду центральное место занимают В.Ф. Войно-Ясенецкий и другие ведущие хирурги Ташкента.

Один из секретов новаторского метода лечения раненых советских бойцов в 1941–1945 гг. несколько лет тому назад в газете «Труд» популярно изложил Роман Григорьев в статье под названием «Аппарат “Георгий” для боев в микромире»:

В красноярском госпитале он [ссылный доктор Войно-Ясенецкий] сделал тысячи блестящих операций. И непременно добивался успеха! Во многом потому, что в качестве союзника и мощного лекарственного средства использовал серебро.

Это решало дело. Ведь при ранениях в сустав и околосуставное пространство инфицированная фронтовая грязь неизбежно попадает в рану. Начинается нагноение, а это практически всегда означает ампутацию ноги или руки. Профессор мастерски умел разбирать и вновь собирать раненые суставы. Так, словно это были детали машин. И каждую косточку промывал убивающим бактерии раствором коллоидного серебра – колларголом. Десятки тысяч фронтовиков благодаря его методикам избежали трагической участи стать калеками.

Наверняка оригинальное изобретение, использованное при лечении гнойных заболеваний в военных условиях, было апробировано знаменитым врачом еще в ташкентский его период, а возможно и в более ранний. В общей сложности В.Ф. Войно-Ясенецкий занимал должность военного врача более десяти лет.

Из рассказа доктора медицинских наук Альберта Ервандовича Аталиева (1937 г.р.):

Фамилию Войно-Ясенецкий я впервые услышал в 1954 г. от вдовы активного участника революционных событий в Туркестане М.П. Кафанова (1882–1923). Трагедия в семье случилась в 1923 г.

После возвращения из командировки по голодным местам у Михаила Прокопьевича из-за чрезмерно съеденного произошла кишечная непроходимость. Его срочно оперировали в городской больнице, но спасти ему жизнь не удалось. И сегодня смертность от этой патологии доходит до 15-20%, а в те времена...

С 1956 г. судьба связала меня с моим Учителем, профессором Садыком Алиевичем Масумовым (1902–1977), сначала как пациента, затем как сотрудника одной и той же кафедры. Она располагалась на базе клинической больницы неотложной помощи на ул. Жуковского.

Старый хирургический корпус сохранился и сейчас. После землетрясения 1966 г. он был реконструирован и утерю свою главную примечательность – высокое светлое помещение, где вместо потолка были высоченные стеклянные витражи. На стенах коридоров висели маслом выполненные портреты хирургов с мировыми именами.

Многое здесь и сейчас напоминает о времени Войно-Ясенецкого и о его талантливых соратниках.

Мне посчастливилось работать в той же операционной, где творил Мастер, где еще сохранился большой крюк на стене, на котором укреплялась икона.

Садык Алиевич Масумов (ученик хирурга П.Ф. Боровского) редко нам рассказывал о Ясенецком-Войно (так он упорно и непонятно для нас называл его). Но иногда он приводил интересные замечания Валентина Феликсовича по диагностике. Один из примеров: докладывают главному хирургу о состоянии больного с ранением живота. Вопрос В.Я. о том, каково состояние правой почки, удивил его подопечных. На следующий день, когда появилась гематурия (кровь в моче), стало ясно, как точно предвидел крупнейший патологоанатом ход раневого канала.

Не помню сейчас, кто рассказал другой эпизод, случившийся в 1947 г., когда Валентин Феликсович приезжал в Ташкент. В железнодорожной больнице никак не могли установить диагноз у молодой женщины, страдавшей от боли в области тазобедренного сустава. После тщательного осмотра профессор поставил диагноз – туберкулез запирательного нерва. Целенаправленное лечение и – чудо! Чудо ли или знания и опыт?!

С сентября 1917 г. с Войно-Ясенецким работала операционная сестра Тамара Петровна Лабадовская. Я застал ее уже немолодой, но статной, с красивой сединой. Находясь постоянно с больными, она помогала им перенести послеоперационный период. Орден Ленина и знак Почета не зря стали наградой за ее работу.

Удивительная женщина! Зная меня (выпускника ТашМИ 1961 г.) еще со студенчества, она каждый раз, когда я проходил мимо поста медсестры, вставала. На все мои слова, увещевания, что этого не надо делать (она была старше меня лет на тридцать), ответ был всегда один: «Альберт Ервандович (хотя в студенчестве я был просто Али), Вы – врач».

«Альберт Ервандович, а Вы знаете, что В.Ф. на анестезию тратил лишь две ампулы новокаина – и операция проходила безболезненно», – так говорила Тамара Петровна мне, переводившему каждый раз 200-300 мл этого «зелья».

В 1968 г. в г. Фрунзе (ныне Бишкек) я познакомился с чудесной семьей Томашевичей. К сожалению, не могу вспомнить имя и отчество главы семьи (уролога). Супругу (хирурга) звали Любовью Васильевной. Они раньше работали в ташкентской клинике Масудова. Когда мы разговорились о В.Я., они показали мне журнал Московской Патриархии за 1945 или 1946 год, где была напечатана прекрасная статья об архиепископе Луке, лауреате Сталинской премии. Я переписал эту статью от руки (ксероксов еще не было), и долгое время она хранилась у меня вместе с трудами и биографической литературой об этом Великом Человеке.

Из воспоминаний матушки Надежды (Флоры Карловны Ярославской, 1934 г.р.):

Мой дедушка овдовел рано. Воспитывать одному сына и дочь было в то время нелегко. Поэтому он решил девочку отдать в монастырь. Это случилось в Казахстане. В начале 20-х годов мама, неграмотная и без копейки денег, приехала в Ташкент с рекомендательной запиской к Войно-Ясенецкому. Валентин Феликсович устроил ее санитаркой в хирургическую больницу. Потом мама (Екатерина Павловна Ярославская, 1892–1976) закончила ликбез. Работала там же и всю жизнь помнила своего спасителя.

Врач Т.А. Шумилкина, жительница Санкт-Петербурга, в конце 1980-х вела активную переписку с матушкой Надеждой. В одном из писем она изложила краткие воспоминания о Войно-Ясенецком и попросила подругу ответить на вопросы о жизни семейства архиепископа Луки. Несмотря на то, что рассказ Тамары Андреевны весьма сумбурный и многие события смещены во времени, в нем есть любопытные эпизоды, которые помогут достовернее восстановить страницы жизни святителя Луки:

Когда мы в 1920 г. приехали в Ташкент в составе эшелона Фрунзе, нас разместили в казарме. Казарма отделялась дувалом из глины, на котором весной цвели тюльпаны. Одной стороной казарма выходила на Саперную улицу, другой – на Старогоспитальную (потом ул. Кафанова). В большой казарме располагалась солдатская церковь*. В церкви шло богослужение. Моя бабушка посещала церковь и прежде рассказывала маме, что службу проводит молодой священник отец Валентин, что он врач из первой городской больницы, что священником стал недавно, после большой беды, когда у него, то ли во время операции, то ли после нее вскоре умерла жена. У него семья, дети. О старшем, Михаиле, никогда никто не говорил. Домашним хозяйством занималась его операционная сестра. Года через полтора или два нас перевели. В казарме разместились воинская часть, церковь сломали. Ворота закрыли.

В это время в город стали очень часто приезжать из Москвы философы-богословы. Особенно ретивым был то ли Вознесенский, то ли Воскресенский по фамилии, богослов. Диспуты проводили в Театре оперы и балета, они были бесплатны, народа собирали много, шли какие-то непонятные споры, в которых они наших богословов забивали. В этих диспутах принимал участие и Войно-Ясенецкий. Мы, девчонки, бегали на эти диспуты, но, конечно, ничего не понимали. Я и сейчас не понимаю, как это произошло, но церковь раскололась на «старую» и «новую» или, как говорила моя бабушка, на «мертвую» и «живую». Новая церковь разместилась в соборе, а старая – на Пушкинской улице. Придя однажды с богослужения, бабушка сказала, что в церкви служит тот самый отец Валентин, но теперь он епископ Лука. Как будто бы он сан получил в Самарканде. По городу опять поползли всевозможные разговоры, сплетни и басни.

Бабушка брала меня на богослужение, и, надо сказать, оно было очень красивым. Представьте в центре красивого старика, на голове которого митра, одежда очень красивая, на груди большой посеребренный крест, в руках какая-то чашечка, испускающая очень приятный запах. Голос спокойный, ясный. А по бокам стоят два мальчика, тоже красивых, стройных. Держат в руках большой подсвечник медный, до блеска вычищенный, с зажженными свечами. Хор, много света. Зрелище очень красивое.

Я с братом училась в школе им. Ленина, рядом находилась школа им. Достоевского. Учителя были отличные, и из старых гимназий, и из реальных училищ. Детей было много, возраст очень разный. Издержки гражданской войны и революции.

Дети Ясенецкого, дочь и два сына, учились вместе с нами. Алеша учился в одном классе с моим братом. Все дети были очень красивые, высокие, ладные, шатены с темными глазами и матовым цветом лица. Вот эти два мальчика (Алеша и Валя) служили с отцом в церкви.

Дочь сразу же после окончания 9-го класса вышла замуж за какого-то, как говорили, адвоката по фамилии Жук[ов]. Сам отец их венчал. На проповеди Лука сказал: «Да будет семья архиерея примером брака для других». И: «Терпите, ибо всякая власть от Господа Бога».

Его опять вскоре арестовали и выслали. Семья жила «миром», как теперь называют спонсоров.

Алеша учился плохо. У нас бывал часто. Брат тоже был у них в доме и говорил, что у них висит большой портрет Алешиной мамы, нарисованный самим отцом**. Портрет очень красивый. По-

* Военная церковь находилась на территории Константиновских казарм, построенных в районе Александровского парка, к западу от нынешнего Музея искусств и бывшего Туркменского базара, но не на Саперной. Церковь была рассчитана на небольшое количество прихожан из числа военнослужащих. Когда обстановка в городе стабилизировалась, храм могли посещать и гражданские лица. Постройки в казарме, в том числе и культовое здание, были сооружены из жженого кирпича. Церковь, вероятно, была одноглавой, с небольшой звонницей. В 1922 г. храм закрыли и превратили в клуб. См.: План Ташкента, 1905 г. // Туркестанская правда, 26 декабря 1923 г.

** М. Поповский в 1949 г. видел портрет красавицы жены кисти самого Войно в симферопольской квартире архиерея (см.: Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – СПб., 2005, с. 102).

том Алеша отстал и от меня, опять остался. В общем, чем занимался, я не знаю, но в школу он не ходил*. Потом я слышала, что он вроде уехал в какую-то экспедицию в Ферганскую долину. Валя учился нормально. И потом я слышала, что он, вроде, живет в Одессе и работает в клинике Филатова (глазной).

Я уехала в Ленинград. Сама я видела близко В.-Я. два раза. Один раз – когда была у него на приеме (наверное, в 1926 г.). Он проводил благотворительный прием. Прием шел по записи. Меня записал Алеша. Командовал приемом и впуском какой-то очень худой, одетый в черную рясу парень с рыжей-рыжей головой. Комната была не очень большая. При входе стояла кружка для денег, в углу было много икон. Сам Лука сидел в кресле. Принял меня быстро. Сказал маме, что опухоль эта саркома и что надо ампутировать ногу. Что такое саркома, я не знала и заревела. Вскоре меня мама отправила к отцу в Москву, там меня прооперировали, оказалось, это просто жировик. Второй раз он проезжал на коляске мимо нашего дома. Сидел прямо, с посохом в руке.

В 1945 г. я узнала из газет, что еп[ископу] Луке присуждена Сталинская премия. Володя, брат, последний раз видел Алешу в Ленинграде в августе 1955 г. Он закончил биологический факультет, работал на кафедре. О старшем, Михаиле, я узнала от работающих со мною врачей. Они говорили, что в Первом медицинском институте им. Павлова работает хирургом его сын. Потом в телефонной книге прочла его адрес и номер телефона. Жил где-то на Петроградской.

В 80-х годах в журнале «Звезда» были опубликованы письма архиепископа Луки к сыну Михаилу.

Ну что я могу сказать спустя 80 лет? Конечно, человек Войно-Ясенецкий (епископ Лука) – легендарная личность. Могила его, наверное, охраняется и церковью, и родными. А вот где могила его жены? Кто знает?

Остался ли кто из потомства дочери в Ташкенте? Была ли у Алеши семья? Где живет Валя? Мишина семья живет в Петербурге.

Прочитать написанное не могу. Как написала, так пусть и будет. Устно, может быть, я больше бы могла рассказать.

Среди кратких записок мемуарного характера на отдельных листочках в семейном архиве пианистки Т.А. Редлин (Березская, 1914–1994) мы обратили внимание на следующие строки:

Когда я еще училась в школе, в Ташкенте жил и работал великий человек, знаменитый, как я теперь узнала, на весь мир хирург и одновременно архиепископ Войно-Ясенецкий. Два его сына учились в той же школе № 9 им. Ленина по ул. Тараса Шевченко, где и я. Директор – Лоншаков. Школа великолепная во всех отношениях, порядок – идеальный; только были старшие классы.

Архитектор Галина Николаевна Успенская (1943–2006) родилась в Ташкенте. В 1975 г. уехала в Россию, но всегда тепло вспоминала свой родной город. Устные рассказы о нем, звучавшие, когда собирались с друзьями за чашкой чая, она оформила в виде мемуарного дневника, который позднее ее сын Антон издал под названием «Ташкент – прекрасная эпоха» (СПб., 2008). И хотя в общем отношении автора к доктору Войно-Ясенецкому перекликается с мнениями других рассказчиков, отдельные детали описания его жизни в Ташкенте содержат долю вымысла.

Я вот недавно прочитала чьи-то воспоминания про Москву. Там был такой хороший врач, он ходил-ходил, лечил-лечил. А когда ему дали гонорар, он открыл конверт и пересчитал деньги. И очень удивились люди, что он так спокойно берет деньги и еще что-то считает. А он отложил энное количество купюр себе и сказал: «Мне этого достаточно». Автор воспоминаний считает, что это – невероятно прекрасный врач, и вообще, такой весь из себя – бескорыстный. А здесь (в Ташкенте. – Л.Ж.) было не так, здесь никаких денег вообще никогда не брали, даже когда с голоду

* 10-й класс Алексей закончил в школе первой и второй ступеней им. Песталоцци (ул. Пушкина, 3).

умирали. Наоборот, эти деньги давали тем же детям, если денег не было, давали какие-нибудь там продукты. Например, Войно-Ясенецкий – основатель гнойной хирургии – в Ташкенте был епископом и еще преподавал на факультете медицинском, на кафедре хирургии. Моя бабушка у него факультет повышения квалификации проходила. Иногда он так не успевал, что приходил на лекции со службы прямо в сутане. И вот, бабушка мне показывала переулок Ногина (в районе ул. Жуковского. – Л.Ж.), где он жил когда-то. У Войно-Ясенецкого на калитке осталась табличка, металлическая, еще с «ятами» и «ерями». Там были часы приема, потому что он действительно очень редко бывал дома, занят был. Часы приема очень поздние, что-то с 6-ти или с 8-ми вечера. При этом черточка стоит, а до скольких – не написано, и это действительно так, к нему можно было прийти когда угодно. Было написано: для дворян – сумма такая-то, потом – для чиновников, а потом написано «для бедных людей бесплатно». И при этом, если ты чиновник, совсем не обязательно, что с тебя возьмут деньги, – ты можешь быть бедным чиновником. То есть если ты хочешь – ты платишь, а не хочешь – с тебя никто никогда ничего не возьмет. Это так и было. Потом его сослали в Сибирь, потом в Тамбов, а потом он оказался в Симферополе, в Крыму. Я знаю, уже по последующей литературе, новоизданной, что на месте, где его похоронили, рядом с его могилой какой-то источник забил. Он сейчас святым считается, к нему все ходят. А тогда Войно-Ясенецкий считался невероятным хирургом. Помню, что уже в Рязани я встретила одну бабушку, которой в Ташкенте он вырезал катаракту. Она до сих пор его вспоминает и вообще молится на него, потому что – совершенно золотые руки, действительно».

Известно, что близкое окружение любого человека в какой-то мере отражает черты его самого. В августе 1937 г. подсудимый В.Ф. Войно-Ясенецкий на очередном допросе на вопрос следователя: «Кто у вас из близких знакомых в гор. Ташкенте из нецерковников?» – после профессоров медицины С.Г. Борджима и М.А. Захарченко третьим назвал инженера Александра Львовича Цитовича. «Знаком с ним с 1921 г. по его жене – дочери бывшего священника Богородицкого^{*}. Я являюсь крестным отцом его сына.

Цитович несколько раз заходил ко мне на квартиру по вопросу строительства моего дома в качестве консультанта, несколько раз заходил ко мне с просьбой оказать помощь своим знакомым-больным и с этой целью присылал мне свою легковую машину. Один раз, летом 1934 г., я заходил к Цитовичу на квартиру»⁵.

А.Л. Цитович – обрусевший белорус, атеист, в качестве городского архитектора принимал участие в проектировании Театра драмы (ныне в этом здании расположен Узбекский драматический театр им. Абнора Хидоятова), первого памятника Ленину в Старом городе, позднее – в проектировании Ташкентского телеграфа (ул. Навои). Он также выполнял обязанности главного инженера строительства театра им. Навои. Двое его сыновей, Петр и Николай, стали специалистами в области точных наук, третий, Павел, – заслуженным врачом республики.

Младший сын А.Л. Цитовича – Николай Александрович (1915–2003), бывший старший преподаватель Текстильного института, вспоминал святителя Луку с большим благоговением:

^{*} Священник Петр Богородицкий (ум. в 1918 г.) являлся настоятелем Спасо-Преображенского собора с 1893 по 1918 гг. По духовным и моральным качествам он был очень близок к Войно-Ясенецкому. Это был старейший местный священник, «редкой честности и бескорыстия человек», жизнь которого могла бы послужить примером для многих служителей церкви. «Покойный оставил большую семью без всяких средств, что редко можно видеть среди духовенства», – писала в некрологе о нем «Наша газета» от 23 июня 1918 г. Протоиерей Петр принимал участие в написании Памятной записки (завещания) великого князя Н.К. Романова. Товарищеские и деловые отношения связывали Войно-Ясенецкого и с младшим братом протоиерея Петра Богородицкого – отцом Константином (ум. в 1922 г.), занявшим после его смерти место настоятеля городской приходской церкви. Они оба являлись членами созданной в 1918 г. Епархиальной комиссии, в состав которой входил и Войно-Ясенецкий.

Когда отец Лука по окончании службы выходил из храма Сергия Радонежского, его сопровождала такая большая толпа, как на демонстрации. Да, великий человек был. Он имел особенный голос, ни с чем не сравнимый. Мечтал построить больницу на 5-6 коек и просил отца сделать ее проект. Валентин Феликсович приходил к нам изредка в гости. У меня на тот период болели легкие, и он посоветовал родителям отвезти меня в Семиречье. В то время мы жили в угловом особняке на пересечении улиц Жуковского и Советской (дом 22)*. Дом не сохранился. Святитель Лука приезжал в наш город в 1946-47 гг. Тогда он в последний раз побывал и на Боткинском кладбище, где отдал дань памяти могиле жены Анны. В обратный путь на ташкентский вокзал владыку провожал его крестник – мой средний брат Петр (1920–1997). Его крестили в 1922 г., уже после смерти моего деда.

Вот что поведала нам в свое время академик АН Республики Узбекистан, доктор искусствоведения Г.А. Пугаченкова (1915–2007)**:

«О Войно-Ясенецком я слышала в 30-х годах как о странном по тем временам сочетании врача и священнослужителя. Для меня, убежденной атеистки, это казалось несовместимым. Тем более что в Ташкенте были свежи воспоминания о событиях 30-х годов, связанных с другим врачом – Михайловским. Но одну деталь о Войно-Ясенецком я узнала от археолога Всеволода Даниловича Жукова (1902–1962), старший брат которого, Сергей, был женат на его дочери.

Однажды, будучи в служебной командировке в Бухаре, В.Д. Жуков пил воду из тамошних крайне антисанитарных, полных заразной нечисти водоемов-хаузов и заболел очень тяжелой формой амебной дизентерии. Врачи в Ташкенте посадили его на строжайшую диету. Исключены были почти все продукты, и он едва не умер не столько от болезни, сколько от голода. Узнав об этом, Войно-Ясенецкий распорядился: «Нужно есть!» – и предложил, к ужасу своих коллег-терапевтов, съесть побольше тертых сырых помидоров и еще чего-то из живой растительности. И вернул человека к жизни. Он был хирургом, владел широкими познаниями в области медицины и природы. На этой широте позиций в значительной мере была основана и его книга о гнойной хирургии военных лет, удостоенная Сталинской премии».

А вот рассказ учительницы Анастасии Васильевны Ступаковой (1918–2008):

Войно-Ясенецкого знаю как врача. Бабушка очень меня любила и водила по врачам, так как я была очень худенькой. Кто-то ей посоветовал обратиться к Войно-Ясенецкому. Мы пошли к нему на квартиру, которая располагалась в районе Уездной улицы. Мне тогда было лет 9-10, но я очень хорошо запомнила этот визит к врачу, так как впервые меня осматривали так внимательно (прослушал сердце и легкие, осматривал горло, руки и ноги и т.д.). Наконец, врач сказал бабушке: «Этой бояться нечего. Эта долго проживет». Таким образом, оценка состояния моего организма оказалась очень верной. И вот я дожила до 86 лет, и умирать не собираюсь. Обслуживаю полностью себя и еще помогаю сыновьям и снохе.

В таком же детском возрасте, что и Ступакова, единственный раз видела святителя Луку Татьяну Ивановна Орлова (1929–2012), дочь известного хирурга, профессора И.И. Орлова (1888–1952). Встреча произошла около гастронома, расположенного на ул. Асакинской (семья Орловых в тот период проживала на ул. Маяковского). Девочка обратила внимание на высокого, крупного телосложения мужчину в черной рясе, почувствовав его пронзительный взгляд. Только позже она поняла, кто это был. Епископ Лука возвращался тогда домой после службы из Сергиевской церкви.

Младшего сына Войно-Ясенецкого Татьяну встречала на киргизском курорте Иссык-Куль (Арасан), знаменитом своими горячими источниками. Летом 1938 года она с

* Особняк зодчего, по словам старожилов – «шикарный», ташкентцы называли «домом Цитовича».

** Позднее свой рассказ Галина Анатольевна изложила в письменной форме (находится в личном архиве автора).

отцом отдыхала в этой санатории. Жили с Валентином в одном одноэтажном корпусе. Молодой врач временно подрабатывал здесь консультантом и часто в вечернее время приходил к ним в номер.

Т.И. Орлова вспомнила также, что на одном с ней курсе лечебного факультета ТашМИ училась Ирина Погасян, отец которой был женат на дочери Войно-Ясенецкого.

Чуть позднее Татьяна Ивановна к своему рассказу добавила:

Войно-Ясенецкий был очень добрым и отзывчивым человеком. У моей знакомой телеграфистки дочь (Пушкаревич Лида) с детства страдала от болезни почек. Ее мать многократно по этому поводу консультировалась у хирурга. Не раз писала ему по этой причине и в Симферополь. И он всегда отвечал на ее письма и давал дельные советы.

Особую историю нам рассказала гинеколог Эльвира Георгиевна Газарьянц (Погасян, 1928 г.р. Запись 2010 г.):

Я приехала в Ташкент из Ашхабада через 10 дней после катастрофического землетрясения (1948 г.). Мы потеряли близких людей, в том числе и мою маму. Сразу перевелась на 3-й курс ТашМИ. Месяцев через семь приехал папа – Гурген Аркадьевич Погасян (1899–1982). Сестра поселилась у бабушки (матери мамы), а я с отцом – в доме № 50 (позднее № 54), расположенном на углу улиц Свердлова и Ульяновской. Особняк имел три комнаты и два входа, т.е. был рассчитан на две семьи. Мы сняли пристроенное небольшое помещение. Хозяйкой домовладения являлась Е.В. Жукова, дочь известного хирурга Войно-Ясенецкого – архиепископа Луки.

Елена Валентиновна жила вместе с дочерью Анной (1926 г.р.) и четырехлетней внучкой Ириной. Бывший муж Ани находился тогда в тюрьме. Забегая вперед, сообщу такой факт: когда я работала в 6-м роддоме, то вела последние роды у Ирины, принимала праправнучку Войно-Ясенецкого.

Аня, достаточно властная по характеру, училась на филологическом факультете САГУ. Вышла вторично замуж за симпатичного парня Федю Панкратьева*, тоже филолога, и родила от него в 1953 г. дочь Катю. Оба сначала учились, а потом работали в университете и жили в доме на ул. Свердлова. К сожалению, через несколько лет они расстались. В начале 70-х Анна Сергеевна с семьей уехала в г. Иваново. Недавно я узнала, что Ирина вскоре вернулась в Узбекистан, а ее младшая сестра Е.Ф. Миронова (Панкратьева) с семьей до сих пор живет в этом городе.

Елена Валентиновна была женщиной крупной, полной, курносой и черноглазой, как будто одно лицо с отцом (на фотографиях в молодости она на него не похожа). Делала короткую стрижку и завивку. Несмотря на то, что ей всего было чуть более 40 лет, волосы шатеневого цвета уже заметно поседели. Курила. Не один раз признавалась, что ей и ее братьям стало легче жить только тогда, когда Сталин в одном из своих публичных выступлений (на совещании передовых комбайнеров 1 декабря 1935 г. – Л.Ж.) сказал: «Сын за отца не отвечает».

Работала санитарным врачом в Кировском районном отделении Ташздравоохранения. Характер у нее был очень хороший, отходчивый. Умела вкусно готовить и празднично принимать гостей. В довоенный период при первом муже ей приходилось часто устраивать приемы высоких лиц. В доме имелось много красивой посуды, особенной, китайского производства. По рассказам, ее прежний супруг ушел из жизни где-то за три года до ее встречи с моим отцом. Подвергался репрессиям. И тогда, видимо, и подорвал здоровье. Она сильно переживала его смерть.

Через некоторое время папа и Елена Валентиновна стали жить в гражданском браке, но официально зарегистрировались только после того, как исполнился год со дня смерти моей мамы. До знакомства с отцом материальное положение ее семьи было довольно тяжелое, но потом стало по-

* Ф.Б. Панкратьев – участник Великой Отечественной войны (был награжден медалью «За оборону Ленинграда»), кандидат филологических наук, в конце 1950-х годов – парторг филологического факультета САГУ. Встречался с архиепископом Лукой в Симферополе в начале 50-х годов. В 2005–2006 гг. из Ташкента переехал с семьей в Санкт-Петербург, где вскоре умер. Сведения М.А. Поповского о том, что Ф.Б. Панкратьев имел степень кандидата педагогических наук и являлся парторгом САГУ, ошибочны (см.: *Поповский М.А. Указ. соч.*, с. 18).

степенно налаживаться. Папа работал главным бухгалтером Треста вагонов-ресторанов.

В этом доме я прожила недолго. Однажды я обиделась на мачеху и ушла к бабушке. Дело в том, что я была молодая, училась, времени оставалось на обслуживание в быту только на себя. Как-то по этому поводу я и услышала нелестное высказывание в мой адрес со стороны Елены Валентиновны. Но вскоре, весной 1952 г., уже на пятом курсе, я пришла к ним со своим женихом, и мы помирились. В 1953 г. родила Сережу, а через четыре года – дочь Элеонору. И, как прежде, меня и моих детей всегда опекали родители.

В конце 1949 г. родители ездили в Симферополь. Валентин Феликсович благословил их и взял слово, что новобрачные обвенчаются в Ташкенте.

Хорошо помню, как однажды, когда мы пили чай, принесли телеграмму из Крыма: «ТЯЖЕЛО ОБИЖАЮСЬ НЕВЫПОЛНЕНИЕМ ОБЕЩАНИЯ. ПАПА». Елена Валентиновна только улыбнулась, но ничего не сказала. Как-то раз дома мы увидели торжественно накрытый стол. Через час-полтора пришли счастливые родители. Выяснилось, что они только что обвенчались в кладбищенском храме.

Елена Валентиновна была человеком неверующим, но в одной из комнат ее дома была большая неполированная деревянная икона с изображением лика Иисуса Христа, очень красивая. Говорили, что она раньше висела в операционной. <...> По моим впечатлениям, они все были неверующими.

В комодке хранились проповеди архиепископа Луки. Некоторые из них я читала, но мало чего понимала. Крепко запомнилась неприглядная картина, как по всему двору валялись страницы его книги (диссертации) «Регионарная анестезия» и проповеди. Я еще тогда подумала: «Почему они разбросаны?».

Через несколько лет совместной жизни родители начали строиться на Огородной улице (в районе 15-й городской больницы). Тогда Елена Валентиновна почти все время жила на съемной квартире и присматривала за ходом строительства дома. Завела знакомство с рабочими и соседями, которые частенько устраивали посиделки.

Сохранилась любительская фотография, сделанная в Чимгане в 1954 г. На снимке запечатлены Елена Валентиновна, мой отец и свекор Иосиф Седракович Газарьянц, занимавший должность заместителя министра легкой промышленности, а позже заместителя министра водного хозяйства.

Няню Софию Велецкую, которая жила в семье Валентина в Одессе, в доме с любовью называли бабой Соней. Братьев Елены я не видела, но была невольным свидетелем одной грани личной жизни физиолога Алексея.

В Ташкенте жила его бывшая невеста, очень симпатичная. Девушка любила его, но предпочла выйти замуж за состоятельного инженера. У них родились две дочери, но полного счастья в семье не было. Свои отношения с Алексеем женщина не прерывала и передавала иногда ему письма через его сестру. Прибегала к нам в дорогой шубке. Она встречалась с ним во время летнего отдыха. Позже сначала ее девочки, а потом и она сама переехала к Алексею в Ленинград, но вскоре умерла от неизлечимой болезни.

В семейном альбоме имелась фотография, на которой были засняты Алексей с этой женщиной после замужества. Михаил с семьей в те далекие годы проживал в г. Львове.

В 1958 г. родители разошлись, крупно поссорившись на Новый год. Через час после торжественного боя часов Елена Валентиновна ушла к соседям, а папе это очень не понравилось. Он и инициировал развод. Месяца через два я навестила Елену Валентиновну. Она сильно переживала разрыв с отцом и много плакала. Высказывалась в его адрес весьма эмоционально. У меня хранится ее письмо очень личного содержания. Немало упреков в течение месяца по телефону папа выслушал и со стороны Ирины. Позже дом на Огородной продали. Но еще раньше был продан особняк на ул. Свердлова, 50, и куплен поменьше – на соседней Ульяновской, в котором поселилась семья Ани. Е.В. Жукова (именно так она тогда представлялась) переехала к ней и, можно сказать, надломилась.

В этом доме я была с сыном. Дело в том, что в одном дворе с Жуковыми жила его учительница по математике. Однажды мы решили навестить Елену. Она очень разволновалась, накрыла стол. Раньше к ней на дни рождения приходили подруги, но после одного инцидента с пропажей торта она перестала принимать гостей. Была очень одинокой и замкнутой. Отец вернулся в Ашхабад, где женился в третий раз.

Присутствовала на отпевании Елены Валентиновны (19 декабря 1972 г. – Л.Ж.). Отпевал покойницу в церкви Александра Невского на Боткинском кладбище сам владыка*. О ее смерти мне сообщила Ирина. Помнится, Ани на похоронах не было. Похоронили рядом с матерью и первой внучкой Войно-Ясенецкого – Натальей (дочерью Е.В. – Л.Ж.), умершей от менингита.

Елена Валентиновна осталась в памяти моей семьи добрым человеком.

Лет десять тому назад как-то с маленькими внуками я ходила в ТашМИ. Центральную аллею его территории украшали портреты ученых – основателей медицинского института. Среди них был и портрет Войно-Ясенецкого. Помню, дети тогда еще весело кричали: «Бабуля, бабуля, смотри, это твой дедушка!».

Из беседы священника Сергея Николаева с одним из его прихожан (запись 2003 г., текст воспоминаний нам любезно передал Р.В. Дорофеев):

Многие знали, что раны и болезни, связанные с нагноением, лучше всех излечит Владыка Лука (еще его называли профессор Войно-Ясенецкий). Жила в Ташкенте одна семья, перенесшая всю тяжесть репрессий, ссылок и волею Божией попавшая в Ташкент. Муж занимался малярной работой, а жена трудилась по домашнему хозяйству. В начале 1937 г. у них тяжело заболел сынишка: в ручку попала инфекция и поразила надкостную ткань. Пошло сильное нагноение надкостницы, грозившее гангреной.

Бедная мать обратилась в Ташкентский медицинский институт за помощью. По совету одного человека ей удалось с сынишкой попасть на прием к владыке. Он осмотрел мальчика очень внимательно, отвел женщину в сторону и сказал: «Необходима ампутация». «Нет, – воскликнула женщина. – Пусть лучше умрет, чем будет калекой на всю жизнь». Владыка, удивляясь твердости молодой матери, удалился в операционную, где у него висела икона, и долго молился. Затем, выйдя, сказал: «Готовьте мальчика к операции», – и удалился для приготовления всего необходимого для ее совершения.

Операция длилась часов 8-9. Вся рука и спинка мальчика покрылись множеством операционных швов. [Позже] сильно утомленный Владыка сказал, что было очень тяжело, нагноение распространилось до спины. Появилась опасность полного поражения организма.

Мальчик стал поправляться. Владыка полюбил его и даже брал с собой на утренние обходы больных. «Ну что, трудно жить на свете?» – спросил [однажды] Владыка. «Трудно», – отвечал спасенный ребенок.

И.Б. Вороновская, экономист-бухгалтер (1950 г. р.):

Моя тетя, Вороновская (Эслер) Екатерина Яковлевна, родилась в городе Ташкенте 25 декабря 1912 г. в семье кондитера Эслера. У него было двое детей – Соня и Катя. В году 1919-м старшая дочь умерла от дифтерии, а года через два заболела и Катя. И вот тогда-то ночью ее привезли в больницу на ул. Жуковского. Высокий дежурный врач, а им оказался доктор Войно-Ясенецкий, который, как говаривала тетя Катя, спас ей жизнь, – сделал бронхоэктомию: в горле, где находится ямка, сделал разрез, который остался у нее на всю жизнь. Успокаивая ее, доктор говорил: «Не бойся, деточка, скоро будешь бегать, а когда вырастешь – станешь доктором». И это оказалось пророческим. Наша тетя Катя поступила в ТашМИ, который закончила в 1945 г., и была распределена в 1-ю инфекционную больницу на Тахтапуле, где проработала до своего ухода на пенсию в 1992 г., пройдя путь от простого врача до заведующей лабораторией.

Наш современник Георгий Александрович Боряев (инженер, 1934 г.р.) называет владыку своим «крестным отцом»: в 1936 г. тот спас ему жизнь. Из личной беседы в декабре 2003 г.:

* В этот период правящим архиереем Ташкентской и Среднеазиатской епархии был преосвященный Варфоломей (Гондаровский, 1972–1987).

Я лежал с матерью в ТашМИ в связи с крупозным воспалением легких. Состояние моего здоровья было критическим. На счастье, в это время в клинике мать встретила Войно-Ясенецкого. Она обратилась к нему с просьбой о помощи. Войно-Ясенецкий прочитал молитву, дал какое-то лекарство, и я выздоровел. Моя мама была женщиной набожной, хорошей портнихой. Иногда с просьбой что-то пошить к ней обращался и Валентин Феликсович. Мы тогда жили совсем рядом. В послевоенный период Владыка приезжал в Ташкент только один раз. Он приходил в наш дом. Это было в 1947 г., незадолго до отмены продовольственных карточек.

Оперная певица Государственного академического театра оперы и балета имени Алишера Навои Ираида Федоровна Чернева (1922–2005):

Как сейчас помню один из эпизодов. Однажды папа и Владыка встретились на нашей улице. Отец поднял меня, и я засунула руку в большой растопыренный карман рясы крестного и вытащила тоненькие печенки, скорее всего – просвиры. Этот человек очень дорог мне многократно. Он спас жизнь моему папе: сделал ему трепанацию черепа. Оперировал и моего мужа.

Нина Александровна Семизвонкина (1938 г.р., запись 2010 г.), доцент Государственной консерватории Узбекистана:

Ирина Жукова с семьей поселилась в нашем доме (Северо-Восток-2, ул. Мирзо Улугбека, д. 120, кв. 34) в начале 1980-х годов, обменяв свою квартиру в г. Иваново на Ташкент. Муж Ирины (Александров) умер рано. Волевая и настырная, детей поднимала одна. Была скрытной. Работала наркологом, в последние годы – на скорой помощи. Алексей стал специалистом по компьютерам. Дочь Мария окончила Ташкентский педагогический институт. С мужем развелась, воспитывает сына.

Ирина очень гордилась, что она – правнучка Святого, показывала нам альбом с фотографиями своих предков.

В конце 90-х они выехали в Бельгию.

Одна из старейших жительниц Ташкента С.Д. Хачиева, врач-оториноларинголог, училась с Еленой Жуковой на одном курсе лечебного факультета ТашМИ (выпуск 1935–1940 гг.) и жила по соседству (ул. Ульяновская, 18):

Два-три раза видела Владыку в его доме по ул. Воровского, куда меня приглашала Елена. Помнится, я тогда даже не подозревала, что моя сокурсница была замужем. Потом она куда-то пропала. Слышала, что вышла замуж за армянина. Позднее Елена снова вернулась жить на нашу улицу. Однажды она проходила мимо моего дома, была удрученной и сделала вид, что меня не видит. К сожалению, жизненный путь ее не был прямым и гладким.

Ее дочь Ирина зарекомендовала себя хорошим специалистом в области психиатрии. Видимо, наследственные гены предопределили профессию большинства наследников Войно-Ясенецкого.

К 1937 г. относится знакомство в Ташкенте архимандрита Гурия (Егорова), в будущем епископа Ташкентского и Среднеазиатского (1946–1953), со святителем Лукой. Вот как описывает их первую встречу митрополит Иоанн (Вендланд):

Отец Гурий заболел крупозным воспалением легких. Моя сестра Елизавета Николаевна, не надеясь на свои силы, решила обратиться к архиепископу Луке (он был профессором хирургии, но славился и как терапевт). Она без труда нашла его и привезла к отцу Гурию.

Первое, на что обратил внимание архиепископ Лука, был образ Спасителя в терновом венце кисти В. Васнецова, который друзья подарили отцу Гурию еще в 1915 г. при его по-

стриге. Владыка Лука (сам художник) остановился на пороге комнаты, с восторгом глядя на икону. «Это лучшее изображение Спасителя, которое я когда-либо видел», – наконец произнес он.

Затем архиепископ осмотрел больного. «Вы скоро оправитесь», – сказал он. Отец Гурий возразил, сказав, что «монаху надо думать о смерти, а не о выздоровлении». «О чем думать монаху, Вам лучше знать, – властно сказал архиепископ, – но я, как врач, говорю Вам, что поправитесь и притом скоро». И действительно, отец Гурий стал быстро выздоравливать⁶.

О непростом характере Войно-Ясенецкого ходили легенды. Он не был из тех, кто меняет свои принципы и убеждения. Его отношение к поступкам коллег можно было мгновенно прочесть по выражению его глаз. Подчас он мог смотреть на своего собеседника или оппонента «неумолимыми, холодными, как сталь, глазами»⁷.

Все информанты отмечали его энергию, духовность и невероятную цельность личности. После нескольких тяжелых ссылок он не сломался, более того, нашел силы активно включиться в практическую медицинскую деятельность, научную работу, пастырское служение Богу, и все это – на благо своего Отечества.

Он добросовестно лечил всех больных независимо от того, какую ступень общественной лестницы они занимают, от партийного работника высшего ранга до тюремного жулика.

Как вспоминали коллеги и близкие знакомые Войно-Ясенецкого, Владыка никогда не жил сытно. Он никогда не смеялся, но умел «мило улыбаться». Для священнослужителя, на наш взгляд, это единственно верное, естественное состояние. Его авторитет был непререкаем.

Валентин Феликсович всю жизнь ратовал за бедных, за право получать необходимую бесплатную медицинскую помощь каждому, кто в ней нуждается.

О скромности священника – доктора медицины, его стремлении сосредоточиться только на главном говорит следующий факт: в списке абонентов Ташкентской телефонной сети за 1922–1923 гг. его имя – имя первоклассного специалиста – не значится, в то же время фамилии большинства крупных медицинских работников в городском справочнике можно найти⁸. Правда, отсутствие собственного телефона в его квартире в какой-то мере можно объяснить тем, что он жил на территории больницы и мог при острой необходимости воспользоваться служебным.

Владыка обладал обаянием, отличался необыкновенной добротой. В душе каждого, кто общался с ним или знакомился с его научными и философскими трудами, что-то изменялось к лучшему.

Говорят, недостатки – продолжение достоинств человека.

Как отмечал первый биограф архиепископа Луки митрополит Куйбышевский Мануил (Лемешевский, 1884–1965), автор «Каталога русских архиереев за последние 60 лет (1897–1957 гг.)», о его характере высказывались самые разноречивые отзывы: спокойствие, скромность*, доброта – и высокомерие, неуравновешенность, самолюбие.

* Другим ярким примером скромности святителя в самые трудные для страны годы может служить следующий эпизод. В 1942–1943 гг. Войно-Ясенецкий работал консультантом-хирургом Красноярского эвакогоспиталя № 1515. Однажды к нему пришла заведующая краевым отделом здравоохранения. Она решила поинтересоваться: «Валентин Феликсович, а в чем вы нуждаетесь? Чем мы вам могли бы помочь материально?». Он медленно посмотрел на нее, внимательно посмотрел на себя, особенно на свои ноги, и сказал: «Ничего не нужно. У меня все есть». Потом приподнял немножко брюки и заметил: «Вот если бы вы мне шнурки для ботинок дали – это было бы очень хорошо». (Фильм «Святые». Телеканал ТВ-3).

Возможно, что громадный авторитет в области хирургии, привычка к безусловному повиновению окружающих, особенно во время операций, создали у него нетерпимость к чужим мнениям. Это был человек с неизбежными недостатками, но в то же время стойкий, гибкий и глубоко верующий⁹.

Надо сказать, что неординарными врачами-бессребренниками, честно служившими науке милосердия, были и его коллеги – врачи А.П. Березский, П.Ф. Боровский, А.Д. Греков, Л.В. Ошанин и другие.

В 1996 г. Нина Арташесовна Аведова (1924–2005), кандидат искусствоведения, вспоминала:

Что связывало моего отца Арташеса Аведова (1897–1957), иранского подданного, с С.Д. Жуковым-Войно, вспомнить уже не могу. У нашей семьи в Кибрае (в окрестностях Ташкента) на тот период имелся большой сад. За ним ухаживали наемные рабочие. Отец служил посезонно садовником в Иранском консульстве в Ашхабаде. Между прочим, сохранилась фотография, на которой он запечатлен с иранским консулом, а также купчая (1904) на сад и другие документы, связанные с деятельностью деда и отца. Владение значительным участком земли на тот период создавало семье проблемы с местной властью. Видимо, на этой почве отец и сблизился с юристом Жуковым, зятем Войно-Ясенецкого.

Сергей Данилович с женой Еленой тогда жили в доме его матери (на ул. Свердлова). Мама мне и моему брату Ване всегда говорила, когда мы шли в гости к Войно-Жуковым: «Если Владыка выйдет навстречу, подойдите и поцелуйте ему руку». Его считали святым.

Папу арестовали 3 февраля 1938 г. и поместили в областную тюрьму. Позднее нам стало известно, что он сидит в одной камере с Войно-Ясенецким. Вот каким образом мы узнали об этом... Однажды, получив его одежду для стирки, мы обнаружили панталоны с вышитыми инициалами «В.Я.».

На следующий день после ареста отца арестовали и маму (Сатенику). В следственной тюрьме (ныне на этом месте находится здание трикотажной фабрики «Юлдуз»), она познакомилась с молодой женщиной Симой, женой знатного афганца Раима Мухаммеда, бежавшего в 1929 г. из провинции Мазари-Шариф в СССР и осевшего в Ташкенте. Через год женщин освободили, но они продолжали общаться, тем более что нужно было носить передачи своим мужьям по одному адресу.

Экс-губернатор Северной провинции Раим Мухаммеда в течение двух лет был соседом епископа Войно-Ясенецкого по нарам и не один вечер вел с православным священником мирные диалоги на богословские темы. Этот эпизод в необыкновенной судьбе афганского принца подробно описан журналистом М. Поповским.

Нам удалось выяснить некоторые подробности ташкентской поры жизни семьи Раима Мухаммеда.

Парадоксально, но после семилетнего тюремного заключения пришедшему афганцу сразу доверили, как носителю афганского и персидского языков, преподавание на восточном факультете САГУ. Один из его учеников, академик А.П. Каюмов, вспоминал о высокой образованности, воспитанности и доброте своего учителя. На сборе хлопка «афганский принц» трудился наравне со всеми, считал себя «гражданином Союза». В начале 50-х годов семья Раимджона Умарова (Раима Мухаммеда) переехала в Москву.

Видимо, Арташеса Аведова и Сергея Жукова-Войно сближало то, что они одно время вместе работали в персидском консульстве. Тогда, вероятно, Сергей Данилович и познакомил своего тестя с консулом Керимханом, который в 1928 г. предлагал ему выехать в Тегеран. Об этом приглашении Войно-Ясенецкий напомним в письме, адресованном посольству СССР в Иране¹⁰.

Кстати, в «Правде Востока» от 1 марта 1931 г. помещено объявление о том, что «г. ЖУКОВ-ВОИНО юрист-консульт персидского консульства не состоит с 22 января с.г.». Можно только догадываться, по какой причине, но ему вскоре пришлось оставить и следующую работу. В той же газете от 20 декабря 1931 г. было опубликовано объявление о его очередной отставке: «Генеральное консульство Китайской республики в Ташкенте объявляет, что юрист-консульт С.Д. Жуков-Войно с 1 декабря на службе в консульстве не состоит».

Предположительная причина его освобождения от должности – реакция властей на очередную высылку его именитого тестя на Север. Позднее Сергей Данилович занимал должность юриста Наркомпроса¹¹. В конце 30-х годов он окажется в областной тюрьме, где находился и Войно-Ясенецкий¹².

Жуков-Войно был ревностным христианином и, бесспорно, мужественным человеком. Во времена, когда немало советских граждан при возможности меняли свои фамилии на «незаметные», он решился носить такую звучную фамилию.

Верующим был и его брат Всеволод Данилович. Автор этих строк в 1962 г. присутствовала на его отпевании на Боткинском кладбище при большом для того времени стечении народа – близких, друзей, коллег и студентов кафедры археологии Средней Азии ТашГУ. Реально предположить, что на похоронах своего деверя присутствовала и Елена Валентиновна Жукова-Войно.

Примечания

¹ Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – СПб: Сатисъ Держава, 2005.

² Греков А.Д. 50 лет врача в Средней Азии. Рукопись, 1949. – С. 145-146.

³ См.: Правда Востока, 10 июля 1936 г. В сборнике документов «Крестный путь Святителя Луки: подлинные документы из архивов КГБ», подготовленном В.А. Лисичкиным, даты публикации этих статей приводятся по неизвестному источнику.

⁴ Музей здравоохранения Узбекистана. Архив. Папка 118. Э.У. Макхамов. Рукопись, 1986.

⁵ Лисичкин В.А. Крестный путь Святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. – М.: Троицкое слово: Феникс, 2001. – С. 268.

⁶ Митрополит Иоанн (Вендланд). Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. Ярославль, ДИА-Пресс, 1999. – С. 119-120. В приведенных воспоминаниях имеется неточность: в 1937 г. Войно-Ясенецкий имел сан епископа.

⁷ Ошанин Л.В. К истории медицинской общественности в Ташкенте. – ЦГА РУз, ф. Р-2467, оп. 1, д. 19, л. 11.

⁸ Весь Ташкент. 1923. Краткая адресная книга. – Ташкент, 1923.

⁹ Архиепископ Лука – Войно-Ясенецкий. 1877–1961. Доктор медицинских наук, профессор хирургии. Краткая биография. – М., 1979. – С. 75.

¹⁰ См.: Лисичкин В.А. Указ. соч. – С. 402.

¹¹ См. там же. – С. 261.

¹² См. там же. – С. 394.

Владимир ЛИЗУНОВ

Наука и религия у святителя Луки (Войно-Ясенецкого)

Мир творится разнообразием, движется противоречиями и обретает единство в культуре... В настоящее время проблема взаимодействия науки, религии и искусства (как различных форм общественного сознания, имеющих различные методы постижения действительности) является для человечества, находящегося в состоянии системного кризиса и «расколотого сознания», одной из важнейших. Только совместно они смогут сформировать единую непротиворечивую картину мира, осознать современное состояние и определить пути развития человечества.

В этой связи чрезвычайно актуальной является книга «Наука и религия» святителя Луки (Войно-Ясенецкого)*. В ней он пишет о необходимости найти гармонию между наукой и религией – двумя потребностями человеческого духа. Эта гармония составляет норму, к которой должен стремиться человек. Наука – система достигнутых знаний о наблюдаемых явлениях действительности. Это знания о явлениях, о том, что явно для наших пяти органов чувств (и нашей пятимерной логики), в том числе – вооруженных техническими средствами (микроскопами, телескопами и т.д.). Но *знание больше, чем наука*. Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми наука не располагает. Это, прежде всего, *интуиция* – непосредственное чу-

* Святитель Лука – архиепископ Симферопольский и Крымский (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – родился в Керчи 27 апреля 1877 г. Окончив гимназию, он решил посвятить себя тому, что может облегчить страдания людей, – медицине. После окончания университета занимался практикой и теоретическими исследованиями в области медицины. В 1920-х годах работал хирургом в Ташкенте, активно участвовал в церковной жизни, в заседаниях церковного братства. После трехлетнего служения в сане иерея отец Валентин принял монашеский постриг с именем святого апостола, евангелиста и врача Луки. 31 мая 1923 г. иеромонах Лука по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона был тайно рукоположен во епископа. С того времени начался его крестный исповеднический путь. Многочисленные аресты, пытки и ссылки не сломили его в исполнении архиерейского долга и врачебного служения людям. Как выдающийся хирург он сделал ряд значительных открытий, а его знаменитые «Очерки гнойной хирургии», вышедшие в 1944 г., до сих пор являются настольной книгой и учебником для хирургов. Скончался Святитель Лука 11 июня 1961 г., в День Всех святых, в земле Российской просиявших. Определением Синода Украинской Православной Церкви (Московская Патриархия) от 22 ноября 1995 г. он причислен к лику местночтимых святых. 18 марта 1996 г. состоялось обретение его нетленных мощей, а 24-25 мая 1996 г. – торжество прославления Святителя. В августе 2000 года Юбилейный Архиерейский Собор РПЦ прославил Святителя Луку в сонме новомучеников и исповедников Российских XX века. (См.: Краткое житие святителя Луки, исповедника, архиепископа Симферопольского и Крымского // *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. – М.: Образ, 2007. – С. 3-9.)

тье истины, которое угадывает, прозревает ее, предвидит то, что не достигается научным способом познания¹.

Интуицией мы живем гораздо больше, чем предполагаем. Она ведет нас в другую, высшую область духа – то есть в религию. Религия, широко говоря, есть отношение к Абсолютному, к Тому, Кого мы называем Богом. Это отношение есть у всякого – даже атеиста, – поэтому говорят, что у всякого есть *своя религия*.

Молитва – это непосредственное и специфическое, очень сложное переживание, дающее общение с Богом. Молитва, как мистическое устремление, как полет духа, как вера и чувство, не может становиться рядом с научным методом. Между религией в этом смысле и наукой может быть столько же противоречий, сколько их между *математикой и музыкой* или между *математикой и любовью*².

Сравнивая утверждения религии и науки о действительности, можно показать их непротиворечивость и дополнительность этих знаний и суждений по отношению друг к другу, поскольку положения религии касаются *сущностей*, которые лежат вне компетенции науки, а науке доступны лишь *явления*. Полузнание – бич нашего времени: оно-то и создает предубеждение, что наука противоречит религии. Мы мало знаем философию, в особенности – теорию познания, или гносеологию, и забываем выясненные Кантом положения, что теоретический разум одинаково бессилён и доказать, и опровергнуть бытие Бога, бессмертие души и свободу воли. Эти объекты и вопросы поэтому называются трансцендентными (выходящими за пределы науки).

По мнению святителя Луки, сравнивая естественнонаучные изыскания механистического и энергетического подходов, приходится сказать, что между ними едва ли не труднее установить согласие, чем между наукой и религией. Механическая теория рассматривает в материи силы и движения, а энергетические модели все сводит к видам энергии и невещественным центрам сил. Поэтому кажущееся и временное противоречие между наукой и религией возможно, поскольку наука ищет, движется и, следовательно, может заблуждаться. Противоречие может быть между религией и мнением ученого, истинность которого, как рабочей гипотезы, еще необходимо проверить на практике.

Религия же содержит знания и опыт переживания и общения с Абсолютным, которое составляет ее сущность. Только тот, кто имеет этот опыт, может судить о религии, а следовательно, и решать проблему об отношении ее к науке. Ведь чтобы судить о музыке, совершенно недостаточно знать историю музыки, теорию музыки и даже разбираться в нотах, – судить о ней может лишь человек, имеющий музыкальный слух. У антирелигиозных писателей отсутствует религиозный опыт, и потому их нападки на религию неосновательны.

Но и теоретическое знание о религии у многих отсутствует, они почти не знакомы с Библией, судят о ней по разным искаженным изложениям. Зная бесконечное множество миров, мыслящий человек смущается утверждением Библии, что Земля находится в центре вселенной, а человек возомнил о себе слишком много, считая себя центром бытия. Библия не утверждает антропоцентризма, то есть того, что человек находится в центре вселенной.

Святитель Лука приводит слова псалмопевца: *«Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек,*

что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс. 8, 4-5). Библия учит о теоцентризме, о том, что неизменным центром вселенной является Бог. Все из Него, Им и к Нему (Рим. 11, 36). Библия учит не о физическом, а о метафизическом центре вселенной – она содержит учение не о физических преходящих предметах, а о вечном и духовном. *«Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»* (Ин. 1,3).

Обитаемость других миров также не отрицается в Библии, как и вообще тот принцип, по которому у Бога в каждом месте космоса «живет то, что в нем жить может». Наивные сведения о природе, находящиеся в священных книгах индуизма, персизма и магометанства, не устояли против переворота, который Коперник произвел в астрономии. Однако в Библии мы не находим древних представлений о том, что небо есть твердый свод, к которому прикреплены звезды. Согласно книге Бытия, небо есть протяженная среда, отделяющая воды, которые вверху, от вод, которые внизу. В то время как древние учили, что земля утверждена на неких подпорах, Библия говорит, что *«Бог повесил землю ни на чем»* (Иов. 26,7).

Слова пророка Исайи: *«По множеству могущества и великой силе у Него ничто не выбывает»* (Ис. 40,26), подтверждены открытыми лишь в позднейшее время законами сохранения материи (М. Ломоносов, А. Лавуазье) и законом сохранения энергии (Р. Майер, 1814–1876). То есть религия противоречит не науке, а нашим временным знаниям о природе.

«Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией» (Мф. 22,29). Эти слова сказаны были Христом саддукеям, рационалистам своего времени, отрицавшим существование духов. Саддукеи нашего времени тоже принимают лишь то, что понимают. Если религия – внутреннее переживание, преклонение перед Богом и общение с Ним, то наука не только не противоречит религии, но более того – наука приводит к религии³.

Если мы не ограничимся собиранием фактов (как Вагнер в «Фаусте» Гете), но дадим (как Фауст) простор всей человеческой жажде знаний, которая стремится постигнуть тайны бытия, то неизбежно придем к религии. И именно наука доказывает нам ее необходимость. Она ставит те же самые вопросы, на которые отвечает религия. Наука спрашивает о Первопричине мира, а религия отвечает.

Наука открывает вечный Логос бытия, обуславливающий гармонию мира. Наука приводит к необходимости какого-то разумного смысла в жизни, какого-то высшего назначения жизни, и религия отвечает. Наука обосновывает не только естественные законы, по которым мир существует, но также и нормативные законы, по которым он должен существовать в интересах сохранения жизни. Такова этика – наука о нормах поведения. Медицина также обосновывает правила поведения, она доказывает необходимость чистой, нравственной жизни, но не указывает источника сил для самодисциплины.

Социология говорит о необходимости солидарности людей и их кооперации, «ты должен», следовательно, «ты можешь». И значит, должна быть такая сила, которая служила бы для нас источником и света, и энергии в духовном отношении, источником духовного удовлетворения.

Наука изучает явления, а философская пытливость человека стремится открыть подлинную сущность мира, его онтологическую основу, его истину. Религия движет

науку, пробуждает и поощряет дух исследования. «Все испытывайте, хорошего держитесь», – говорит апостол Павел (1 Фес. 5,21). Религия пробуждает любовь к жизни, к природе, к человеку, освещая их светом вечного смысла. Мир – не слепое, случайное сочетание стихий, идущее к разрушению, а дивный космос⁴.

Святитель Лука говорит, что в религиозном опыте мы вступаем в контакт с вечным Разумом, Голосом мира. «Кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8,3). Научные открытия и достижения искусства даются духовным озарением. В жизни многих ученых религия играла выдающуюся роль. Вера влияет и на тех ученых, от которых не принято этого ожидать. Ч. Дарвин писал: «Я никогда не был атеистом в смысле отрицания Творца». «В первую клетку жизнь должна была быть вдохнута Творцом»⁵. Французский врач М. Флери в своей книге «Патология души» говорит: «Кроме естествознания, существует еще теология, у нее есть свои приемы, позволяющие ей утверждать известные истины... И религия, и наука имеют каждая свой метод и свою область. Они отлично могут существовать рядом и обе выполнять свое назначение»⁶.

Наиболее интересным и полным исследованием взаимодействия христианства и современной науки является проект «Перспектива восточного православия в науке и богословии», представленный в книге Алексея Нестерука – исследователя в области космологии и квантовой физики в Институте космоса и гравитации при Университете в Портсмунде, который также является ассистентом профессора в Институте православных христианских исследований (Кембридж, Англия) и преподавателем Библейско-богословского института св. апостола Андрея (Москва)⁷.

Христианское учение формировалось путем синтеза древней культуры и греческой философии (научного постижения истины) с непосредственным личным и соборным духовным опытом постижения Бога, переноса философского языка и методик в область веры, проводимого отцами Церкви (*патристический синтез*). В настоящее время крайне необходимо продолжение следования духовным традициям и осуществление *неопатристического синтеза* достижений науки и религиозного опыта в качестве эффективной меры разрешения кризисных ситуаций и формирования мировой культуры. Иными словами, необходимо перспективное развитие и взаимодействие философии и богословия как выражение единства живой традиции и целостного опыта человечества.

Примечания

¹ См.: Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. – М.: Образ, 2007. – С.12.

² Там же. – С. 13.

³ Там же. – С. 32.

⁴ Там же. – С. 36.

⁵ Там же.

⁶ Флери М. Патология души / Пер. с фр., 4-е изд. – СПб.: Тип. Эрлих, 1899.

⁷ Нестерук А. Логос и космос: Богословие, наука и православное предание / Пер с англ. (Серия «Богословие и наука»). – М.: ББИ св. апост. Андрея, 2006.

Наталья СЕЛУЯНОВА

Семейная хроника Селуяновых

Публикация О. Илюшкиной*

Мои звери и наш сад

Как и отец, я очень любила животных. У меня были два ручных голубя, галки, до сотни канареек в огромной клетке, которую летом выставляли на террасу, два попугая, совы (особые мои любимцы), два аквариума с золотыми рыбками макроподами, два огромных пса. Хотя часть этого зоопарка принадлежала Геппенерам, я ухаживала за всеми этими животными. Я постоянно возилась с ужами. Диких кошек я ловила еще крохотными, сидя часами за помойным ящиком, и, когда они увлекались едой, накидывалась на них, сажала их в клетки; при этом у меня с рук струями стекала кровь, так они успевали меня исцарапать, пока я их закатывала в тряпки. Были у меня также черепахи, ежи, белые карликовые куры и шелковичные черви. А однажды, к величайшему моему восторгу, из школы мне привели на лето джейрана. Боже, как я его обнимала и целовала, а он только испуганно поглядывал своими грустными глазами.

Целые дни мы проводили на воздухе, в чудесном саду Геппенеров, уже в марте цвели все фруктовые и другие деревья, а в ноябре не отцветали розы. Прежде всего распускались маки, – они цвели повсюду – на крышах домов, на заборах, а горы и степь покрывались парчовыми коврами. Потом сирень, тюльпаны и много других цветов, фиалки отцветали еще в феврале. Такого сада, как этот, я никогда больше не видела. Раньше, когда мы жили во флигеле, то часто с Таней смотрели в щелочку забора и восхищались «таинственным» садом, который распускался как в сказке, а впоследствии мы пользовались этим садом как своим. Когда поспевала шпанская вишня, мы просто жили на деревьях, да и вообще, находясь в саду, постоянно набивали рты фруктами по мере их поспевания – абрикосами, персиками, грушами. А последние осенние яблоки – они были прозрачными, леденцовыми.

Так называемые «ташкентцы» были не коренные, а все приехали из Петербурга и обожали север; в саду поэтому были устроены уголки русской природы. Под березками весной цвели ландыши, но особенно хороши были пармские фиалки, душистые и

* Продолжение. Начало в вып. XXVII, XXIX. Все примечания – ВС.

крупные, которые занимали целую площадку. Было много и других цветов, а также деревьев редких пород: тюльпанное дерево, адамово дерево, или катальпа, маклюра, плакучая ива, огромная белая акация, которая раскинула свою крону выше всех деревьев. Были и цветущие кустарники – целые заросли бульденежей, сирени, жасмина, а главное, много роз, и дорогих сортов, как «марешаль», «снежная королева», черные и чайные розы. Однажды я срезала перед домом сто роз, и это не было заметно. Были и более практичные насаждения – площадки малины, черной и красной смородины и др. Я любила возиться в саду, поливать цветы, полоть, делать запруды. Сажать не приходилось, так как работал специальный садовник. Позднее, в трудные времена, на месте цветочных клумб пришлось посадить овощи.

В конце сада была устроена купальня – бассейн метров трех глубиной, куда поступала очищенная двумя фильтрами проточная вода. Купальня тоже была увита розами и диким виноградом. В бассейн спускались по лестнице. Когда лучи солнца проникали в воду, то видно было множество рыбок. Воду из бассейна несколько раз в году спускали, чтобы очистить дно бассейна от осевшей там грязи, а я, жалея рыбок, которых ждала гибель, вылавливала их в ведра и в банки, чтобы потом выпустить в свежую воду. Кроме того, мне надо было вылавливать корм (мотыль, дафний) для своих аквариумов, поэтому я всегда барахталась в холодной воде (вода была очень холодной, так как текла с ледников, а горы были недалеко, только в бассейне она согревалась под лучами солнца). Купались мы целыми днями, хотя у меня уже тогда был острый ревматизм. Иногда мы замечали, что старый садовник-узбек или садовые рабочие смотрят на нас из-за зарослей, но мы на них не обращали ни малейшего внимания.

Когда я приехала в Ташкент много лет спустя (в 1954 г.), от этого сада не осталось и следа. Почти все частные сады были уничтожены, все вытоптано, а на их месте построены какие-то сарайчики.

Первые школьные годы

Учиться в гимназии я начала со второго подготовительного класса (всего их было три и семь классов основного курса) и восьми лет отлично сдала экзамен в первый класс и потом получала одни пятерки. В этот год Таня поступила в первый подготовительный класс.

Мы обе хорошо читали и писали еще до школы. До сих пор сохранилось много писем, которые мы писали папе (во время его командировок) и теткам в Петербург. Подписывалась я – «Наша Ната», так как думала, что это и есть «Наташа».

Мне ученье давалось очень легко, а Таня не понимала арифметики и всегда редела, когда делала уроки, за что получала от меня щелчки. Зато она была способна к рисованию, рисовала очень хорошо, но мне казалось, что я могу, если захочу, рисовать гораздо лучше. Иностранные языки (немецкий и французский) мы также учили с раннего детства. Мы получали несколько журналов: «Золотое детство», «Задушевное слово», «Родник»*. Учили нас и игре на рояле. Кроме того, я любила лепить

* Известные детские журналы, выходившие в Петербурге. «Золотое детство» издавался в 1907–1917 гг. под редакцией И.И. Горбунова-Посадова, «Задушевное слово» – в 1877–1918 гг., «Родник», издававшийся писательницей Е.А. Сысоевой, – в 1882–1917 гг.

из глины, работать по металлопластике, выжигать. К сожалению, не сохранилось ни одного образца моих детских работ.

И вот я в гимназии Гориздро*, где мама преподает русский язык и литературу. В гимназии мне учиться было легко. Я любила больше всего естественную историю, географию и историю. По этим предметам я всегда была первой ученицей, и меня даже водили в старшие классы, чтобы я рассказывала географию и историю не по учебнику. На уроках ботаники я не хотела отходить от микроскопа, в который все смотрели по очереди, и все говорила: «Не вижу»...

В нашем классе, как и в других, все девочки были влюблены в кого-нибудь из учителей. Наша начальница – Лидия Феоктистовна Гориздро – редко сердилась, но смотрела внимательно и серьезно, а когда улыбалась, было видно, что она очень добрая. Учительница естествознания и географии – Ольга Яковлевна Карелова – была одновременно и строгой, и добродушной. Ее все, в том числе и я, очень любили. Она дожила до глубокой старости, и я навестила ее в 1954 году, когда была в Ташкенте. Все наши учителя были строгими педагогами. Они увлекались и увлекали детей. Преподавателями они были очень хорошими, передовыми и знающими, а главное, очень культурными людьми. Наша мама, которую также обожали девочки класса, где она была наставницей, была строгой учительницей, и мне никаких скидок она не делала.

...Каждое утро, перед занятиями, все классы выстраивались парами, и каждый класс со своей наставницей входил в главный зал школы, где прочитывалась молитва «Отче наш» и кусочек из Евангелия. Затем все чинно расходились на уроки. Конечно, в учебной программе гимназии не последнее место занимал Закон Божий, который преподавал один из местных священников.

Часто занятия проводились в саду. Помню первую школьную весну: цвели абрикосовые деревья и лепестки уже начинали осыпаться. Мы гуляли по аллеям школьного сада, как по снежному ковру, нанизывали на прутики облетевшие лепестки, которые сыпались дождем, – было очень нарядно. Все головы были украшены цветущими веточками, и в руках были большие гирлянды. Гирлянды из фиалок плелись каждой весной, когда устраивался большой праздник в школе, и на мамино рождение – 22 марта. Мы ездили с корзинками за город и набирали их полными душистых фиалок. И в школе, и дома стоял одуряющий аромат.

Наш класс был очень дружным, и нашим девизом было: «Нет слова *не могу*, есть слово *не хочу*». Поэтому и я старалась изжить у себя всякие недостатки. Я хотела быть храброй, была всегда не в меру храброй. Так, я немного боялась чернильно-черного сада по вечерам. Тогда я заставляла себя лазать ночью под каждый куст или заходить в одиночку на чердак – громадное пустое помещение, далекое от всякого жилья. Внизу размещались сарай, конюшня, курятники и пр. И почему-то мне казалось, что на чердаке мелькают какие-то огни, – и вот я туда лазала.

Однажды, вернувшись из школы, я узнала, что у соседей только что были воры и все унесли. Тогда я помчалась за ними, свистнув своих собак. Когда я подбежала к забору, отделявшему наш сад от сквера, то увидела, что один из воров бежит далеко с

* Частное училище III разряда для детей обоего пола, открытое Лидией Феоктистовной Гориздро; в 1907 году было преобразовано в частную женскую прогимназию (Хивинская улица, ныне Хорезмская, дом № 4).

узлом, а другой уже занес ногу через забор, но большой узел его задержал. Я, недолго думая, вцепилась в узел, собака мне помогала. Вор бросил его и убежал, а я с торжеством принесла свою добычу, которой оказались самые ценные вещи. Но никто меня не хвалил, все сердились и ругали, что вор мог меня убить. Я была обижена.

В школе же я была примерной девочкой, но иногда любила пошалить и умела выйти сухой из воды. Однажды я подговорила девочек собрать все полотенца из умывальных комнат и, связав их вместе, спускаться на них вниз с крыши гимназии (двухэтажного здания). Многие, и в том числе и я, спустились благополучно, но тут появилась классная наставница и обмерла. Дело это было крупное: вызывали всех по очереди в учительскую и спрашивали – кто придумал такую опасную забаву, но никто меня не выдал. Вообще в нас было очень развито чувство товарищества, и мы никогда не ябедничали друг на друга. Почему я не призналась сама, я сейчас не помню. В школе, как правило, никаких строгостей не было, и если вызывали родителей, то это было событием, о котором долго вспоминали.

В школу ходили по Воронцовской улице. На горизонте виднелись снежные вершины гор, которые были то розовыми, то лиловыми, в зависимости от освещения. Я никогда не уставала ими любоваться. По дороге останавливались под громадным грецким орехом, простиравшим свои ветки из-за забора на половину улицы; здесь все школьники собирали орехи, разбивали их булыжниками и затем уже продолжали путь. Стояли и у решетки Военного собрания, завидуя маленьким детям, которые были свободны и могли в саду кататься на качелях и бегать на «гигантских шагах».

Так как гимназия Гориздро была частной, формы мы не носили, но обязателен был глухой, любого цвета передник с длинными рукавами и застежкой сзади. Как сейчас я помню свой розовый передничек в белый горошек. Часто вместо галстука мне повязывали яркий бант. Девочка я была аккуратная: гладко причесанная в две косы, или косы положены венчиком вокруг головы. Ежедневно наше платье и белье проглаживали. К обеду переодевались. Прачка и портниха почти не выходили из дома. Так и называлось – домашняя портниха. Купали нас ежедневно, причем воду наливали в большую ванну и грели на солнце. Через час можно было мыться – вода становилась горячей.

Таинственный дворец

Мы жили недалеко от Туркестанской Публичной библиотеки, рядом с которой был «таинственный» дворец оригинальной архитектуры, с двумя оленями перед входом, и сад, обнесенный чугунной оградой, принадлежавший великому князю Николаю Константиновичу Романову (кузену Александра III).

Сколько бы раз мы ни проходили мимо садовой решетки, через которую сад был далеко виден, там никогда никого не было. В саду росли деревья и только; не было ни клумб, ни цветов. Самого князя Романова мы иногда видели на улицах города. Он проезжал в коляске, и рядом с ним всегда сидел узбек в национальной одежде (в длинном шелковом халате и чалме). Князь имел голую, как колено, голову, носил золотое пенсне на шнурке. На нем были всегда высокие лакированные сапоги, красная

шелковая косоворотка, похожая на николаевскую шинель и черная, смятая пирожком, фетровая шляпа. На коленях собака.

Рассказывали, что проездом через Оренбург князь женился на дочери местного полицмейстера – красавице Надежде Алексеевне, от которой он имел двух сыновей, впоследствии эмигрировавших за границу*. В Ташкент князь попал не по своей воле, а вследствие какой-то грязной истории – говорили, что он украл бриллианты своей матери, за что его и сослали в Среднюю Азию**.

В Ташкенте князь увлекся казачкой Евдокией Часовитиной***, которая родила ему двух красавцев сыновей и дочь Дарью (Даню). Своей страсти князь дарил дом за домом, причем все они были окрашены в розовый цвет. Постепенно в Ташкенте стало очень много таких розовых домов. Другим красить свои дома в этот цвет запрещалось****. Князь умер за год до революции*****, успев довольно много сделать для края и Голодной степи. В частности, он пожертвовал Туркестанской Публичной библиотеке 5000 книг, поставив условием, чтобы они хранились в отдельном помещении, как память о нем, и чтобы был издан специальный каталог этих книг.

Дворец, с накопленными произведениями искусств, перешел княгине Надежде Алексеевне. После революции она передала его городу (выговорив себе комнату), и здесь был организован художественный музей. Княгине предложили заведовать музеем, но вскоре ее уволили и выселили из дворца, так как случайно узнали, что она скрыла в тайнике, около своей комнаты, изумительную картину «Купальщица» (говорили, что это был ее портрет)*****. После этого она жила ужасно, буквально голодала, и помогали ей крестьяне, которые многим были обязаны князю.

Военный лагерь (воспоминания Т.А. Николаевой)

Большим событием для нас было поехать с мамой и бонной к папе в военный лагерь. В первую поездку мы были очень маленькими. Долго шли и ехали. Взрослые очень устали. Трава была очень высокой и густой. Когда пришли к месту, показалась маленькая девочка, вся в кудрях, – Галя, дочка одного из офицеров. Мне очень понравилось, что трава была выше нее. Мы начали бегать, и все удивлялись, как это мы не устали. В первый день спали в палатке. Отец показал место, дальше которого нельзя было ходить, но территория и без того была очень большой.

Мы замечали, что Эмма Васильевна беспокоится, когда нас долго нет возле нее. Один раз мы бегали в зарослях цветущей мальвы и вдруг слышим ее голос: «Таня, Наташа!». Сразу откликнулись – вроде игра.

* Супругу великого князя звали Надежда Александровна, и она не была княгиней, как ниже называет ее мемуаристка (их брак долго не был признан двором, и лишь в 1899 году ей было высочайше разрешено носить фамилию Искандер). Что касается их сыновей, то за границу эмигрировал только младший, Александр (1887–1957); старший, Артемий (1878–?), по одной версии, погиб во время Гражданской войны, сражаясь на стороне белых, по другой – умер от тифа в Ташкенте в 1919 году.

** Одна из наиболее известных версий, в истинности которой, однако, современные исследователи биографии вел. кн. Николая Константиновича сомневаются (см.: *Голендер Б.А. Мои господа ташкентцы.* – Т. [б.и.], 2007).

*** Часовитину звали Дарьей.

**** Сведения об этом отсутствуют в других источниках; по-видимому, это были лишь слухи – одни из многих слухов и сплетен, окружавших всю жизнь великого князя.

***** Еще одна неточность: князь умер 14 января 1918 года, т.е. после революции.

***** Слух (попавший даже на страницы ташкентской прессы того времени), не имевший под собой оснований.

Однажды пошли бродить, долго ходили и наткнулись на какой-то домик. Вышел мужчина и вынес нам пакет конфет. Для нас было приключение.

Наташа любила пугать маму, показывая свою храбрость, выкидывая разные штуки: переходила по бревну или палкам над широкой и очень бурной рекой, сажала змей или другое чудовище, вроде летучей мыши, за пазуху.

Мы ходили на ночные стрельбы – было очень интересно. Сначала палили из пушек, а потом пускали разноцветные ракеты. Однажды загорелось поле поблизости от нас, но, к счастью, солдаты быстро потушили пожар.

Обедали мы вместе с военными, за длинными столами, на воздухе, под деревьями. Иногда мы катались на ишаках.

Фаланги и свиньи в лагере

Когда однажды в военном лагере вечером нас уложили спать в необжитом бараке и еще не успели погасить керосиновую лампу, я долго и пристально всматривалась и заметила (всегда наблюдательна!), что там что-то слегка шевелится. Приглядевшись лучше, я увидела, что потолок сплошь покрыт фалангами. Мама была трусиха, да и кто бы не испугался. Мы быстро повыскакивали в сад, где и провели ночь под открытым звездным небом. Никогда не забыть этих туркестанских ночей, когда звезды кажутся близкими и огромными. А как хорошо спать на плоской кровле на персидском или текинском ковре под оглушительный концерт «ташкентских соловьев» – лягушек, особенно если рядом стоит огромный поднос с ледяным виноградом (ночь, по сравнению с днем, холодная). Проснешься, поешь винограда и снова спишь, – чудо как хорошо!

Как-то, будучи уже постарше, мы поехали в лагерь без мамы, только с Эммой Васильевной. С нами была отправлена большая корзина яиц. И вот на следующий день, когда все ушли, стадо свиней ворвалось в комнату и разворотило корзину. Они стали есть яйца, подбрасывать и разбивать их ногами, затем стали скакать по чистым пикейным одеялам. Все перерыли, смяли и разорвали; все, вплоть до стен, было вымазано яйцами.

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ*

Годы войны

Мне было десять лет, когда объявили войну. Это было событие из ряда вон выходящее, а я была так глупа, что обрадовалась и заявила, что это – разнообразие жизни.

На стене у нас появилась большая карта военных действий, на которой папа передвигал флажки, накалывая их булавками с разноцветными стеклянными головками. Вскоре в Ташкенте появилось много пленных: австрийцы, чехи, венгры. Они жили свободно; многие поступали на работу в учреждения, в частности, в переплетную

* Здесь продолжается рассказ Н. Селуяновой (Прим. ВС).

мастерскую при Публичной библиотеке, преподавали языки и музыку, организовали оркестр, служили у частных лиц. Один австриец учил папу играть на скрипке. Когда наша кухарка взяла расчет, пришлось взять за повара военнопленного. Отношения с пленными у нас установились дружеские, так как мама, Эмма Васильевна и мы с Таней хорошо говорили по-немецки. Кроме того, мамина и папина доброта и хорошее отношение к людям сделало некоторых из пленных нашими друзьями.

Болезни

В 1915 году Таня заболела брюшным тифом. Ее обрили. Болела она долго, а мне было завидно, что за Таней ухаживают, да еще пекут воздушные пироги с яблоками. Хорошо еще, что Таня заболела до маминого отъезда в Петроград; конечно, его отменили, и, может быть, только благодаря маминому уходу Таня выжила.

Я тоже в детстве очень часто болела всевозможными болезнями: ангиной, инфлуенцией (гриппом), суставным ревматизмом и др[угими], а когда подросла, жестоко страдала от малярии, от которой избавилась только переехав в Ленинград. В особенности мне не везло, когда я заболела на праздниках и была вынуждена лежать в постели с высокой температурой. При этом я часто бредила, папу близко к себе не подпускала и все кричала: «волк, волк!». Зато каких только подарков я не получала: настоящий томпаковый* самовар, который можно было греть, стереоскоп со множеством цветных видов, в том числе японских, привезенных папой с Дальнего Востока, фигурки из марципана, детский рояль, звучавший очень хорошо, уйму дорогих книг, цветную мастику для лепки, хорошие краски, конфеты, в общем дарили все, кроме денег.

Вскоре после Таниной болезни я тоже заболела тифом, и когда мне было особенно плохо, мама сказала: «Поправляйся, я тебе куплю золотую булавку». Я так обрадовалась, что после этого стала быстро поправляться. Однажды, когда я еще лежала больная, все ушли из дома: родители, как всегда, на работу, Таня в школу, Эмма, возможно, пить пиво?! Как вдруг послышался звон посуды, чашки и тарелки посыпались из буфета, а моя кровать на колесиках стала кататься из угла в угол. Я вижу, дело плохо – землетрясение. С трудом встала с постели и, пройдя две комнаты и террасу, спустилась в сад. После этого у меня начался рецидив болезни, и я еще долго болела. Возможно, этому способствовало и то, что при первом удобном случае я объелась персиками.

Тетя Лиза в письмах спрашивала, что мне подарить, а я совсем не знала, чего хочу. Мама написала, чтобы мне прислали дешевые акварельные краски. В частности, в письме было сказано: «Отличительная черта моих детей, что они не знают, чего хотят, а за столом их надо угощать и предлагать даже конфеты, сами не догадываются попросить. Что пришлешь, то и хорошо, всякой дряни рады».

Перемены в жизни

Война отразилась на нашей жизни и на занятиях. Мы вязали для фронта шарфы и варежки и без конца щипали корпию из старых простынь (корпия – это белые нитки разной длины, которые накладывались на раны, чтобы впитывать кровь). Пи-

* Томпак – сплав меди с цинком, золотистого цвета, употребляющийся для изготовления дешевых украшений.

сали на фронт письма солдатам и получали иногда ответы. Также шили красные мешочки и вкладывали туда подарки для солдат: махорку, мыло, шарфы, варежки.

Позднее (летом 1916 года) я работала на специальных огородах лекарственных трав, которые были организованы под Ташкентом с самого начала войны. Для этого приходилось вставать ночью, так как идти было далеко, а работа продолжалась до 2 часов утра, потому что позднее было слишком жарко.

В этом году я уже перешла в пятый класс, Таня очень боялась остаться на второй год в первом классе, так как у нее была переекзаменовка по арифметике. В этом же году последний раз в жизни мама ездила в Петроград и, по возвращении в Ташкент, писала сестре Лизе: «Ах, Лизочка! Плохо мне после Петрограда – такая жара, духота, что и сказать нельзя. А тут еще занимайся по педагогике, которая так трудна и неопределенна... Раздражают меня и дети, которые без меня очень распустились. Кончились, вообще, красные деньки! 16-го экзамены, а после 20-го августа и занятия. ... Время такое тревожное, что очень хочется почаще иметь известия. Невесело сейчас на душе. Жуть берет, что-то будет. У нас форменный голод: ни урожая, ни фруктов. Ты подумай, три месяца стоит жара, ни одной капли дождя: все выглядит так, как осенью. Скот падает, поэтому отменен закон о мясопоставках. У нас клубника продается по 1 р. 80 коп. за фунт, хотя, говорят, дойдет до 50 коп., а ведь обычная цена 7-10 коп. фунт. Александр Николаевич выглядит все хуже и хуже. Недавно болел малярией, кашляет сильно. Все стоит дорого, а главное, ничего нет...»

И все-таки мы гуляем

По-прежнему папа и я часто ходили и ездили на прогулки, иногда с его друзьями мы отправлялись за город на арбах и поездом. Однажды, ранней весной 1915 г., мы поехали на ст. Келес и Дарвозу, неподалеку от Ташкента. Мы шли по степи, покрытой красным ковром цветущих тюльпанов и с таким множеством черепах, что обходить их стало невозможно, и мы шагали по ним.

Увидев речку, я немедленно бросилась в воду, отец был где-то в стороне, а меня закрутило и понесло. Папа меня все же вытащил. Вода была ледяная, согреться было негде, но я не заболела. Тайком от папы я набрала целую корзину черепах, чтобы они жили в нашем саду. Но когда, на обратном пути в вагоне, я задремала, то мои черепахи расползлись повсюду, люди перепугались, стали кричать: «Что за безобразие! Чьи это черепахи?». Едва мне удалось собрать половину. Приехав домой, я немедленно вырыла для них большую и глубокую яму, причем мы с Таней решили покрасить черепах зеленой масляной краской, чтобы они стали красивее, и с упоением занялись этим делом. Велико было мое отчаяние, когда на следующий день мы убедились в том, что все наши «усовершенствованные» черепахи удрали. Вероятно, в желтой степи они очень выделялись своими зелеными панцирями.

Как-то мы со взрослыми поехали в шарабанах на Чирчик (река очень бурная). Почему-то с нами была и Таня.

Взрослые пели:

Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, да шарлатанка.

Горели свечи в твоём окошке,
В моём же сердце скреблись кошки.
А мы мальчишки, у нас штанишки,
А вы девчонки, у вас юбочки...*

Что-то в этом роде.

Был вечер, но ещё довольно светло. На фоне заката играли в горелки. Один молодой человек, когда ловил меня, нечаянно задрал мне платье. Со стыда я убежала и не хотела идти назад. Прибежали Таня и Вера и очень серьёзно советовали мне утопиться, чтобы избежать позора, ведь мне уже шел пятнадцатый год; но я решительно отказалась, хотя сильно переживала эту драму, тем более что среди присутствующих был комиссар, который мне очень нравился и который делал мне глазки. А Таня говорила потом, что один взрослый мужчина начал целовать ей косы и говорил, что она ему очень нравится. От него пахло вином. Жена его была тут же. Таня, хотя и маленькая, но сказала, чтобы он ее косы не целовал, иначе пожалуется папе. После Таня заявила, что с большими она никогда никуда не будет ездить.

Революция

В один прекрасный день, когда мы сидели в классе и ждали учителя, вдруг вбежавшая Леля Сосновская вскочила на парту и заорала, что царь свергнут и что победила революция. Все повскакали с мест, закричали, захлопали, начали поздравлять друг друга, а я была удивлена, так как дома при нас никогда не говорили о политике, и я даже не могла понять, чему все рады, и как это – без царя, который такой сильный и заботится о народе, и сидела с открытым ртом.

Вообще революция до Ташкента дошла только через год, когда (30 апреля 1918 г.) была образована Туркестанская Автономная Социалистическая Республика. Смысла событий этого года я, конечно, не понимала, хотя и случилось быть свидетельницей частых перестрелок. Многие из знакомых офицеров были убиты, некоторые исчезли неизвестно куда. Отец добровольно перешел в ряды Красной Армии и в 1918 году принял активное участие в постройке порохового (целлюлозного) завода Военного ведомства у станции Кауфманской, под Ташкентом. Он уже приступил к оборудованию мастерской для снаряжения гранат, когда его временно назначили начальником канцелярии Комиссии доверенных лиц, как опытного военспеца, заслуживающего уважения и доверия. Работа была изнурительная, далекие концы до завода и обратно приходилось ходить пешком, в любую погоду – и в жару, и в грязь. Ответственность этой работы отражалась на состоянии нервов.

Работа мамы в ТПБ

В 1918 году гимназия Гориздро закрылась, и мама перешла на работу в Туркестанскую Публичную библиотеку (теперь – Государственная библиотека имени Алишера Навои). Следует сказать, что мама работала в этой библиотеке и раньше, когда ещё толь-

* «Шарабан мой, американка» – шансон времен гражданской войны, был сложен в Одессе; автор неизвестен.

ко приехала в Ташкент, но по частному соглашению, не будучи штатным сотрудником. Произошло это так: однажды на заседании Библиотечного Наблюдательного совета в 1903 году было доложено, что каталог, составленный Н.В. Дмитриевским, включал лишь книги, поступившие в библиотеку до 1899 г. Все же дальнейшие поступления не находили отражения ни в каталоге, ни в инвентарях. И тут же была предложена, рассмотрена и утверждена кандидатура А.Е. Николаевой, как знатока литературы.

29 сентября 1904 г. был рассмотрен представленный мамой в конечном виде «Дополнительный каталог русского отделения Туркестанской Публичной библиотеки», который явился продолжением каталога Н.В. Дмитриевского. Тогда же было решено отдельно издать каталог книг отдела беллетристики, и был определен его тираж – 500 экз. Уже в 1905 г. газета «Туркестанские ведомости» сообщила о выходе в свет «Каталога», составленного А.Е. Николаевой, и о поступлении его в продажу. Одновременно шло печатание и «Первого дополнения к каталогу Дмитриевского». Вскоре та же газета сообщила о выходе его в двух томах. В рецензиях на эти каталоги, появившихся в печати, говорилось, что применение составителем описания книг «де визу» свидетельствует об осведомленности о передовых методах составления каталогов в России. Тут же отмечалось и то, что в работе А.Е. Николаевой даются аннотации материалов, относящихся к Туркестану и к определенным странам, что, несомненно, должно оказать помощь в деле изучения края.

Кроме этих двух каталогов, мамой был составлен дополнительный каталог иностранной литературы, который был закончен к декабрю 1904 года. Он остался не опубликованным и хранится в отделе редких книг в рукописном виде (ТПБ, Иностранный отдел, каталог № 2). До 1917 года каталогом книг на иностранных языках никто не занимался. Эта деятельность мамы отражена в диссертации Ю.Б. Абрамова «Развитие теории и практики каталогизации в Узбекской ССР» (автореферат вышел в Ленинграде в 1967 г., тогда же была защищена диссертация).

Когда мама вновь пришла в библиотеку работать, заведующим был Николай Николаевич Кулинский, крупный библиотечный деятель Туркестана. С его приходом работа в библиотеке очень оживилась: были приглашены виднейшие специалисты библиотечного дела, крупные ученые оказывали помощь.

В 1919 году мама организовала отдел детской и юношеской книги, что было совершенно новым в Ташкенте, и заведовала этим отделом до самой смерти. Конечно, одновременно мама была членом Библиотечного совета. Сослуживица мамы, Маргарита Петровна Костелова (Новикова), рассказывала, что мама обладала большой деловитостью, умела подобрать людей, а главное, отлично знала детскую литературу и детские души. Кроме умения подобрать книгу, она умела рассказывать детям и занимала их художественным чтением, которому в свое время обучалась в Москве, у К.С. Станиславского. Ее основной заботой было заинтересовывать ребят так, чтобы ни один из них не отсеялся. Она входила в интерес каждого из них, и поэтому в Детском отделе всегда стояла большая очередь. В то время было много беспризорных, грязных и вшивых ребят, которые заходили в читальню только погреться. Мама никогда их не выгоняла, а наоборот, всячески привечала, чтобы эти дети читали и ходили в библиотеку, где они были согреты теплом ее души.

Мама приходила на службу очень пунктуально. Обстановка в библиотеке была в

то время очень бедной, но пианино она все же добила. Детям, желавшим изучать иностранные языки, их преподавали бесплатно сотрудники библиотеки. Особенно старательно следила она за цветами и за тем, чтобы в читальном зале было тепло, чисто и уютно. Дети, входя в библиотеку, мыли руки, на стенах висели плакаты.

Кадры мамой подбирались так, чтобы это были люди, хорошо знавшие детскую литературу, и она была строга и требовательна со служащими; но, при всей строгости, ее отношение было одновременно и товарищеским – она входила в положение каждого человека. Как руководитель отдела, мама следила также и за тем, чтобы два часа в день, которые давались сотрудникам на знакомство с литературой, непременно использовались по назначению. Она считала, что в библиотеке, кроме книговедов, таких как Е.К. Бетгер*, Ю.С. Лир и Раманат, должны быть люди, умеющие рисовать и переплетать, рассказывать сказки и былины, как, например, поэт А.В. Ширяевец**. Надо сказать, что именно в нем-то она и ошиблась; к счастью, он работал недолго, поняв свою никчемность. Обыкновенно он или спал на работе, или сочинял стихи, а детям совал первую попавшуюся книгу, говоря, что читатель разберется и если книга ему не подходит, он подберет другую.

Экстернат

Гимназия закрылась, и мы с Таней остались не у дел. С Таней стала заниматься мама, а через год ее отдали в школу второй ступени. Таня жаловалась, что ей там было трудно учиться, особенно в последнем классе.

А я уже перешла в 7-й класс, и со мной дело сложнее. К счастью, некоторые из преподавателей, жалея нас, старшеклассниц, предложили заниматься с желающими по программе седьмого класса. Литературу нам преподавал Е.К. Бетгер, мамин сослуживец по библиотеке, и вся группа собиралась у нас дома. Историю преподавал Граменицкий. Математикой со мною отдельно занимался бывший директор женской гимназии А.Е. Воскресенский. Французский язык в нашем экстернате преподавала Юлия Севериновна Лир. Человек она была необыкновенно одаренный, прекрасно играла на рояле. Мы смотрели на нее с восхищением. Очень высокая, с огромными косами вокруг головы, необыкновенно подтянутая и опрятная, с крохотным ротиком, вздернутой губкой над белоснежными зубами, с точеным носиком и большими прекрасными глазами. Описать ее точно очень трудно. Она отличалась изысканным вкусом, женственностью и благородством. Умерла она в 1953 г. от рака легких, как и все ее четыре сестры.

Языки – и французский, и немецкий – кроме экстерната, я учила дополнительно, беря частные уроки. Об уроках немецкого языка у меня сохранилось забавное воспоминание: однажды мама проводила меня через весь город, по пеклу, к преподавательнице, обучавшей меня нудно и скучно грамматике. Читали мы с ней классиков, часами разбирая каждую фразу, так что брала сонная одурь. Итак, мы шли с мамой по одной из главных улиц Ташкента. Вдруг равняется со мной взрослый парень и под-

* Евгений Карлович Бетгер (1887–1956) – крупный библиотечный деятель; в 1921–1929 гг. заведующий ТПБ.

** Александр Ширяевец (Александр Васильевич Абрамов, 1887–1924) – один из представителей новокрестьянских поэтов, друг Н. Клюева и С. Есенина. В 1905–1922 годах жил в Ташкенте. (О ташкентском периоде его жизни см.: Зинин С. «Красный звон, святые песнопенья...». Духовные мотивы в стихах туркестанского поэта Александра Ширяевца // Восток Свыше, 2011. Вып. XXIII–XXIV. – С. 118–124).

носит мне папиросу почти к самому рту – по тем временам хулиганство небывалое. Но не успел он и ахнуть, как я влепила ему оплеуху так, что он кубарем покатился в арык, к величайшему удивлению мамы, которая не видела его выходки, и на радость уличных мальчишек, улюлюкавших и свистевших, пока «герой» выбирался, весь мокрый и грязный, из арыка. Мы, конечно, постарались ускорить шаг и были уже далеко, но я все время оглядывалась, ожидая погони.

Французским я занималась с Сергеем Андреевичем Геппенером. Знавший нас со дня рождения, всегда нещадно нас баловавший, делавший нам дорогие подарки, теперь, когда я выросла, он изменил свое отношение и стал изливать на меня (конечно, умеренно) свои селадонские привычки. И вот, на огромной террасе, увитой диким виноградом, жимолостью и розами, я ежедневно читала и переводила, главным образом, Жюль Верна. Это занятие навевало на меня смертельную скуку и дрему, и я поминутно зевала. Через несколько строчек я успевала забыть название какого-нибудь винтика, так как все мое внимание было приковано к саду, где веселились и бегали мои приятели. Сергей Андреевич, не меньше меня скучавший, покачиваясь на кресле-качалке, поправлял мои ошибки и подсказывал забытые слова. Объяснял он очень терпеливо и часто повторял: «Зеваете, как молодая львица».

Геппенер полжизни провел в Париже, был умен, образован, красив, но, вместе с тем, противен. Все время старался прижать мою ногу коленом, и когда я отодвигалась, он снова незаметно приближался, зная, что я постесняюсь насплетничать или что-нибудь сказать. Кабинет и спальня его были увешаны изображениями голых красавиц, а солонка у него была в виде ночного горшка.

Жена Сергея Андреевича, Анна Владимировна Геппенер, занимавшаяся с нами музыкой, нашла у меня способности к пению и стала давать мне уроки. В одном из маминых писем к сестрам сказано: «Я же писала, что Геппенер учит Наташу петь, и голос у нее очень развивается; тут я как-то слушала романс “Ангел” – так не верила, что наша порода может петь. Способный она человек, только с ленцой». Папа же по этому поводу держался противоположного мнения и впоследствии написал: «Наташа поет (оглашению не подлежит) – «По небу полуночи ангел летел и тихую песню он пел». – Что пел он? Не знаем, это секрет; Наташу спросите – с ним пела дуэт. Порой вспоминаешь бывшее, родное, и плачешь от смеха, держась за живот». Сохранилась и картинка, нарисованная папой, изображающая меня за роялем – поющей под собственный аккомпанемент.

Чтобы больше не возвращаться к Геппенерам, скажу, что они в начале 1923 года, таясь от знакомых, втихомолку уехали за границу, где уже давно жил их сын – друг моего детства – Володя.

ТРУДНАЯ, НО ВЕСЕЛАЯ ЮНОСТЬ

Работа и образование

Первые годы после революции время было трудное, мне стало необходимо работать, и я, в 15 лет, поступила в переплетную мастерскую, где давали паек.

В окрестностях Ташкента был страшный голод. Часто по утрам мы просыпались от того, что голодные, пришедшие из степи киргизы трясли оконные решетки. Они были страшны, с распухшими лицами, и часто тут же падали и умирали на улице. Мы помогали им, чем могли.

Наша семья не голодала. Благодаря маминой предусмотрительности и стараниям Эммы Васильевны, которая к этому времени была уже не бонной (мы выросли), а экономкой с широкими полномочиями, у нас мешками стояли солод, темная мука (очень вкусная), изюм, рис. Утром и вечером мы ели жаренную с луком рисовую кашу. Известным подспорьем в хозяйстве был, правда, некачественный, но бесплатный обед (жидкие щи и каша из маша – сорт гороха), который выдавали в учреждениях. Мы имели три таких обеда (на пятерых) и принесли их домой, уплетали все с удовольствием.

Для контраста интересно вспомнить, что когда наши родители приехали в Ташкент, жизнь там была баснословно дешевой: ведро помидор стоило 2 коп., а если мама покупала на базаре продуктов на рубль, то ей этих продуктов было не снести, и приходилось нанимать «тащишку», т.е. человека, который бы ей снес мешок. Поэтому жили мы всегда хорошо. Дети утром пили какао, а по праздникам шоколад с бисквитным печеньем, которое продавалось рулонами, приклеенное к бумаге. Праздновали и рождения, и именины. Приглашалось много детей. Пекли вафли, крутили мороженое, жарили фазанов. Да и в будние дни обеды были очень хорошими, в несколько блюд. Но когда я спрашивала, что будет на сладкое, папа обыкновенно говорил: «Кресты и молитвы», а я думала, что это такой пирог. Как и папа, мы не любили рыбу, и ее у нас почти не готовили. Исключение делали только для маринки – очень вкусной местной рыбки. А когда однажды привезли осетра с Аральского моря, то он просто протух, так как никто его есть не стал.

В 1919 году, пройдя программу средней школы, я решила поступать в медицинский институт, открывшийся в это время в Ташкенте. Но через год институт закрылся, и я перешла в Университет на филологический факультет (отделение древнерусской литературы). Там я отличилась, отлично сдав все зачеты и блестяще защитив курсовую работу о Симеоне Полоцком. Профессор В.В. Буш (москвич) не мог в себя прийти от изумления, что маленькая девочка с косичками – Наташа так справилась с темой и разбила своих оппонентов.

В университете я слушала психологию, историю философии, историю западноевропейской литературы, историю религии и, главное, историю Востока. Этот курс читал академик В.В. Бартольд*, и на его лекции стекалось много народа, так они были увлекательны, хотя он и заикался. Благодаря В.В. Бартольду я увлеклась историей Востока, и так как филологический факультет закрылся, я с осени 1922 года перешла в Туркестанский Восточный институт, где также проучилась год, сдав все зачеты за первый курс, а именно: языки – арабский, английский, персидский, киргизский и этнографию киргиз, введение в иранскую филологию. К счастью, я была освобождена от платы за ученье, иначе я не смогла бы учиться.

С 3 июня 1920 года я, расставшись с переплетной мастерской, начала работать в Туркестанской Публичной библиотеке в качестве библиотекаря по 18-й категории, с зарплатой в 4.800 рублей в месяц. Библиотека была организована на базе местного

* Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) – выдающийся русский востоковед.

Краеведческого музея. Я помню, что в детстве мы ходили в этот музей. Перед входом стояли две каменные бабы. Таких баб было много на территории Средней Азии.

В 1918 году, когда библиотекой стал заведовать Н.Н. Кулинский, он пригласил на работу виднейших специалистов библиотечного дела в Ташкенте, таких как Е.К. Бетгер, Н.А. Буров, А.А. Метленков, наша мама и др.

Евгений Карлович Буров был также видным библиографом и краеведом, а А.А. Метленков – крупнейшим каталогизатором.

Все они были моими учителями в библиотечном деле и, конечно, в первую очередь мама, с которой мы постоянно говорили о насущных делах и задачах библиотеки. Штат был очень небольшим, но все были как-то по-особому преданы своему делу, так как понимали значение Публичной библиотеки для развития культуры Средней Азии.

Взросшему интересу к истории родного края и сопредельных стран способствовало открытие в Ташкенте высших учебных заведений и приезд крупных ученых, интересовавшихся и богатым рукописным собранием библиотеки, и отделом краеведения, да и другими. Но отделы еще только начинали приводиться в порядок, а настоящих каталогов, по существу, не было, о чем с возмущением писал академик Бартольд. Естественно, что все это вызывало большое беспокойство у сотрудников библиотеки. Вопросы каталогизации и классификации горячо обсуждались с привлечением крупнейших специалистов по разным отраслям знания. Е.К. Бетгер неустанно и с одинаковым рвением доказывал, объяснял и консультировал по вопросам десятичной классификации. Мы обслуживали читателей по систематическому каталогу и срочно дублировали карточки для организации алфавитного каталога, представляли фонды. Почерк у меня был крупный и прямой, и я усердно писала карточки и выдавала книги, часто по памяти, не пользуясь каталогом.

Библиотека была для меня как бы вторым домом, где проходили юные годы и где ко мне все относились необыкновенно любовно. Работа в библиотеке мне очень нравилась еще потому, что я работала в книгохранилище, где могла брать для чтения любые книги. Только зимой там было нестерпимо холодно, так как помещение не отапливалось, и руки от холода распухали и покрывались болячками.

Здесь я уже почувствовала себя совсем взрослой; после тифа я не стала отращивать косы, а носила модную прическу – короткие локоны. Одевалась я по-прежнему в белые подкрахмаленные платья, но уже ходила в туфлях на высоченных каблуках. Надо сказать, что я была ужасная хохотушка и покатывалась со смеха от любого пустяка.

Старый город

Когда я училась в университете, я завела себе подругу – молодую даму, очень веселую, но пустенькую. Изменяла она своему мужу несомненно, но тогда я этого не понимала. Мы очень любили друг друга и часу не могли пробыть одна без другой. Муж ее, умница, юрист, но Квазимодо, восхищался мною: я, мол, и умна, и образованна, и остроумна, а я-то старалась, болтала и смеялась без передышки. Думаю, что я была удобной ширмой для Ниночки. Гуляли мы компанией до глубокой ночи, часто ходили в старый город, где садились на глиняную ограду и философствовали, озаренные луной. Приходя домой, я стучала к папе в окошко, и он открывал мне дверь.

Прогулки в старый город были заманчивы, но нас с Таней одних не пускали. Там улиц не было, а всё глинобитные переулки-тупички, в которых было легко заблудиться. Наш дом был почти на границе со старым городом. Это место называлось Урда. На Урду мы ходили за дынями, которые возвышались огромными горами, всех сортов.

А восточный базар – что может быть интереснее! Весь базар крытый, и все товары лежат на виду, причем для каждого товара – свой ряд: ряд ковров, ряд медных изделий, ряд шелковых тканей и шарфов, которые свешиваются сверху, образуя красивые узоры, ювелирный ряд и т.д. Продавцы сидят перед лавками, поджав под себя ноги. Здесь же толпятся покупатели, продаются пирожки с кониной и перцем, жаренные в котле, прикрытом грязным ватным одеялом, и все-таки ничего нет вкуснее; так же в особом ряду стоят бочки со взбитым медом, жарится шашлык и т.п. Караванами проходят верблюды, останавливаются всадники, свешиваясь с крупов лошадей и ослов, тут же становятся на молитву – прямо посреди базара на молитвенных ковриках. Вообще, побывать здесь – это удовольствие.

Экскурсия в Самарканд

Необыкновенно интересной для меня была экскурсия в Самарканд, организованная в 1922 году не то университетом, не то Восточным институтом. Мама очень боялась отпустить меня, так как я ничего не понимала в деньгах, а дома денег было мало, чтобы дать мне достаточно, а может быть, были и другие причины ее беспокойства, но удержать меня было невозможно, и я поехала. Красота Самарканда меня потрясла настолько, что до сих пор сохранились неизгладимые впечатления. Мы ходили в обсерваторию Улугбека, делали археологические раскопки, разглядывали битые черепки, читали надписи на мечетях и слушали объяснения В.В. Бартольда, который возглавил эту экскурсию. Студентам дали для пропитания огромную бочку фруктового меда – бекмесса и лепешки. И я умудрилась питаться только этим и, таким образом, сберегла все данные мне деньги, на которые купила большой кувшин меда и, не потратившись, вернулась домой, изумив домашних.

На обратном пути я соскочила с поезда, чтобы нарвать цветов с моего любимого дерева «лох», или джида, но не успела добежать обратно, как поезд тронулся. Я потеряла туфель, но, уцепившись за последнюю цистерну, все же доехала.

Большое впечатление в Самарканде на меня произвели прокаженные. Они жили где-то поблизости и в город не ходили, только их собаки прибежали на базар, чтобы что-нибудь стащить. Ободранные, страшные собаки, как правило, на трех ногах, без ушей и т.п.

Но во время больших праздников все прокаженные, которые могли двигаться, приходили молиться в мечеть и шли по городу огромной, рваной и страшной толпой...

(Продолжение следует).

Элеонора ШАФРАНСКАЯ

Николай Каразин: известный, забытый, возвращенный

«Он не был запрещенным писателем – он не был изруганным писателем – он как бы не существовал»¹...

Этот пассаж из мемуарной прозы Руфи Зерновой значим для данной статьи как посыл, ведущий к классификации ряда писателей (хотя личность А. Грина, о котором повествует Р. Зернова, к дальнейшему изложению отношения не имеет).

...В 1905 году появилось полное двадцатитомное собрание сочинений Николая Николаевича Каразина (1842–1908). Первый изданный после этого сборник его избранной прозы датирован 1993 годом (до этого были публикации лишь детских книжек Каразина). В предисловии к сборнику 1993 г. Г. Цветов пишет:

«Видимо, с выходом этой книги творения Н.Н. Каразина можно будет отнести к “возвращенной литературе”. <...> ...Идеологически отточенный глаз советских издателей узрел опасные политические просчеты даже у Николая Каразина, из-за которых художник и был предан забвению, казавшемуся оправданным, заслуженным, справедливым. Еще бы! Ведь не кто иной, как Н. Каразин, сподобился запечатлеть “Путешествие Наследника Цесаревича на Восток”, о котором в конце прошлого века (XIX в. – Э.Ш.) писано было, что в нем “талантливой кистью набросаны разные виды и сцены из этого знаменательного путешествия. Рисунки прекрасно гравированы в Лейпциге и в общем не уступают лучшим иностранным изданиям”. <...> Этого оказалось достаточно, чтобы творческое наследие художника серебряной взблескивающей монеткой устремилось на дно Леты. В вечное забвение...»².

При жизни Каразина о нем много писала критика. Так, параллельно с публикацией его романов и очерков в журнале «Дело» печатаются рецензии, разборы его текстов – порой острые, нелицеприятные, но содержащие однозначную оценку: Каразин – явление самобытное, узнаваемое. К слову, при жизни писателя переведены несколько сборников его прозы: на немецкий – «Ак Токмак. Очерки нравов Центральной Азии», опубликованные в «Deutsche Rundschau» в 1875 г., «Der Zweibeinige Wolf» – «Двуногий волк» (1876); на французский – «Scènes de la vie terrible dans l'Asie centrale» – «Сцены ужасной жизни в Центральной Азии» (1880) и «Le Pays ou l'on se battra: voyages dans l'Asie Centrale» – «Страна, в которой сразимся: поездки в Центральную Азию» (1879). Возможно, были и другие переводы, – это лишь то, что удалось найти.

Открываем литературные энциклопедии доинтернетной эпохи – имя Н.Н. Каразина отсутствует. Однако в ранний советский период он все же удостоен статьи в Литературной энциклопедии (1931), изданной Комкадемией, под ответственной редакцией А.В. Луначарского: составитель статьи, В.Б. (В. Баскаков), ссылается на дореволюционные источники: «Русскую словесность с XI по XIX ст.» А.В. Мезьера (СПб., 1902) и «Источники словаря русских писателей» С.А. Венгеровой (СПб., 1910). Эта статья стала вердиктом советских времен, уничтожившим Каразина как писателя. Вот фрагмент энциклопедической презентации-приговора:

«К. изображал купцов, предпринимателей, аферистов, к-рые бросились в Среднеазиатские владения в погоне за легкой наживой. Жестокая борьба этих рыцарей первоначального накопления друг с другом на почве конкуренции – обычная тема его произведений. К. менее всего интересуется угнетенными и бесправными “инородцами”. Среди русских писателей прошлого он – один из немногих – является ярким представителем колониального романа. У К. заметно пристрастие к кричащим эффектам и мелодраматической фабуле»³.

Как видно из цитаты, текст составлен в стилистике так называемого вульгарного социологизма, с его классовыми акцентами, взаимосвязью социальной ниши писателя (в статье подчеркнуто дворянское происхождение Каразина) и его творчества.

Упомянутые в статье «кричащие эффекты» – вероятно, составители имели в виду этнографизм сюжетов Каразина, – это, пожалуй, самая яркая, делающая его прозу неповторимой черта. Она завораживает и современного читателя, а уж тогдашнего, для которого Каразин был Колумбом Средней Азии, думаю, и подавно. Называть любовные сюжеты «мелодраматической фабулой» – этого принижающего «комплимента» может быть удостоен, при желании, любой любовный сюжет. По поводу того, что Каразин «менее всего интересуется угнетенными и бесправными “инородцами”», – при жизни писателя критики, свободные от прессинга советской идеологии, писали совершенно противоположное – в частности, о пристрастии Каразина к изображению местных народов, на которых, как указывал литературный критик П.Н. Ткачев, «он и сосредоточил свое внимание»⁴.

Таким образом, энциклопедическая статья 1931 г. о Каразине, откровенно тенденциозная, исключала его из русского литературного ряда. Но причин, объясняющих его дальнейшее забвение, статья не содержит. Скорее, они были в другом – в плоскости идеологической. СССР наследовал от Российской империи, по преимуществу, всю территорию в ее прежних границах – в частности Русскую Среднюю Азию (или Туркестанский край), возникшую под таким именованием в результате военной экспансии. Процессы, происходившие в этом регионе до 1917 г., было позволительно именовать колонизаторскими, но после – это стало называться «добровольным процессом вхождения», хотя захват окраинных территорий Средней Азии продолжался прежним способом и после установления советской власти. То, как это воссоздано в прозе Каразина – очевидца, участника русско-туркестанского проекта, – скорее всего, противоречило тем пропагандистским мифам, которые тиражировались на протяжении всего советского XX века. Да и ныне реакция на колониальную или постколониальную русскую литературу в некоторых профессиональных сообществах такова: если не откровенное неприятие, то замалчивание, – сказывается советская интенция. Хотя необходимо, думаю, эти процессы и образования называть прозрачно.

Колониальным может быть названо творчество широко известного (в отличие от Каразина) В.В. Верещагина – популярного как живописец, но не литератор. Немалое по объему литературное творчество Верещагина не известно широко – думаю, по тем же

причинам. О картинах его можно было еще спорить: кто их создатель – пацифист или приверженец империи?⁵ Литературные же тексты Верещагина однозначно свидетельствуют: он был именно приверженцем империи.

Проза Каразина в его время была вполне резонансной. Так, при чтении романа «Погоня за наживой», написанного в 1876 г. и не ставшего хрестоматийной «классикой», в сознании современного читателя не может не всплыть фрагмент из созданной позже каразинского романа повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (1889). Сцену внезапного возвращения из командировки Позднышева, когда он застаёт свою жену с предполагаемым любовником, – точь-в-точь, до мельчайших деталей, – находим в каразинской «Погоня за наживой»: Ледоколов застаёт свою жену таки с любовником. Толстому не мог не быть знаком этот роман Каразина, публиковавшийся в петербургском журнале «Дело». А личное любовное фиаско Ледоколова, нашедшего единственный выход, как спасение от самоубийства, – отправиться в Ташкент, – не могло не быть одной из предпосылок сюжетного поворота у Толстого в «Анне Карениной» (биография Вронского) (последние главы романа Толстого опубликованы в журнале в 1877 г., книга вышла в 1878 г.).

О деталях знакомства или общения Толстого и Каразина сведений сохранилось немного, однако известно, что они переписывались. Так, есть следующее упоминание в письме Толстого к дочери (октябрь 1893 г.): «...получил от Каразина письмо с просьбой сказать свое мнение об иллюстрациях Севера, и посылает несколько экземпляров альбома»⁶. Ответ Толстым был послан, но ни письма, ни его содержания не сохранилось.

Каразинский Лопатин («Погоня за наживой»), предприниматель, нувориш конца XIX в., выписан настолько выпукло, объемно, вширь и в глубину психологизма, что этот образ не мог не стать для читателей своего времени образом-символом и, вполне закономерно, – одним из истоков-прототипов чеховского Лопухина из «Вишневого сада». Не говоря уже о другой каразинской находке, «заговорившей», например, в рассказе Чехова «Крыжовник»:

Каразин. Погоня за наживой (1876)

«Все живое дремлет и спит, забившись от этой мертвящей жары всюду... Ни одной собаки не видно на улице... дремлет только одна паршивая рыжая собачонка и зализывает во сне свою искалеченную лапу. Большая, жирная свинья с полудюжиною поросят одна только бродит по опустелым улицам и, глухо, внушительно крикая, тычет своим рылом во все, что только ни найдет любопытного»;

Чехов. Крыжовник (1898)

«Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед, – того и гляди, хрюкнет в одеяло».

Это не дословное совпадение, но образ атмосферы застоя, мертвой тишины, скуки совпадает у двух авторов однозначно.

Я не располагаю, к сожалению, информацией, которая могла бы засвидетельствовать вышесказанное документально. Но совпадения и генезис последовавших после публикации каразинского романа произведений очевидны без доказательств, – достаточно открыть тексты Каразина.

К слову, Чехов был с Каразиным знаком. Сохранился чеховский текст «Обеды беллетристов», где, в частности, сказано: «Вчера, 12 января (1893 г. – Э.Ш.), почти все наши беллетристы, пребывающие теперь в Петербурге, собрались в “Мало-Ярославце”, чтобы

отпраздновать Татьянин день – годовщину старейшего из русских университетов, и положить начало “беллетристическим” обедам, которые, как говорят, будут повторяться ежемесячно, исключая летнего времени. Обедующих было 18... (перечисляются фамилии писателей, среди них – Н.Н. Каразин. – Э.Ш.) <...> Обед прошел весело... отличные отношения... существуют у наших беллетристов...»⁷.

Однако колониальный автор не только фонтанировал оригинальными находками. Сам Каразин позаимствовал основную интенцию своей прозы у Салтыкова-Щедрина, в частности, из его цикла «Господа ташкентцы», главная мысль которого заключена в заглавии: ироничное величание *цивилизаторов* (слово из щедринского лексикона), сатирическое изображение нуворишей или тех, кто стремился стать таковыми по приезду из Ташкента. Не случайно Каразин прозрачно и прямо называет свой роман – «Погоня за наживой». Цивилизатор, по Салтыкову-Щедрину, это тот, «который придет, старый храм разрушит, нового не возведет и, насоривши, исчезнет, чтоб дать место другому реформатору, который также придет, насорит и уйдет...»⁸.

Каразин развивает «цивилизаторский проект»:

«Весьма любопытная сторона... <...> Ну да и край же, я вам доложу, золотой край для всяких торговых предприятий; то есть за что ни возьмись; и ежели при этом еще деньги – ффа! Все это внове, нетронутое, запускай руки по самые локти, гребни знай... Ну, да вот вы сами увидите...»⁹.

Проезжающий господин, потенциальный цивилизатор, делится на станции своим опытом общения с коренным населением:

«...в чем собственно состоит эта спасительная опытность? <...> – Нагайка? – Она самая. Вот вам альфа и омега путевой премудрости»¹⁰.

В романе «Погоня за наживой» есть деталь – рассылаемое приглашение на бал; помимо информации о времени и месте,

«добавлялось, что бал этот имеет, между прочим, целью слияние национальностей, победителей и побежденных, а посему первые приглашались по возможности способствовать достижению этой благой цели, занимая туземных гостей и *объясняя им главнейшие преимущества цивилизованной общественной жизни* перед их полудиким, варварским бытом»¹¹ (курсив мой. – Э.Ш.).

Каразин, в отличие от Верещагина, показал в своей прозе обоюдную жестокость «цивилизаторов» и туземного населения:

«Посмотрите! – указал я адъютанту на что-то яркое, лежавшее в густом винограднике. Мой спутник задрожал и побледнел как полотно. Да и было отчего.

Это что-то было женщиной, даже не женщиной, а ребенком лет четырнадцати, судя по формам почти детского тела. Она лежала навзничь, с широко раскинутыми руками и ногами; лиловый халатик и красная длинная рубаха были изорваны в клочья; черные волосы, заплетенные во множество косичек, раскидались вокруг головы, глаза были страшно открыты, судорожно стиснутые зубы прикусили конец языка; под туловищем стояла целая лужа крови.

Даже казаки переглянулись между собою и осторожно отъехали, отвернувшись от этого раздирающего душу зрелища.

А вот и наш поплатился: из какой-то очень небольшой дверки, ведущей в землянку, торчали две ноги, обутые в русские подкованные сапоги. Эти ноги были неподвижны. Казаки ухватились за них и принялись тащить наружу. Вытащили. Смотрим, ничего не разберем: только и осталось человеческого, что одни ноги, все остальное буквально измолочено тяжелыми кетменями»¹²;

«Страшный вид представляла эта деревня: вся улица засорена всевозможным хламом, всюду гниют неубранные, разбухшие от июльской жары трупы. ...Многим пришлось взглянуть на дело рук своих более трезвым, неподкупным взглядом»¹³ («Зарабулакские высоты»).

Делать публично доступными и тиражировать тексты Каразина, содержание которых явно противоречило советской парадигме «дружбы народов», Главлит, вероятно, считал невозможным (хотя никаких отдельных циркуляров, связанных с именем Каразина, найти не удалось).

«В области художественной литературы... ликвидировать литературу, направленную против советского строительства... <...> Можно и должно проявлять строгость по отношению к изданиям со вполне оформившимися буржуазными художественными тенденциями литераторов. Необходимо проявлять беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам...» (7 марта 1927 г.; цитата из Вики-статьи о Главлите).

Такуековечил направления работы Главлита ее начальник – П.И. Лебедев-Полянский, один из редакторов той энциклопедии, где в последний раз упомянут Каразин-литератор.

Вернусь к началу – к воспоминаниям Руфи Зерновой: «В шестидесятые годы Грина издали – полное собрание сочинений. Сделали фильмы. Он стал безопасен – его сочли безопасным»¹⁴.

Есть надежда, что знакомство читателей с Каразиным-литератором не ограничится одной книгой 1993 г. и издатели сочтут его прозу безопасной.

Если вводить имена упомянутых здесь колониальных русских писателей – Верещагина и Каразина – в общемировой колониальный дискурс, считанный и проанализированный заново Эдвардом Саидом в «Ориентализме»¹⁵, то места распределятся так: Верещагин – рупор ориентализма, Каразин – и да, и нет, скорее, он критик ориентализма, как и Салтыков-Щедрин.

Примечания

¹ Зернова Р. Это было при нас. – Иерусалим, 1988. – С. 115.

² Цветов Г. Забытая слава // Н.Н. Каразин. Погоня за наживой: Роман, повести, рассказы / Сост. А.А. Мачерет. – СПб.: Лениздат, 1993. – С. 5.

³ Литературная энциклопедия / Ред. коллегия: П.И. Лебедев-Полянский, И.Л. Маца, И.М. Нусинов и др.; отв. ред. А.В. Луначарский. – М.: Ком. академия, 1931. – Т. 5. – С. 107-108.

⁴ Никитин П. Ташкентские рыцари (Повести и рассказы Н.Н. Каразина. Иллюстрированное издание) // Дело. – 1874. – № 11. – С. 19.

⁵ См.: Бобриков А.А. Этнографический эпос. Туркестанский Верещагин // А.А. Бобриков. Другая история русского искусства. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 368.

⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В.Г. Черткова. – М.; Л.: Худож. литер., 1928–1958. – Т. 66. – С. 408.

⁷ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 16. – С. 259.

⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. литер., 1970. – Т. 10. – С. 267.

⁹ Каразин Н.Н. Погоня за наживой: Роман, повести, рассказы / Сост. А.А. Мачерет. – СПб.: Лениздат, 1993. – С. 35.

¹⁰ Там же. – С. 46.

¹¹ Там же. – С. 248.

¹² Там же. – С. 492–493.

¹³ Там же. – С. 496–497.

¹⁴ Зернова Р. Это было при нас. – Указ. изд. – С. 116.

¹⁵ Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006.

Рубен НАЗАРЬЯН

«Поставить виноделие на должную степень совершенства...»

О самаркандском виноделе Дмитриии Филатове

От редакции. Отношение Православия к потреблению алкоголя хорошо известно: «...Ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 10). Также известно, что само по себе виноделие Церковью никогда не осуждалось. Вино дозволялось в незначительных дозах как лекарство, – так, ап. Павел советовал своему ученику Тимофею: «Впредь, пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5, 23); вином причащаются христиане во время Литургии. «Вино дано для веселия», писал святитель Иоанн Златоуст; «не презирай вина, но презирай пьянство» (57-я беседа на Евангелие от Матфея).

Публикуя статью известного самаркандского историка и литературоведа Р.Г. Назарьяна о Дмитриии Филатове – человеке, сыгравшем значительную роль в развитии промышленного виноделия в Средней Азии, ВС надеется, что она будет воспринята не как скрытая «пропаганда нетрезвого образа жизни», а как малоизвестная, но очень интересная страница истории Узбекистана.

В Самарканде и поныне существует предприятие, которое горожане по традиции продолжают называть винзаводом имени Ховренко. Фамилия эта, правда, сегодня уже никому ни о чем не говорит, а завод стал именоваться акционерным обществом открытого типа. В прежние времена самаркандский завод был известен далеко за пределами Узбекистана. Его продукция неоднократно удостаивалась золотых и серебряных медалей на престижных всесоюзных и международных выставках, отмечалась специальными дипломами и наградами.

В 1930-е годы здесь трудился профессор М.А. Ховренко, известный в стране винодел. Его стараниями и подвижнической деятельностью в Самарканде были созданы марки вин, вошедшие в историю виноделия. Вполне естественно, что после смерти Ховренко имя его было присвоено заводу, на котором долгие годы работал этот энтузиаст. В последующее время стало вполне привычным связывать историю названного предприятия и все его успехи лишь с именем «красного профессора».

Труды и заслуги М. Ховренко в деле развития самаркандского виноделия очевидны и неоспоримы; но справедливости ради следует воздать должное памяти человека, подлинная роль которого в этой отрасли туркестанской промышленности известна далеко не всем.

Человек этот – Дмитрий Львович Филатов.

...В 1865 году русские войска находились на подступах к Ташкенту. Овладев Чимкентом, генерал М.Г. Черняев расположил здесь свою штаб-квартиру и стал готовиться к штурму стратегически важнейшего города Средней Азии.

Весной того же года в Чимкент прибыл небольшой караван верблюдов. Караван преодолел опасный и сложный путь из Ак-молы (ныне – столица Казахстана Астана). Через бездорожье, пески и степи привел его сюда молодой купец Дмитрий Филатов, служивший маркитантом при российском экспедиционном корпусе. Караван, кроме прочего, привез в Чимкент, где было расположено тогда российское воинство, спирт. Молодой торговец, только начинавший свою карьеру, еще не имел в то время собственных капиталов и пользовался материальной поддержкой бывшего откупщика Поклевского-Козелля. Привезенный спирт был быстро распродан – Филатов хорошо знал вкусы и потребности солдат.

Вскоре, 15 июня 1865 года, генерал Черняев приступом взял Ташкент. Сколотивший приличный барыш от продажи спирта акмолинский купец поселился в Ташкенте и стал торговать там различными спиртными напитками и закусками. Филатов очень скоро разбогател, продавая солдатам дешевую водку по цене в один рубль 20 копеек за бутылку. Эта немисливо высокая по тем временам цена объяснялась отсутствием всякой конкуренции – Филатов был здесь монополистом.

Кроме водки он стал приторговывать и наспех выделанным из местного винограда вином, бутылка которого стоила в его лавке от 40 до 50 копеек. Завистники и недоброжелатели молодого, но напористого и предприимчивого купца позднее утверждали, что Филатов создал свой первоначальный капитал, якобы сбывая клиентам колбасы и сыры по баснословной цене в один рубль и выше за фунт. В Ташкенте деньги текли к нему безостановочно: российское офицерство, получая большие оклады во время войны, не скупилось на покупку дорогих вин и закусок.

Сам же предприниматель, вспоминая об этом времени, писал:

«Прибыв в Ташкент в 1865 году, на второй год по занятии его русскими войсками, я, в числе первых, основал здесь торговое предприятие, а затем, по мере движения наших войск на юг и восток и занятия ими Бухарских, Хивинских и Кокандских владений, открывал во всех городах для удовлетворения потребностей первых русских поселений торговлю необходимейшими товарами, которые при тех первобытных, беспокойных еще сообщениях, какие существовали здесь в первые годы, зачастую пропадали».

Три года спустя, в мае 1868 года, вместе с войсками генерала К.П. фон Кауфмана Дмитрий Филатов вошел в Самарканд и остался здесь навсегда.

Время, проведенное в Средней Азии, обогатило его не только жизненным опытом, но и профессиональными качествами. И Филатов, поднаторевший в изготовлении спиртных напитков, решил завести в Туркестане промышленное виноделие, стать пионером этой, доселе неизвестной в крае, отрасли.

Создав на первых порах лишь небольшое кустарное производство, он уже через несколько месяцев (в сентябре того же 1868 года) приступил к профессиональной выделке вина, получив первую тысячу ведер этого напитка из местных сортов винограда.

Продукция эта пользовалась в Самарканде широким спросом, что позволяло Филатову постепенно расширять свое производство. Его небольшое предприятие стало первым русским винно-водочным заводом в крае. Не желая зависеть от поставщиков сырья, Дмитрий Львович дополнительно скупил земельные участки в пригородных селах Со-

чак, Курганча и Балхион и заложил там собственные плантации винограда. Его уже не удовлетворяли только местные сорта, и потому он, невзирая на трудности и немалые затраты, стал выписывать и привозить в Самарканд европейские – итальянские и венгерские, американские, кавказские и крымские сорта винограда.

Филатов сразу же приступил к культивации привезенных виноградных лоз. Именно ему принадлежит заслуга появления в Туркестанском крае таких сортов винограда, как саперави и рислинг, пти-вердо, каберне-савиньон и мускат венгерский. Дмитрий Львович завел на своих плантациях и питомник, где выращивались, а затем реализовывались по очень низким ценам саженцы элитных сортов местного и европейского винограда. В последующие годы он разослал во все концы Туркестанского края, в Хивинское ханство и Бухарский эмират, а также в ряд европейских винодельческих стран несколько сотен тысяч чубуков акклиматизированных им в Самарканде виноградных лоз.

Расширялся и ассортимент производимых им вин. Наряду с винами, изготовленными из сортов самаркандского винограда, – «Пули-Сафед», «Сиаб-Чашма», «Чарас», «Хусайне», «Ходжа-Ахрар», «Карши», «Султани», «Сочак», «Вассарга», «Бишты», «Маска», «Бахтияри» и «Ханское сладкое», на заводе Филатова производились и весьма популярные вина европейских марок – «Сотерн», «Каберне» и «Рислинг», «Мускат» и «Пти-Вердо».

Высаженные Дмитрием Львовичем в Самарканде и его окрестностях европейские виноградные лозы не только не выродились, но даже улучшились, прижились в местных условиях настолько, что черенки их все охотнее приобретали как самаркандские, так и заезжие виноградари. А чуть позднее эти черенки стали вывозить и за пределы России.

Филатов постоянно совершенствовал свои знания в избранной отрасли, самолично выезжая в европейские страны (Франция, Германия, Венгрия, Швейцария), изучая постановку виноградарского дела в Кавказском и Крымском регионах России. В результате таких поездок на его предприятиях было не только установлено современное оборудование, но и внедрены передовые методы и технологии. Понимая, что становление новой отрасли невозможно без помощи профессиональных виноделов, которых в Туркестанском крае попросту не было, целеустремленный промышленник, не считаясь с материальными затратами, приглашал на работу в Самарканд лучших виноделов Крыма, Бессарабии и Кавказа. Нередко сюда приезжали для консультаций и ведущие мастера виноделия из европейских стран.

Однако, прожив более десяти лет в Самарканде и став одним из крупнейших предпринимателей края, Филатов официально все еще продолжал оставаться иногородним купцом, что лишало его немалых льгот и привилегий. Желая получить местный статус, винодел подал соответствующее прошение на имя военного губернатора Самаркандской области и вскоре добился своего.

В Центральном государственном архиве Узбекистана (ЦГА РУз) сохранился датированный 7 марта 1881 года документ, гласящий:

«Акмолинский 2-й гильдии купец Дмитрий Львович Филатов, 36 лет (возраст указан ошибочно: к тому времени Филатову исполнилось уже 43 года. – Р.Н.), вероисповедания православного, с семейством его: матерью Анастасией Яковлевой, 69 лет, женою Марьей Савельевой (правильнее – Мария Савельевна Рябухина. – Р.Н.), 33 лет (на деле – 35 лет. – Р.Н.), братьями Андреем, 55 лет, Иваном, 35 лет, женою Андрея Александрой Федоровой, 34 лет, сыном их Александром, 6 лет, и женою Ивана Степанидою Ивановой, 31 года, их детьми Александрой, 12 лет, и Анастасией, 11 лет, согласно просьбе и на основании доклада Окружной Канцелярии от 16 февраля сего года за № 466, как имеющий в Самарканде недвижимое имущество и постоянную торговлю, п р и ч и с л е н с 1-й половины текущего года к Самаркандскому купеческому обществу» .

Виноделие приносило Филатову баснословные прибыли, что позволяло ему вести дело на широкую ногу. Уже к началу 1880-х годов ему принадлежали десятки магазинов, питейных заведений и жилых домов в крупнейших городах Туркестанского края – Самарканде и Ташкенте, Катта-Кургане и Джизаке, Коканде и Ходженте, Оше и Новом Маргелане (ныне – Фергана), Коканде и Ура-Тюбе, а также в Акмолинске.

Кроме вина, водки и различных ликеров, в этих магазинах всегда можно было приобрести разнообразные «колонияльные товары» (например, китайский, индийский и цейлонский чай), а также всевозможные гастрономические и бакалейные изделия, сигары и табак, папиросы, мыло и свечи.

Предприимчивый и неутомимый Филатов был пионером и в области хлопководства в Туркестанском крае. Именно он первым стал выписывать из Америки семена хлопчатника сорта Упланд, заменив ими местные низкопродуктивные сорта. Он же привез в Туркестан и первый джин для очистки волокна, который позднее уступил, по настоятельной просьбе начальника Зарафшанского округа генерала А.К. Абрамова, Самаркандской казенной хлопковой плантации. Опыт Дмитрия Львовича с американским хлопчатником вполне удался. Часть первого сбора этого хлопка была экспонирована на Политехнической выставке 1872 года в Москве, а весь остальной урожай был там же оптом продан братьям Малютиным.

Это был первый промышленный хлопок «американских кровей», полученный русским предпринимателем в Туркестанском крае.

Не менее удачным обещало стать и другое начинание Филатова: пожелав завести в Самарканде чайную плантацию, он выписал из Китая семена чайного дерева и посадил их в своем питомнике. Довести дело до сбора чайного листа не удалось лишь потому, что в его отсутствие никем не контролируемый садовник проигнорировал положенные технологические нормы и своим дурным уходом попросту погубил задуманное предприятие.

Несмотря на разнообразие промышленных интересов Филатова, главным его делом оставалось виноделие. Дмитрий Львович не только пользовался услугами опытных мастеров, но и сам неустанно совершенствовал свои знания в избранной отрасли. На территории принадлежавшего ему завода он соорудил специальный погреб, в котором хранил привезенные им образцы лучших европейских и российских вин. Лишь в 1964 году это хранилище было случайно обнаружено. Разобрав замурованный кирпичом вход, работники винзавода попали в помещение, где увидели стеллажи с сотнями бутылок различных сортов вина. Все они прекрасно сохранились, несмотря на то, что возраст многих из них давно перевалил за столетие. Уникальная филатовская коллекция и поныне является единственной и ценнейшей в регионе Средней Азии...

Филатов приобрел всероссийскую известность как крупнейший винодел Туркестана и один из богатейших предпринимателей края. Если в 1881 году его завод произвел лишь 1200 ведер вина, то уже в 1890-м году цифра эта увеличилась до 16000, а в 1900-м году Филатов изготовил более 70000 ведер разнообразных вин. К этому времени в Самарканде ему уже принадлежали, кроме двух крупных винных заводов, еще коньячно-винокурный и спиртоводочный заводы.

В 1888 году филатовские вина были «удостоены к принятию к Высочайшему двору Его Императорского Величества Александра 3-го». Свидетельством тому служит любопытный документ, сохранившийся в Центральном государственном архиве в Ташкенте (ЦГА РУз). В самом конце 1888 года Филатов получил письмо из Путевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха, в котором сообщалось:

«...Главный начальник Туркестанского края, согласно высказанному ему желанию Государя Императора, имел счастье представить Его Императорскому Величеству для пробы несколько буты-

лок белого виноградного вина (Султани) Вашего изделия. Его Императорское Величество соизволил лично объявить Его Высокопревосходительству, что он удостоил отведать означенное вино, и, найдя его по вкусу и достоинствам хорошим, соизволил лично высказать по этому поводу свое удовольствие Его Высокопревосходительству».

В ответной телеграмме, посланной главе Туркестанского края Н.О. Розенбаху, Филатов, поздравив генерала с наступающим Новым годом, выразил ему глубокую благодарность за, как он писал, оказанное «мне счастье удостоением представления моих вин винограда Туркестана Его Величеству Государю Туркестанскому...».

Тем самым самаркандский винодел становился отныне официальным поставщиком двора российского императора Александра III, что сулило немалые льготы и привилегии. До Филатова еще ни один местный предприниматель не был удостоен столь высокой чести.

Имея обширные виноградные плантации в окрестных кишлаках, Дмитрий Львович «развернулся» и в самом Самарканде, выкупив обширный участок земли вокруг своего завода и разбив там новые плантации. По сведениям Самаркандского отделения Русско-Азиатского банка России, «латифундия Филатова на Черняевской улице (ныне Махмуда Кашгари – Р.Н.) с домами, подвалами и виноградниками» занимала пространство в 19 тысяч квадратных саженей (более 40 тыс. квадратных метров). По документам того же банка только недвижимое имущество самаркандского винодела в 1912 году оценивалось цифрой, превышавшей один миллион рублей, а общий оборот его торгово-промышленной деятельности в Туркестанском крае превысил 200 миллионов рублей.

Помимо своего основного занятия – виноделия, Филатов уделял много времени и сил общественной деятельности. Он долгое время был городским головой и председателем Сиротского суда города Акмолинска в Западной Сибири, почти четверть века являлся активным членом Самаркандского и Ташкентского попечительных о тюрьмах комитетов, членом учетного комитета Ташкентского отделения Государственного банка, членом обществ Красного Креста в Ташкенте и Самарканде, членом-учредителем детского приюта имени Кауфмана и некоторых других благотворительных фондов и организаций Туркестанского края*.

Дмитрий Филатов знаменит еще и тем, что стал первым изготовителем коньяка в Среднеазиатском регионе: коньяк этот был впервые произведен в Самарканде более ста лет назад – в 1895 году.

О высоком качестве местных вин и коньяков свидетельствуют награды, полученные Филатовым на крупнейших отечественных и международных выставках. Продукция его предприятий получила известность в Европе и создала славу Самарканду как одному из крупнейших центров российского виноделия. Вина и коньяки, произведенные на филатовских заводах, удостоились восьми серебряных и тринадцати золотых медалей на крупнейших международных и всероссийских выставках.

Вот что писала газета «Туркестанские ведомости» осенью 1894 года:

«Д.Л. Филатов, самый крупный винодел нашего края, получил на бывшей недавно Всемирной выставке в Антверпене две награды: золотую медаль за отличное качество его вин и серебряную медаль за коньячный спирт. Как мы слышали, ни кавказские виноделы, ни бессарабские, ни крымские не получили такой значительной награды.

Отметим здесь также еще две из последних полученных господином Филатовым наград, а именно: диплом на серебряную медаль 1-го класса, присужденную на 1-ой Международной выставке алкоголя и продуктов брожения, бывшей в Париже в 1892-м году, – за отличное качество белых и красных вин; высшую награду, почетный диплом на большую золотую медаль на Парижской международной выставке 1893 года «Прогресс» – за высокое качество вин и спирта».

Вскоре та же газета сообщила своим читателям, что Дмитрию Филатову на Туркестанской выставке 1894 года в Ташкенте присуждена еще одна золотая медаль: за высокое качество коньяка (медаль была присуждена за опытные – пробные – образцы коньяка). И на всех последующих выставках в столице края, непременным участником которых был самаркандский винодел, его продукция постоянно отмечалась высшими наградами.

К каждой из таких выставок, регулярно проводившихся в Ташкенте, Филатов выстраивал собственный павильон, в котором были представлены не только его вина, но и производимые им спирты, водка и табачные изделия. В отчете о выставке 1890 года, изданном отдельной книжкой, его автор, редактор газеты «Туркестанские ведомости» полковник Н. Маев писал:

«Павильон Д.Л. Филатова выдается в числе других своим изящным видом: то же было, впрочем, и на предыдущей выставке 1886 года. Филатов известен, главным образом, как деятельный и крупный винодел, не жалеющий ни трудов, ни затрат, чтобы поставить избранную им отрасль производства, виноделие, на должную степень совершенства. И вина Филатова, действительно, считаются в числе лучших».

В Самарканде Дмитрий Филатов владел добрым десятком домов в европейской и азиатской частях города – на улицах Джамской и Эспланадной, Пенджикентской, Михайловской и на Лагерном шоссе. Помещения эти либо сдавались внаем под жилье офицерам, чиновникам и купцам, либо в них располагались конторы российских и иностранных коммерческих и транспортных предприятий и различных фирм.

Для себя же Дмитрий Львович выстроил небольшой, но довольно внушительный по тем временам особняк на Черняевском проспекте Самарканда.

Особняк выгодно отличался от однообразных строений города. Большинство самаркандских предпринимателей при строительстве своих предприятий преследовали, как правило, чисто утилитарные цели. Проект же здания коньячного завода, заказанный Филатовым архитектору Стогову, должен был не только отвечать практическим целям, но и удовлетворять эстетические запросы. Это строение было светлым и, несмотря на свои небольшие размеры, достаточно просторным. Фасад с объемно подчеркнутым входом украшали многочисленные декоративные детали. В полуподвальном помещении особняка находилась богатая коллекция европейских вин, осматривать которую Филатов предлагал всем своим многочисленным гостям. Обычно такой осмотр завершался дегустацией вин и коньяков собственного производства. По заведенной хозяином традиции это происходило на большой, остекленной цветными витражами веранде, которая выходила в ухоженный сад, являвшийся еще одной достопримечательностью Самарканда.

К началу XX века в погребах Дмитрия Львовича постоянно хранилось не менее 40 тысяч ведер разнообразных вин, часть из которых имела выдержку от трех до двадцати пяти лет. С его коллекцией имели возможность ознакомиться не только известные специалисты-виноделы России и Европы, но и высокопоставленные особы – военные губернаторы областей, генерал-губернаторы Туркестанского края, министры российского правительства, члены семьи царствовавшей династии, а также иностранцы, в числе которых был и член Императорского Дома принц А.П. Ольденбургский.

Крупнейший европейский авторитет в области виноделия М.К. Баллас, посетивший в 1898 году Самарканд, дал высокую оценку филатовской продукции. В своем отчете о поездке он писал, что

...самаркандские вина имеют высокие качества ликерных вин, добываемых из мускатов и белого кишмиша. Из рислинга – очень приятные вина, каберне (лафит) дает вина густые, крепкие и тяжелые: столовые сорта самаркандского винограда все безупречны и имеют громадную будущность.

Вино, приготовленное у Д.Л. Филатова из «Алеатико» с бальзамическим букетом, должно быть признано превосходным. Пино белое 1894 года оказалось еще лучшим; густое мускатное сладкое вино 1896 года не уступает высоким сортам портвейна; засим, Ханское белое вино напоминает мускат фронтиньяк... Все эти блистательно удавшиеся многочисленные опыты доказывают возможность приготовления высокого достоинства ликерных и сладких вин...

Побывавший в гостеприимном доме Филатова известный московский промышленник Николай Варенцов (1862–1947) вспоминал:

Филатов меня не отпустил без обеда и угостил вином своего изделия «Lacrima Christi»*, замечательным на вкус: такого вина я ни разу не пил в Италии – его родине. Я попросил Дмитрия Львовича, не может ли он продать мне его несколько десятков бутылок. Он мне отказал, сказав: «Берегу его только для гостей, особо чтимых мною, так как у меня остается его очень мало», – при чем прибавил: несколько месяцев тому назад у него был в гостях великий князь Николай Константинович, которого он тоже угостил этим вином, тому так понравилось оно, что он упрашивал продать ему все, но он ему тоже отказал.

Варенцов также приводит в своих воспоминаниях некоторые любопытные сведения о самом Д. Филатове, с которым познакомился еще в Ташкенте:

Дмитрий Львович Филатов был маленького роста, с длинной бородой, сам себя называл – хитро улыбаясь – Черномором, тем намекая на составившуюся про него славу любимчика дам, но мне казалось, что он сам старался этим рекламировать себя среди любопытных ташкентских дам, любительниц экстравагантностей.

Рассказы Д.Л. Филатова, по свидетельству Н.Варенцова, тоже были чрезвычайно интересны. Он рассказывал, что когда был еще молодым, Азия его крайне интересовала как место, где можно было поохотиться на таких диких животных, каких в других частях России не было. Он проникал далеко в глубь степи, рисковал попасть в плен с последствием сидеть на остром колу. Он охотился на диких лошадей, кабанов, тигров и других хищников, которые в то время водились в достаточном количестве в степях Средней Азии. Его разные наблюдения из жизни хищников и рассказы о способах их ловли были до чрезвычайности заняты. Великий князь Николай Константинович, тоже страстный охотник, находившийся в ташкентской ссылке, слушал Филатова с восхищением, даже добавлял к его словам кое-что, пропущенное Дмитрием Львовичем во время передачи. Окружающим было известно, что великий князь – человек, не терпевший малейшей лжи. Врунов он без всякого стеснения довольно грубо обрывал. Между тем Филатова он уважал и всегда, будучи в Самарканде, заезжал к нему...

Близкий друг и тезка Д. Филатова, купец Захо, был заядлым картежником. Все тот же купец Варенцов слышал, что, принимая как-то у себя гостей, во время игры в тринку он вошел в азарт и проиграл все, что имел: наличные деньги, имущество, дом и магазин, сделавшись сразу нищим. В это время к нему заехал Д.Л. Филатов. Увидев растерянность хозяина и оценив положение, он вызвал Захо в другую комнату и предложил ему отыграть его деньги, если тот даст ему слово, что больше по крупной в карты играть не будет. Захо был вынужден дать ему такое слово. Филатов сел на его место и, обладая твердым и уравновешенным характером, отыграл все, что проиграл Д.Н. Захо. После чего бросил карты на стол и сказал присутствующим: «Клянусь, что карты не возьму в свои руки в продолжение всей своей жизни!». И эту клятву он сдержал, как сдержал свое слово и Дмитрий Захо, впредь никогда не игравший по крупной...

* Lacrima Christi («Слеза Христа») — марка сладкого ароматизированного итальянского вина.

После знакомства в Ташкенте Варенцов навестил Филатова в Самарканде, о чем рассказал в своих мемуарах:

Дмитрий Львович познакомил меня с мадам Вараксиной, с которой он жил как с женой, не будучи повенчан из-за того, что ее первый муж не давал развода. От нее он имел сына, которого очень любил. Мадам Вараксина была уже немолодая, но по чертам ее лица можно было видеть, что она в молодости была красивой.

Заслуги Филатова в области виноделия были по достоинству оценены властями: он получил ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степени, серебряные медали в память царствования императора Александра III, в память коронавания Их Императорских Величеств, за поход в Среднюю Азию, за Хивинский поход на Георгиевско-Владимирской ленте, малую золотую медаль «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте, малую золотую медаль для ношения на груди на Аннинской ленте. Кроме того, Дмитрий Львович был удостоен и ряда зарубежных наград, в том числе персидского ордена Льва и Солнца, бухарских орденов серебряной и золотой звезды.

В самом начале XX столетия потомственный почетный гражданин Филатов обратился с пространном письмом к военному губернатору Самаркандской области В.Ю. Мединскому. Изложив в нем основные моменты своей деятельности, Дмитрий Львович просил генерала содействовать ему в получении звания «коммерции советника»:

...Заканчивая в мае 1901 года 35-летний период своего служения государству, обществу и промышленности Туркестанского края, в которое я вложил всю свою энергию, силы и здоровье, мне было бы приятно получить нравственное удовлетворение в признании правительством моей культурно-промышленной деятельности и удостоении меня, наравне с моими сверстниками, в тех же сферах деятельности, как Иванов, Захо и другие.

Не получив от В.Ю. Мединского ожидаемого содействия, Филатов в мае того же года обратился к высокопоставленному чиновнику канцелярии главы Туркестанского края с аналогичной просьбой. Сетую на то, что ему «положительно не везет с наградами», он жаловался на военного губернатора Самаркандской области, который, по мнению Филатова, искусственно затягивал решение вопроса. Дмитрий Львович напомнил, что уже является потомственным почетным гражданином, что было необходимо для получения желанного звания. Но вот теперь, собираясь отметить 50-летие своей трудовой деятельности, 35 лет которой прошло в Туркестанском крае, он просит передать все его документы непосредственно начальнику краевой администрации, не полагаясь на благосклонность Мединского.

Когда же и этот чиновник уклонился от ответа, Дмитрий Львович вновь вынужден был обратиться к самаркандскому военному губернатору. И тот, почти год спустя, передал главе Туркестанского края просьбу купца со своим ходатайством. Верховный правитель поддержал прошение и попросил переслать ему для рассмотрения все документы Филатова. Чиновничья машина пришла в движение: канцелярия генерал-губернатора запросила Туркестанскую казенную палату о том, купцом какой гильдии является самаркандский предприниматель. Оттуда последовал ответ, что Филатов с 1881 года состоит купцом второй гильдии.

Канцелярия сразу же проинформировала главу края о том, что, в соответствии с существующими в империи законами о состоянии, этот претендент не может стать коммерции советником. К письму приложили выписку из свода законов (том IX, статья 552), гласящую, что только «купцы первой гильдии, состоящие в ней не менее 12 лет сряду, могут быть удостоены... звания коммерции советника». Нарушить этот закон не мог и влиятельный генерал-губернатор края. Дело вновь застопорилось.

И лишь шесть лет спустя, после того, как сменилось несколько областных и Туркестанских губернаторов и Дмитрий Львович уже успел отметить 40-летие своей торгово-промышленной деятельности в Туркестане, последовал долгожданный приказ (от 22 мая 1907 года за № 161), за подписью очередного начальника края генерала Н.И. Гродекова, о том, что «самаркандский 2-й гильдии купец Д.Л. Филатов всемилоостивейше награжден к Св. Пасхе 1907 года званием коммерции советника»...

Жизнь прославленного самаркандского винодела завершилась 3 октября 1914 года, о чем уже 4-го и 5-го октября того же года сообщили общественность ташкентские газеты «Туркестанские ведомости» и «Туркестанский курьер»:

Волею Божиею тихо скончался 3 октября в г. Самарканде коммерции советник Дмитрий Львович Филатов, о чем дети и родственники с глубокой скорбью извещают родных и знакомых. Погребение будет в городе Самарканде 5-го октября.

Объявления о смерти 76-летнего винодела и соответствующие соболезнования были опубликованы и в других газетах края.

Все имущество покойного перешло по завещанию к сыну Филатова, Б.А. Вараксину – по отзывам современников, «довольно молодому и энергичному человеку», который взял дело в свои руки. Кроме самой фирмы, преемнику досталась и «латифундия на Черняевской улице с домами, подвалами и виноградниками около 19000 квадратных саженей».

После Февральской революции 1917 года в Самарканде вместо областного правления был создан исполнительный комитет, в котором пост военного губернатора был заменен на должность областного комиссара. Ее занял некий полковник П. Слинко, заместителем которого «стал самаркандский богач Б. Вараксин». Дальнейшая судьба этого человека мне неизвестна; вскоре все это богатство было национализировано советской властью.

В традициях последующих десятилетий, само имя пионера туркестанского виноделия и его немалые заслуги были забыты и вычеркнуты из истории, а завод, построенный и многократно прославленный Дмитрием Филатовым, получил имя его преемника – профессора Ховренко...*

* В настоящее время справедливость все же восторжествовала: при заводе создан небольшой музей с образцами этикеток, пробок и бутылок филатовского предприятия. Там же выставлены фотографии и свидетельства о наградах, полученных заводом на различных выставках. Отрадно и то, что на самом здании, в котором некогда обитал и принимал своих гостей именитый винодел, появилась надпись – «Дом Филатовых».

Примечания

¹ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 28, д. 517, л. 13.

² ЦГА РУз, ф. 227, оп. 1, д. 52, л. 1.

³ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 11, ед. хран. 546.

⁴ Там же.

⁵ *Маев Н.* Туркестанская выставка 1890 года. Путеводитель по выставке и ее отделах. – Ташкент, 1890. – С. 146.

⁶ *Дылевский А.А.* Опыт обследования виноградников Самаркандской области (Волости: Ходжа-Ахрарская, Сиабская и Ангарская). – Ташкент: Электро-печатня при Канц. Турк. ген.-губ., 1912. – С. 82-83.

⁷ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. Изд. 2-е. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 311.

⁸ Там же. – С. 217.

⁹ Там же. – С. 264.

¹⁰ ЦГА РУз, ф. 227, оп. 1, д. 52, л. 22.

¹¹ Отчет о ревизии Самаркандского отделения Русско-Азиатского банка г-на Б. Лукодянова. 9 сентября 1916 г. // Фототека архива Самаркандского областного краеведческого музея.

Валерий ХАН

«Мы здесь живем из поколения в поколение...»

Диаспоры в современном Ташкенте

От редакции. В июле 2013 года в Ташкенте вышла книга известного философа, историка и этнолога В.С. Хана «Диапорные среды: По материалам г. Ташкента». Книга подготовлена на основе социологических данных, собранных автором, а также сотрудниками отдела этнологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан и другими исследователями на протяжении 2000–2012 годов. С любезного разрешения автора ВС публикует отрывок из этого актуального и содержательного исследования.

Одной из значимых тенденций второй половины XX – начала XXI веков является интенсивный процесс диаспоризации большинства стран мира. Если в 1960 году во всем мире насчитывалось 75,5 млн. человек, проживающих за пределами страны своего рождения, то в 2000 г. – 176,6 млн., а в конце 2009 г. их стало уже 213,9 млн. Согласно оценкам экспертов ООН, в настоящее время каждый 35-й житель планеты является международным мигрантом, а в развитых странах – уже каждый десятый¹. Вопрос о моделях сосуществования и взаимодействия этнических групп, культур и конфессий приобретает глобальный характер, а проблема понимания и конструктивного диалога различных народов и культур выдвигается на передний план среди задач современной эпохи.

После обретения независимости в Узбекистане начался интенсивный процесс нациостроительства, сопряженного с правом самоопределения титульной нации и на практике зачастую – с ее приоритетным развитием. Вместе с этим сфера реализации прав и возможностей этнических меньшинств сузилась. Введение государственного языка², сокращение удельного веса этнических меньшинств в составе населения страны³ и сужение русскоязычного пространства, новый виток коренизации в системе административного управления поставили перед этническими меньшинствами проблему выбора:

- а) пассивной адаптации;
- б) активной интеграции в новое социальное пространство;
- в) миграции за пределы страны.

Конечно, этот выбор тесно сопряжен с направленностью национальной политики государства. Поэтому процессы, связанные с образованием новых постсоветских суверенных государств, «остро поставили вопрос о механизме защиты национальных меньшинств в органах власти и управления»⁴. Причем сегодня нужно говорить не только о защите прав

национальных меньшинств, но и об активном вовлечении их в государственное строительство, максимальном использовании их творческого потенциала для динамичного развития страны, что предполагает коррективы в национальной политике. Как пишет С. Сафаев: «Национализм, как идеология обретения суверенитета и построения национального государства, победил. В силу этого он уже не может представлять собой мобилизующую идею, способную консолидировать креативные силы общества»⁵. И конечно же, если определенные слои этнических меньшинств не интегрированы в общественно-политическую жизнь страны или апатичны к ней, то это означает сужение креативного потенциала общества⁶.

Конституция Республики Узбекистан гарантирует равные права для всех граждан страны (статья 18). Однако в *реальной* жизни можно говорить о *разной степени* интегрированности различных этнокультурных групп в новое социально-политическое и культурное пространство, сформировавшееся после обретения независимости.

В 90-е годы известный в социальной антропологии «конфликт идентичностей» породил значительную этническую миграцию. По данным официальной статистики по Узбекистану, если в 80-х годах среднегодовая убыль населения составляла 50 тыс. человек, то в 90-е годы она составила 80-90 тыс. человек. Почти полностью уехали немцы, крымские татары, евреи, турки-месхетинцы. Устойчивая миграция наблюдалась среди русских, белорусов, украинцев⁷. Всего за 1989–1999 гг. из страны выехали 1 млн. 400 000 человек, а прибыли в республику 571 тысяча человек. Отрицательное сальдо составило, таким образом, 829 тысяч⁸. Если брать собственно период независимости, то «за 1991–2004 гг. из республики мигрировало около 1,4 млн. человек, преобладающее большинство которых – европейское городское население»⁹. К настоящему времени «некоторые этнические группы практически исчерпали свой миграционный потенциал (греки, курды, грузины, азербайджанцы)»¹⁰. В результате миграционных процессов, а также разных темпов естественного прироста у различных этнических групп национальный состав республики стал трансформироваться в сторону уменьшения его количественного и качественного этнического многообразия. Данные учетной текущей статистики говорят об увеличении удельного веса титульной нации и сокращении удельного веса других этнических групп¹¹. Если учесть высокие темпы прироста численности узбеков и других коренных народов региона, а также отток этнических меньшинств, то можно прогнозировать дальнейшее углубление этой тенденции¹².

Кроме того, если представители старшего поколения диаспор, живущие в Узбекистане, обретали свои ниши еще в советский период и адаптировались к реалиям советской эпохи, то перед молодежью эти задачи предстают совершенно по-другому.

Наше исследование выявило в целом высокую (с точки зрения оценки самих опрошенных) степень адаптации изучаемых этнических групп к жизни в Узбекистане. Среди значимых факторов этой адаптации можно назвать следующие.

Общая историческая судьба в XX в. Проживание в СССР существенным образом сказалось на идентичности и гражданском самосознании всех этнических групп как *советских граждан*, на их исторической памяти, культуре и поведенческих моделях. Все ощущали себя частью советского народа, с присущими ему социокультурными характеристиками. Например, у корейцев было больше общего с другими народами СССР – русскими, узбеками, казахами и др., нежели с корейцами зарубежных стран (Северной и Южной Корей, Китая, США, Японии). Сплав традиционной и советской (и иных) культур привел в XX веке к формированию узбекской нации, весьма отличной от узбеков, проживающих в зарубежных странах (Афганистане, Пакистане, Саудовской Аравии и др.). Данная общность

определялась уровнем секуляризации культуры, владением русским языком, общим культурно-информационным и политико-экономическим пространством, едиными образовательными стандартами и общей исторической памятью.

Одним из маркеров советской идентичности полиэтнического населения Узбекистана были *советские праздники*. Все без исключения этнические группы справляли не только Новый год (по григорианскому календарю) или свои национальные праздники, но и сугубо советские («социалистические»): 23 февраля (День Советской Армии, или «мужской день»), 8 марта (Женский день), 1 мая (День труда), 9 мая (День Победы), 7 ноября (День Октябрьской революции), 5 декабря (День Конституции СССР), советские профессиональные праздники. Некоторые из них, такие как Новый год или 8 марта, празднуются и по сей день.

С распадом СССР и образованием независимого государства появляются новые государственные праздники, такие как День независимости, Навруз и др., которые также начинают выполнять функцию интеграции граждан Республики Узбекистан как граждан единой страны, независимо от их этнической принадлежности.

Урбанизация. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. население Туркестана было преимущественно аграрным. В советский период ситуация меняется. Узбекистан становится урбанизированно-аграрной республикой, а Ташкент – одним из крупнейших городов СССР. В Ташкенте, как и в других крупных городах, образ жизни и урбанистическая культура населения стали существенно отличаться от традиционных поселковых общностей.

Урбанизм привел к таким новым элементам образа жизни, как увеличение пространственного распределения жилья и работы, проживание в многоэтажных комплексах, редукция родственно-соседских отношений и «семейного дела», сложная система социальных взаимосвязей и коммуникаций, интенсивные психологические нагрузки и темп жизни, появление субкультур и приверженных им социальных субгрупп, гетерогенность, или разнородность, этнического окружения, рост числа межнациональных браков, новые виды досуга, недоступный для села уровень технологий и многое другое.

В Ташкенте, особенно в многоэтажных микрорайонах, проживание этнических групп становится дисперсным, заменяя традиционную коммунальную компактность. Это в свою очередь влечет изменения в воспроизводстве традиционного самосознания и идентичности. Существенно изменились механизмы и условия социализации. Культурный генетический фонд в урбанизированных ареалах, в силу их гетерогенного состава, все больше стал включать в себя элементы различных культур.

Возникает новая городская культура. В современном городе стандартизированные техногенные компоненты постепенно начинают доминировать над элементами традиционной этнической культуры. Идет процесс унификации культуры, в котором этнодифференцирующие компоненты начинают все более сокращаться. Имевшая ранее место отчетливая разность культур различных этнических групп становится все более относительной. Это проявляется в жилище, атрибутах комфорта, одежде, пище, формах досуга и, отчасти, в обрядовом церемониале. Единство городской культуры стало важным условием адаптивности к ней.

Гетерогенность внешнего этнического окружения. Если говорить о Ташкенте, то на протяжении всей первой половины XX в. удельный вес узбеков в столице неуклонно сокращался. В 1897 г. узбеки составляли 82,5% жителей города, в 1926 г. их уже было 52,5%, в 1936 г. – 43,15%, в 1959 г. – 34,4%¹³. Лишь с 1970-х годов их удельный вес начинает увеличиваться (в 1970 г. – 37,2%, в 1979 г. – 40,8%, в 1989 г. – 44,2%)¹⁴, но вплоть до распада СССР узбеки в столице составляли меньшинство.

Этническая мозаика в Ташкенте была распределена столь дисперсно (за исключением «старой» части города), что создала явные предпосылки для интенсификации межэтнического общения, размывания этнотерриториальных границ и границ этнической идентичности (хотя для разных этнических групп уровень и темпы этих процессов были различны). Атмосфера постоянных полиэтнических контактов вела к толерантности как фактору добрососедского сосуществования различных этнических групп, роста межнациональных браков и взаимопроникновения культур. Длительное сосуществование в полиэтническом окружении и стандартизация условий жизни в городе привели к постепенному сближению культур различных этнических групп.

Говоря об этнических контактах, необходимо иметь в виду, что речь идет о различных типах межэтнического взаимодействия: между титульным этносом и остальными, между родственными этносами, между родственными этносами и остальными, между «коренными» народами и «пришлыми», между многочисленными и малочисленными и т.д.

Развитие полилингвизма и наличие языка межнационального общения. У многих этнических групп в условиях урбанизации и постоянного поликультурного взаимодействия язык перестает быть доминирующим маркером идентификации. Все большее развитие получают билингвизм и полилингвизм. Некоторые языки начинают выполнять функцию языков межнационального общения: в Ташкенте эту функцию выполняют русский и узбекский языки¹⁵.

Дисперсность проживания этнических групп. Длительное компактное проживание на одной территории является одним из важных условий воспроизводства традиционной этнической культуры и соответствующей ей идентичности. Примером могут послужить этнические сёла с преимущественно однородным этническим составом. В условиях же современного города компактность проживания сменяется дисперсностью и перестает быть основой воспроизводства традиционного этнического самосознания и идентичности, что делает их более пластичными. Данный вывод совпадает с результатами исследований, полученными при изучении этнодисперсных групп в больших городах¹⁶, а также этнических групп, проживающих компактно на определенной территории¹⁷.

По результатам нашего исследования, наиболее высокую степень адаптивности к жизни в Узбекистане демонстрируют уйгуры. Так, на вопрос «*Можете ли Вы сказать, что адаптированы к Узбекистану?*» – 99% уйгуров ответили «да». Это обстоятельство обусловлено общими с узбеками религией, антропологическим обликом и высоким уровнем близости традиций и языка. Многие уйгуры владеют узбекским как родным. Как пишет М. Савуров, «для уйгурской культуры характерно смешение с национальной культурой узбеков, а по существу они составляют единое целое, что объясняется не столько фактором влияния, сколько фактором схожести, восходящим к далекому прошлому. Некоторые различия наблюдаются лишь в языке, но и он ... впитал в себя много элементов узбекской лексики»¹⁸.

Данный вывод совпадает с тем, что высказали наши респонденты:

«В языке и религии узбеков и уйгуров нет никакой разницы. Только в языках может быть небольшое различие в окончаниях, на самом деле они одинаковы» (мужчина, 46 лет)¹⁹.

«Уйгуры адаптировались к местным условиям довольно быстро и глубоко. Например, в Ташкенте уйгуры полностью ассимилировались с узбеками. Их свадьбы тоже узбекизированы» (женщина, 39 лет)²⁰.

Некоторые уйгуры в своей оценке сходства с узбеками идут еще дальше:

«Уйгуры, как узбеки, мусульмане и наши языки тоже похожи. ... Сейчас свадебные и похоронно-поминальные обряды тоже как у узбеков. На свадьбах так же даем плов, читаем никох... Сейчас, кроме пищи, нет никаких отличительных черт от узбеков» (мужчина, 49 лет)²¹.

Основная масса корейцев попала в Узбекистан в результате депортации в 1937 г. и нашла здесь дружескую руку помощи. Многие корейцы достигли в Узбекистане впечатляющих успехов.

На поставленный выше вопрос об адаптированности к жизни в Узбекистане 82% среди опрошенных корейцев ответили «да», 14% – «частично» и только 4% – «нет». Это, безусловно, очень высокий уровень адаптации. Причем речь идет не только о корейцах, родившихся в Узбекистане, но и тех, кто прибыл сюда уже в сознательном возрасте.

«Я считаю себя адаптированной к жизни в Узбекистане. Я родилась и получила образование в России, затем вышла замуж и переехала в Узбекистан. Не было ни одного дня, чтобы я пожалела, что живу в Узбекистане. Мне нравится здешний климат, обилие фруктов и овощей, менталитет местных жителей, их дружелюбие. Здесь живут люди многих национальностей. Здесь всегда могут выручить. Я не помню, чтобы мне не помогали, будь то соседи или коллеги по работе, когда я обращалась к ним за помощью. Что касается бытовых, жизненных вопросов, вопросов моей семьи, детей, я все их решаю не так, как мне «дают» возможность, т.е. как бы нет другого выбора, а так, как мне представляется нужным, и «иностранкой» себя не чувствую» (женщина, 47 лет)²².

Но если идти от самой старшей возрастной группы к самой младшей, то процент утвердительных ответов будет уменьшаться (соответственно 93% и 73%). Подобная тенденция наблюдается и в группах с различным уровнем образования. Наиболее высокую степень адаптированности демонстрируют респонденты с высшим образованием (87,4%), а наиболее низкую – с незаконченным средним (67,8%).

Среди русских респондентов на тот же вопрос 80% ответили – «да», 17% – «частично» и 3% – «нет», что также можно считать высоким уровнем адаптации. Как и у корейцев, от самой старшей возрастной группы к самой младшей процент положительных ответов уменьшается. Так, если в возрастных группах 36–45 лет, 46–55 лет и 56–65 лет ни один респондент не ответил «нет», то такие ответы появляются в молодых возрастных группах. Среди давших отрицательный ответ 1% (от общего количества респондентов) составили 26–35-летние и 2% – 16–25-летние. В этих группах увеличивается и прослойка тех, кто ответил – «частично».

Из тех русских, кто считает себя адаптированным к жизни в Узбекистане, достаточно типичной является следующая оценка собственной адаптированности (женщина, 30 лет):

«Я адаптирована к Узбекистану, потому что здесь живут мои родители, мои предки. Здесь жили родители моих родителей. Мы здесь живем из поколения в поколение. Нам знакомы местные традиции, обычаи. Мы привыкли к климату Узбекистана. Я не представляю свою жизнь в другом месте. Я здесь родилась. У меня и мысли нет что-то поменять. Я хочу строить свою жизнь здесь. Меня много что не устраивает. Хотелось бы чего-то лучшего, что-то изменить. Но, в общем, мне нравится здесь жить. Я чувствую здесь себя комфортно, благоприятно»²³.

Как показывают многочисленные свидетельства и опросы, русские в Узбекистане отличаются себя от русских в России. Как пишет академик Ю.Ф. Буряков, «можно говорить об особой идентичности русского населения Узбекистана, отличающейся от идентичности русских, проживающих в России. Этот феномен есть результат многолетнего совместного проживания русских, узбеков и других коренных народов края, культурного обмена

между ними и межнациональных браков»²⁴. Один из респондентов заявил: «Мы выросли здесь, здесь наши корни, мы понимаем это... Более скажу, что нам вот законы, которые здесь существуют, более понятны, близки, нежели те, которые сейчас в России. Потому что мы живем в этой среде»²⁵.

На относительно более низкий уровень адаптации русского (славянского, европейского) населения в сравнении с уйгурами (сюда же можно включить все коренные народы региона, а также дунган, арабов, иранцев и др.) и корейцами влияют следующие факторы:

- европеоидный физический облик;
- меньшая занятость в сельском хозяйстве (составляющем большую долю узбекской экономики);
- преимущественные контакты с высокообразованными и европеизированными узбеками, а также с представителями русскоязычного населения, в силу особенностей трудовых ниш и компактного проживания в новой части Ташкента и индустриальных центрах;
- меньшее знание узбекского языка;
- преобладание численности русскоязычного населения в Ташкенте над узбекоязычным во второй половине XX в.;
- привилегированный статус «старшего брата» (для русских, живших в советское время), когда адаптация к жизни в национальных республиках не была связана у них со стратегиями успеха или выживания.

Представление о будущем своих детей в Узбекистане у различных этнических групп сильно разнится. Так, на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети полностью ассимилировались в Узбекистане? (обучение в узбекских школах, узбекский язык как родной)», – уйгуры дают по-прежнему положительный ответ – 88% (причем в группах 46–55 и 56–65 лет – 100%). Такой процент готовности к полной ассимиляции и интеграции позволяет сделать предположение, что в будущем не исключена возможность трансформации идентичности уйгуров (особенно если рост узбеко-уйгурских браков будет иметь такую же динамику, как сегодня).

Среди респондентов-корейцев и русских преобладает отрицательный ответ на этот вопрос, – соответственно 86% и 76%, – что указывает на стремление сохранить свою этнокультурную идентичность. Однако цифры 14% и 24% среди корейцев и русских, готовых к полной ассимиляции, говорят о том, что размывание границ этнической идентичности происходит и в этих группах. Такие цифры были бы невозможны ни в советский период, ни в первые годы независимости, когда имела место масштабная миграция русскоязычного населения. Допустимо, что в будущем какая-то часть русскоязычного населения сможет полностью интегрироваться в узбекоязычную среду. Еще очень редко, но все-таки уже можно встретить молодых русских людей, владеющих узбекским языком как родным и полностью адаптированных к узбекоязычной среде. Если говорить о возрастных группах, то наибольший процент (32,3) респондентов, готовых видеть своих детей полностью ассимилированными, – в группе 26–35-летних. Это возраст с высокой психологической ориентацией на оптимизм, определенный не только собственными возрастными параметрами, но и социальными достижениями и характеристиками (завершение образовательного процесса, уже собственные заработки, отсутствие пока повышенных требований к уровню жизни и т.д.). Кроме того, это молодые люди, имеющие маленьких детей, у которых еще не сформирована этнокультурная идентичность. Вполне возможно, и это подтверждают проведенные интервью, у некоторых из них дети посещают узбекские группы в детских садах, что дает родителям основание надеяться на более высокий уровень адаптации своих детей.

Иначе говоря, среди этой категории русскоязычного населения, считающего, что их дети должны жить в Узбекистане, позиция по данному вопросу вполне осознанна.

Одна из опрошенных (русская, 30 лет) так выразила свою позицию:

«Я считаю, что очень важно жить там, где ты родился. Я считаю, что настоящий человек – человек, который правильно воспитан, у него есть моральные ценности; который получил образование, – он может себя вполне реализовать там, где он родился. Не обязательно искать неизвестно чего в разных странах. Я считаю, что человек, если его адекватно воспитали, может найти себя там, где он родился. Какая бы страна ни была. Это мое мнение»²⁶.

Кроме того, есть осознание того, что дети должны быть адаптированы не только к узбекистанской среде, но и к собственно узбекской. Иначе говоря, среди части русскоязычного населения, считающей, что их дети должны жить в Узбекистане, крепнет осознание, что без определенного уровня ассимиляции эффективная интегрированность в современный узбекский социум будет весьма затруднена. Тот же респондент:

«У меня трое детей, двое старших ходят в детский сад в узбекскую группу. Я специально отдала их в узбекскую группу для того, чтобы они учили узбекский язык»²⁷.

У другой опрошенной (русская, 38 лет) ребенок также в детском саду ходил в узбекскую группу²⁸. А одна из респондентов (русская, 50 лет) даже высказала следующую категоричную рекомендацию:

«Считаю, что в садиках надо закрыть русские группы, тогда все малыши научатся общаться на узбекском языке, и это им поможет в жизни, в общении с друзьями и на работе. Это самый легкий путь в изучении языка»²⁹.

Миграционный потенциал

В 2003–2005 гг. отделом этнологии Института истории было проведено исследование «Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе» на материалах г. Ташкента. Было опрошено 300 человек: по 50 представителей разных национальностей – узбеков, русских, татар, казахов, корейцев и таджиков. В связи с вопросом о намерении мигрировать были получены следующие данные³⁰:

Таблица 1 (в %).

Этнические группы	Обязательно	Возможно	Нет	Не задумывался
Русские	20	56	24	0
Татары	14	32	34	16
Казахи	10	54	26	10
Корейцы	8	62	22	8
Таджики	2	32	62	0

Как видно, самый низкий миграционный потенциал у таджиков. По всем другим параметрам (языку, этнической самоидентификации) эта группа демонстрирует высокий уровень интегрированности как в узбекистанское общество в целом, так и в социум г. Ташкента.

В 2005 г. был проведен пилотный опрос среди студентов ташкентских вузов, бывавших за рубежом – на учебе и стажировке, в коммерческих поездках, на работе и т.д. На вопрос: «Хотели бы Вы снова поехать в другую страну на работу или учебу?» – 82,2% ответили утвердительно; 3,3% не изъявили такого желания, а 8,3% затруднились ответить. На вопрос же: «Собираетесь ли Вы в будущем уехать из Узбекистана навсегда?» – среди представителей этнических меньшинств 50% славян и 41,5% лиц других национальностей дали отрицательный ответ³¹.

В 2006 г. Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий Фикр» было проведено исследование по данной проблеме в 12 областях республики. Из 41 представителя славян (русских, украинцев, белорусов, составивших 2,7% от общего числа опрошенных) 32,5% (т.е. почти каждый третий) выразил желание выехать в другую страну на ПМЖ. Среди представителей других национальностей (татар, корейцев и др.), составивших 1,1% от общего числа опрошенных (17 человек), этот показатель – 37,5%³². 37% среди представителей славянских этносов планируют эмигрировать по той причине, что «там больше перспектив для развития и будущего детей»³³.

В рамках нашего исследования мы получили следующие данные. Намерение переехать среди русских высказали 66% респондентов (вопрос: «Есть ли у Вас намерение переехать в другую страну?»), среди корейцев – 62%. Правда, необходимо отметить, что намерения и реальные шаги к эмиграции отличны как во времени, так и по окончательному результату.

В диссертации М.Д. Тена, проведенного анкетный опрос среди 500 корейцев г. Ташкента и Ташкентской области, на вопрос: «Связываете ли Вы свое будущее с Узбекистаном?» – 58% ответили положительно, 11,6% – отрицательно, 30,4% затруднились ответить.

Если взять распределение ответов в возрастном разрезе, то видно, что если идти от старшей возрастной группы к младшей, усиливаются миграционные настроения и неопределенность выбора, где жить.

Таблица 2.

Связываете ли Вы свое будущее с Узбекистаном? (в %)

Ответы	Процент в группе лиц молодого возраста	Процент в группе лиц среднего возраста	Процент в группе лиц старшего возраста
Да	30,6	61,8	87,1
Нет	19,4	9,8	4,1
Затрудняюсь ответить	50	28,4	8,8
Всего	100	100	100

Примечательно, что когда респондентам был задан вопрос: «Если бы Вам и Вашей семье представилась возможность для постоянного места жительства в Корее, какое решение Вы бы приняли?» – 42,8% ответили, что остались бы в Узбекистане, 26,2% – уехали бы, и 31% затруднились ответить³⁴.

Надо отметить, что хотя пик этнической миграции, характерный для 90-х годов, прошел, тем не менее высокий миграционный потенциал еще имеет место. Так, если говорить о корейцах, их численность постепенно, но неуклонно сокращается. С момента проведения последней Всесоюзной переписи в 1989 году число корейцев уменьшилось с 183140 человек до 172384 по состоянию на 1 января 2001 года³⁵. В последующие годы численность

корейцев продолжает уменьшаться. По данным Госкомитета Узбекистана по статистике, в 2002 году она составила 169,6 тыс. человек, в 2003 г. – 166,1 тыс., в 2004 г. – 161,7 тыс., в 2005 г. – 157,3 тыс., в 2006 г. – 153,0 тыс., в 2007 г. – 150,1 тыс., в 2008 г. – 147,7 тысяч³⁶.

Среди тех, кто не планирует уезжать из Узбекистана, можно выделить разные категории: это те, кто вынужден остаться (при наличии миграционных настроений) из-за финансовых, возрастных и иных причин, и те, кто не испытывает желания куда-либо мигрировать, поскольку комфортно чувствует себя в республике. Как пишет И. Катагощина, «есть немало русских, которые не хотят или не хотели бы уезжать из тех или иных республик в силу сложившейся там достаточно терпимой атмосферы в межэтнических взаимоотношениях, с одной стороны, и в психологии самих русских, отражающейся в их представлениях и оценках как своей этнической группы, так и представителей коренной национальности – с другой»³⁷.

Один из респондентов (кореец, 47 лет) так объяснил отсутствие желания куда-либо уехать:

«Я не планирую уезжать. У меня здесь хорошее жилье, хорошая работа, высокий уровень жизни, я могу позволить себе оплачивать проживание и учебу детей за рубежом. Меня это вполне устраивает»³⁸.

Для многих респондентов миграция – непростой вопрос, когда человек вынужден разрываться между тем, что « всю жизнь прожил здесь », и детьми, обосновавшимися в другой стране. Одна из респондентов (русская, 50 лет):

«Я бы хотела, чтобы моя дочь ассимилировалась в Узбекистане. Но она уже уехала в Россию со своей семьей. ...Я тоже хочу уехать в Россию. Раньше я об этом и не задумывалась. Сейчас, ухаживая за больной матерью, я поняла, что здесь в старости некому будет за мной ухаживать, ведь у меня один ребенок, она живет в России. Значит, мне придется ехать к ней, потому что она с семьей там хорошо устроена и сюда уже не вернется. Но пока я буду жить в Узбекистане, ведь здесь у меня мама, сестра и друзья»³⁹.

Среди русских самую большую группу с миграционными настроениями составляют молодые люди: в группе от 16 до 25 лет это 80%; лишь у 20% такие настроения отсутствуют. В последующих же возрастных группах процент тех, кто не планирует куда-либо уезжать, возрастает: 26–35 лет – 32,3%, 36–45 лет – 38,9%, 46–55 лет – 52,4%, 56–65 лет – 50%.

Самую большую группу среди тех корейцев, кто намерен переехать в другую страну, составили люди с высшим образованием (20%), самые же маленькие группы образуют люди с незаконченным средним (3,8%) и начальным образованием (0,4%), которые представляют самое старшее поколение. Подобная структура миграционного потока среди национальных меньшинств должна вызывать тревогу, поскольку речь идет о научно-технической и культурной элите («утечка умов»).

Среди уйгуров только 11% респондентов высказали намерение переехать в другую страну (причем в старших возрастных группах – 46–55 лет и 56–65 лет – желания покинуть Узбекистан не выразил ни один). Наибольший процент миграционных настроений (38,5%) был получен в самой младшей возрастной группе – 16–25 лет.

При выяснении причин низкой миграционной активности среди уйгуров, помимо таких факторов, как неизвестность и риски, нежелание менять налаженный быт, обнаружилось, что для уйгуров важно и сохранение традиционной культурной идентичности, желание жить привычным укладом.

Один респондент (мужчина, 46 лет) высказал сомнение в целесообразности миграции:

«Если переедем, тогда что будет с воспитанием детей, что будет с их национальностью?»⁴⁰.

Другой респондент (женщина, 56 лет):

«Недавно младший сын выиграл Green card и со своей семьей (жена и 2 детей) уехал в Америку. Но он вернется. Хочет в махалле жить. Однажды мы хотели продать участок и переехать в город, но он не согласился. Он говорит, что временно уехал, чтобы заработать, потом вернется, ему нравится жить здесь в махалле»⁴¹.

Анкетирование выявило также направленность миграционных настроений (вопрос «В какую страну Вы планируете переехать (в недалеком будущем)?»). По данным статистики, основные эмиграционные потоки сегодня приходятся на страны СНГ, прежде всего Россию и Казахстан⁴².

В исследовании отдела этнологии Института истории РУз 2003–2005 гг. направления возможной миграции этнических меньшинств выглядят следующим образом (в %):

Таблица 3⁴³.

Этнические группы	Страна СНГ	Другая страна	Пока не знаю
Русские	44	10	24
Казахи	40	14	12
Татары	26	2	24
Корейцы	28	14	36
Таджики	4	12	30

Из таблицы видно, что у русских и казахов достаточно высокий уровень определенности направления миграции, которую можно обозначить как репатриацию на историческую родину (Россия и Казахстан). Низкий показатель миграционных настроений у таджиков связан с двумя основными причинами: во-первых, нынешняя экономическая ситуация в Таджикистане (одна из самых тяжелых в СНГ) не способствует этому, и во-вторых, как мы уже отмечали выше, для таджиков характерен высокий уровень интегрированности в узбекистанское общество.

В исследовании «Ижтимоий Фикр» (2006 г.) представители славянских народов называли, главным образом, четыре направления выезда на ПМЖ: Россию (69,2%), страны Западной Европы (15,4%), США и Японию (по 7,7%). Представители других этнических групп называли страны СНГ (50%), Россию (25%), США (8,3%) и Республику Корея (8,3%)⁴⁴.

В нашем исследовании 41% русских респондентов назвали Россию; другие страны (США, Германию, Англию, Францию, Австралию) – 25%. Если рассмотреть векторы миграции в возрастных группах, то ответы в самой младшей (16–25 лет) и в старших (46–55 и 56–65 лет) группах явно ориентированы на Россию, в то время как в группах 26–35 и 36–45 лет цифры, свидетельствующие об ориентации на Россию и на страны Запада, близки по своим значениям. Подобное распределение ответов представляется закономерным. Самая младшая группа еще не обладает полной уверенностью в своих силах и ориентируется на страну, в которой ей представляется легче адаптироваться (те же язык и культура, образовательные стандарты, родственники и т.д.). По тем же причинам старшим возрастным группам трудно начинать жизнь в стране, где все иное.

С другой стороны, наиболее высокий процент желающих уехать в страны Запада – 88,9% – отмечается в группе с неоконченным высшим образованием. Вероятно, здесь

сказывается влияние различных западных стипендиальных программ, популярных среди студентов.

Корейские респонденты также назвали: Россию – 56%, Южную Корею – 42% и другие страны (США, Канаду, Японию) – 2% (это страны с большими корейскими диаспорами, хотя Китай, в котором проживает самая большая корейская диаспора в мире, не назвал никто)⁴⁵. Некоторые респонденты, называя Россию, США или Канаду, упоминали такой критерий, как «большая развитая страна» (мужчина, 47 лет):

«Я хочу, чтобы мои дети жили в большой, ну и, желательно, развитой стране. Большая страна создает и больше возможностей и условий для проживания. ... Там, где территория ограничена, а населения много, возможности сокращаются»⁴⁶.

Другой респондент (женщина, 55 лет, владеющая узбекским языком) так объяснила желание детей уехать за границу – в США:

«Мои дети не смогли ассимилироваться, как я. Они полностью русскоязычные. Знают английский. ... Дочь хочет жить в Америке, несколько раз подавала на Green Card. Молодые, они всё хотят сразу, а не так, как наше поколение, – постепенно, год за годом улучшать свое положение»⁴⁷.

Если средние и старшие возрастные группы корейцев ориентированы на Россию (от 68% до 77% в этих группах), то самая младшая возрастная группа ориентирована больше на Южную Корею (более 67%). Если оценивать данные с позиции образования, то имеющие высшее образование предпочли Россию (67,3%), в то время как респонденты с незаконченным средним – Южную Корею (73%). Это связано с тем, что без знания языка и зарубежных технологий тем, кто получил высшее образование в СССР/СНГ, трудно найти работу в западных странах по специальности (достаточно показателен пример врачей), в то время как в странах СНГ это значительно легче. Что касается людей с невысоким уровнем образования, то они ориентированы на малоквалифицированную работу, которая в Корее оплачивается выше, чем в России.

Из числа респондентов-уйгуров, имеющих намерение уехать, 55% назвали Россию, остальные – США и Европу; и опять-таки, никто из них не назвал Китай, что связано с историческими причинами и непростыми процессами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Как и в случае с русскими респондентами, самая младшая и старшая группы (две самые старшие группы вообще не имеют намерения уезжать) демонстрируют ориентацию на Россию, в то время как в возрастной группе 26-37 лет 75% ориентированы на Запад. Нам представляется, что причины подобного распределения такие же, что и у русских. И так же 100% респондентов, имеющих среднее образование, нацелены на Россию, а у тех, кто имеет высшее и среднее специальное образование, векторы возможной миграции диверсифицируются.

Языковая компетенция

Если говорить о языковой компетенции, то русские представляют собой единственную этническую группу, в которой 100% членов владеют своим родным языком – русским.

Этот вывод подтверждается и данными исследования отдела этнологии Института истории РУз (2003–2005 гг.). Во всех других этнических группах, включая титульный этнос и другие коренные народы, можно выделить языковые субгруппы, отличные друг от друга.

Наиболее высокая степень сохранности базовой языковой идентичности наблюдается у центральноазиатских народов региона – узбеков (86%) и казахов (88%). Но и в их составе имеются субгруппы (14% узбекских и 12% казахских респондентов), для которых узбекский и казахский языки не являются родными; в качестве такового респонденты назвали русский язык. Ниже уровень владения родным языком у таджиков (68%); это объясняется тем, что многие таджики являются билингвами, в одинаковой степени владеющими как таджикским, так и узбекским языками. Что и подтверждают данные опроса: 22% таджиков назвали в качестве родного узбекский язык.

В показателях по татарам (66% респондентов в качестве родного языка назвали татарский язык, 34% – русский) отразился диаспоральный характер бытования татар в Узбекистане, длительный период их проживания за пределами исторической родины и русско-ориентированный вектор ассимиляции в советский период.

Наиболее же глубокая языковая деформация наблюдается у корейцев, среди которых 94% назвали родным языком русский и только 6% – корейский.

Возникает вопрос, в какой мере данные анкетирования отражают реальную языковую идентичность опрошенных этнических групп. Ведь язык, который назван родным, и объективный родной язык – разные вещи. Дело в том, что вопрос «Какой язык для Вас является родным?» содержит в себе возможность субъективной оценки, расходящейся с фактической реальностью. Поэтому респондентам был предложен также другой вопрос: «На каком языке Вы думаете?», который выявляет фактическую языковую ситуацию. Если принять во внимание выводы из гипотезы лингвистической относительности Сепира–Уорфа, проблема заключается не только в коммуникационной и гносеологической функциях языка, но и в соответствующем мировоззрении, что является немаловажным для понимания этнопсихологии, а в конечном счете – этнической идентичности.

В сравнении с предыдущими данными, в ответах на второй вопрос увеличивается процент людей, для которых русский язык объективно является родным: у узбеков – с 14 до 28%, у казахов – с 10 до 30%, у таджиков – с 10 до 20%, у татар – с 34 до 76%, у корейцев – с 94 до 98%.

Как объяснить это расхождение?

Во-первых, респонденты, называя некий язык родным, подразумевают, что это язык их нации, хотя сами они, может быть, знают его слабее, чем другой язык, или вообще не знают. Во-вторых, нужно учесть категорию людей, которые признают нечто родным из духа патриотизма, независимо от того, насколько это «родное» реально присутствует в их жизни⁴⁸.

Что касается узбекского языка, то в нашем исследовании (2012 г.) 2% русских респондентов указали, что они думают на нем, 8% – что свободно им владеют. Возрастной анализ ответов показывает, что молодежь лучше владеет узбекским, чем старшее поколение. Те, кто указали, что способны думать на узбекском (свойство родного языка), – это представители групп в 16–25 и 26–35 лет. Данная возрастная закономерность прослеживается и в вопросе о свободном владении узбекским языком. Утвердительные ответы в возрастных группах распределились так (начиная с младшей): 12%, 9,7%, 5,6%, 4,8%, 0%.

60% русских респондентов указали, что владеют узбекским языком частично. Понятно, что такая оценка уровня владения языком, как «частично», не обладает достаточной строгостью, поскольку является очень широкой – от знания нескольких слов и предложений до способности к более или менее сносному общению. В силу отсутствия соответствующих критериев, думается, что оценка в 60% слишком оптимистична с точки зрения возможности реального языкового общения, поскольку основана на субъективных

представлениях респондентов об уровне собственной языковой компетенции⁴⁹. Конечно, среди русских, в сравнении с советским периодом, увеличилась прослойка знающих узбекский язык (мы имели возможность встречаться с молодыми русскими, владеющими узбекским, как родным), но все же в целом они не интегрированы в языковую среду основной массы населения.

Для более точного представления необходимо было рассмотреть понятие «частичное владение языком» в его уровнях.

Таблица 4.

Владеете ли Вы узбекским языком?

Возраст	Свободно	Достаточно для общения	В незначительной степени	Не владею
16-25	2,0%	4,0%	11,1%	8,1%
26-35	0%	9,1%	17,2%	5,1%
36-45	0%	4,0%	11,1%	3,0%
46-55	0%	3,0%	15,2%	3,0%

Данная таблица позволяет выявить структуру «частичного владения языком». Как видим, процент владеющих узбекским «в незначительной степени» (54,6%) существенно превышает число тех, кто ответил «достаточно для общения» (20,1%).

Что касается других языков, 19% русских респондентов ответили, что могут думать на том или другом, 34% – что владеют ими частично. 16% указали, что планируют изучать узбекский язык, 48% – другие языки.

Уйгуры также демонстрируют высокий уровень компетенции в родном языке: 87% на нем думают и 89% владеют им свободно (а в старших и в самой младшей возрастных группах эти цифры составляют 100%)⁵⁰. 95% уйгуров свободно владеют узбекским языком (в старших и самой младшей возрастных группах этот показатель – 100%), а 66% (в самой старшей возрастной группе) могут думать на нем, – свойство родного языка. На русском языке могут думать 44% (в самой старшей возрастной группе – 80%) или свободно владеют русским языком – 86%, что позволяет отнести их к трилингвам (уйгурский, узбекский и русский языки). Кроме того, можно говорить и об определенной их компетенции в других языках – они думают на них (1%), владеют свободно (16%) или частично (21%).

Именно с трилингвизмом связано низкое число уйгуров, планирующих изучать русский (8%) и узбекский (5%) языки, поскольку большинство их знает. А вот другие языки – иностранные – планируют изучать 36% уйгуров. Если идти от самой старшей возрастной группы к самой младшей, то число желающих изучать другие языки – вероятно, иностранные – увеличивается с 20% до 69,2%.

Трилингвизм уйгуров хорошо иллюстрируется следующим рассказом (уйгурка, 39 лет):

«Дома мы, дети, общались на русском языке, так как все ходили в русскоязычные школы. Папа всегда ругал нас за это и говорил, что дома нам надо общаться на нашем родном языке. Родители между собой общались по-уйгурски. Но с нами говорили на узбекском языке»⁵¹.

Корейцы, как русскоязычная преимущественно группа, демонстрируют устойчивые позиции русского языка как родного (80% думают на нем, и 85% владеют свободно), поскольку современная корейская молодежь – это уже третье-четвертое поколение корейцев, владеющих русским языком на уровне родного.

По данным, приведенным в диссертации М. Тена, среди 500 опрошенных корейцев г. Ташкента и Ташкентской области 53,6% респондентов ответили, что владеют русским языком отлично, 46% – хорошо, 0,4% – плохо⁵².

2% корейцев указали, что могут думать на узбекском, 12% – что владеют им свободно (причем такие прослойки есть во всех возрастных группах – от 12% до 19,3%) и 36% – частично (как и в предыдущем случае, этот слой представлен во всех возрастных группах – от 34,6% до 48,7%). В отношении английского языка были получены следующие данные: 1,4%, 6,6% и 27,9%, а в отношении других языков – 2,4%, 8% и 10,5%. Значительное число корейцев планируют изучать корейский (31,2%), узбекский (15,9%), английский (20,9%), другие языки – 10,9%.

Цифры, полученные по корейцам относительно владения узбекским языком, не представляются завышенными, как это имело место с русскими респондентами, поскольку многие корейцы выросли в так называемых «корейских колхозах» Ташкентской области, где они находились в тесном узбекоязычном окружении. По той же причине многие узбеки, выросшие в этих колхозах, частично (а некоторые и свободно) владеют корейским языком. К тому же корейский и узбекский языки имеют близкую грамматическую структуру, в силу чего старшее поколение корейцев, владевших корейским языком, хорошо владело и узбекским, о чем свидетельствуют многочисленные очевидцы. Точно так же корейский язык легче дается современной узбекской молодежи, нежели корейской, чье языковое мышление базируется на русском языке, что подтверждается и данными различных языковых курсов.

В связи с введением в Узбекистане государственного языка возникает вопрос: осложнило ли это жизнь наших респондентов (*«Испытываете ли Вы трудности в обычной жизни из-за незнания узбекского языка?»*). 98% уйгуров ответили – «нет», а 2% относятся, вероятно, к обрусевшим уйгурам, которые не знают ни узбекского, ни уйгурского (в силу близости этих языков: если человек говорит на уйгурском, узбек его поймет, и наоборот).

46% респондентов среди корейцев ответили – «нет», 22% – «да» и 32% – «отчасти». Аналогичные цифры получены по русским: 45%, 27% и 28%. Как видим, корейцы и русские в количественном отношении дают близкие ответы. То обстоятельство, что более половины респондентов испытывают затруднения в обычной жизни, может показаться странным, если учесть, что исследование проводилось в Ташкенте. Однако необходимо иметь в виду, что в годы независимости незнание узбекского языка, особенно в государственных учреждениях, становится все более ощутимым (на собраниях, при работе с документами и т.д.). Кроме того, в течение периода независимости появилось поколение узбеков, не говорящих на русском языке, и особенно это касается приезжих из областей⁵³. Иначе говоря, если в советский период практически все узбеки в той или иной мере владели русским языком (степень владения могла быть разной), то сегодня русский язык перестает быть универсальным средством межнационального общения.

Один из респондентов (русская, 30 лет) отмечает:

«Сейчас вот буквально пойти купить продукты или строительные материалы или куда-то поехать, – я себя чувствую неуютно, не зная узбекского языка. Потому что я хочу быть в курсе цен – что лучше, что хуже. Я неуютно себя чувствую, когда я ничего не понимаю. Но это, наверное, естественно для каждого человека»⁵⁴.

Хотя другие русскоязычные респонденты⁵⁵ подчеркивали, что как раз в обычной жизни они не сталкиваются с трудностями, связанными с незнанием узбекского языка:

«Я домохозяйка, а в бытовом плане узбекский язык не является необходимым, поскольку на базаре или в магазинах все знают русский. Когда я работала, я чувствовала трудности на собраниях и официальных мероприятиях. А так как я сейчас не работаю, то этих трудностей у меня нет» (корейка, 47 лет)⁵⁶.

Незнание языка у этого респондента сказывалось именно на работе. Другой респондент, русская, преподает иностранный язык и тоже сталкивается на работе с трудностями из-за незнания узбекского языка, поскольку вынуждена отказывать тем, кто не владеет русским:

«К нам очень часто обращаются узбекоговорящие, которые по-русски совсем не говорят. И мне приходится им отказывать. Потому что, по моей методике, грамматику вначале надо объяснять на родном языке. ... Отказ узбекоговорящим приводит к потере клиентов. У меня не такая большая загруженность... и каждый человек, каждый клиент у меня на счету. От количества человек в группе зависит моя зарплата»⁵⁷.

Другой респондент (русская, 45 лет), преподаватель информатики, также обратила внимание на эту проблему:

«Кружок я веду на русском языке. Трудности возникают в том случае, когда мои ребята не знают русского. В этом случае мне тяжело вести кружок. Приходится иногда объясняться жестами»⁵⁸.

Естественно, что в сравнении с советским периодом роль узбекского языка резко возрастает. На вопрос: «Испытываете ли Вы трудности при устройстве на работу или в карьерном росте из-за незнания узбекского языка?» – 26% корейцев ответили – «да», 25% – «отчасти» и 49% – «нет». У русских эти цифры составили, соответственно, 25%, 15% и 60%. Трудности, связанные с незнанием узбекского языка, особенно проявляются при устройстве на работу или карьерном росте в государственных учреждениях, где документация и официальные собрания ведутся на узбекском языке. Один респондент (русская, 38 лет), работающая в научном учреждении, отметила, что незнание языка сдерживает ее профессиональный рост:

«Незнание узбекского мешает как на профессиональном уровне, так и в плане общения. И документация, и литература. Из-за незнания языка уходит большое количество тем, которые можно было бы изучить»⁵⁹.

Как и на предыдущий вопрос, 98% уйгуров ответили здесь – «нет».

На вопрос: «Хотели бы Вы изучать узбекский язык?» – 65% уйгуров ответили – «да». Вероятно, имеется в виду его совершенствование, поскольку большинство уйгуров владеют им свободно. 45% опрошенных корейцев и 51% русских также ответили – «да». Как видим, около половины русскоязычного населения (по двум группам) хотят изучать узбекский язык.

Однако хотеть и действительно пытаться – разные вещи. Поэтому на вопрос: «Предпринимаете ли Вы попытки изучать узбекский язык?» – только 38,5% корейцев ответили – «да».

Почему же большинство корейцев не изучает язык? (Респондентам было предложено пронумеровать ответы, по степени значимости, с 1-го по 6-е место; одно и то же место можно было отвести только двум ответам).

Таблица 5.

Причины	Степень значимости					
	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	6 место
1. Все вокруг знают русский язык	20,7	6,6	4,3	2,0	1,0	0,6
2. Знание узбекского языка всё равно не обеспечивает карьерного роста	12,4	8,6	3,5	2,1	1,0	0,8
3. В моей профессиональной и обыденной жизни он не является необходимым	18,4	11,0	5,8	1,3	0,8	0,4
4. Я планирую переехать в другую страну	14,7	6,9	2,4	2,3	1,4	0,6
5. Есть объективные трудности (отсутствие поблизости курсов узбекского языка, плата за обучение, отсутствие самоучителей и т.д.)	6,0	1,7	2,3	2,9	2,3	0,8
6. Другое (владею языком, нет времени, старость)	6,0	0,8			0,2	

Как видим, 20,7% респондентов на 1-е место поставили ответ № 1: «Все вокруг знают русский язык»; 18,4% респондентов – ответ № 2: «В моей профессиональной и обыденной жизни он не является необходимым»; 14,7% – ответ № 4: «Я планирую переехать в другую страну»; и 12,4% – ответ № 3: «Знание узбекского языка все равно не обеспечивает карьерного роста». Если посмотреть на количество ответов, получивших 1-е и 2-е места в совокупности, то наибольшее количество голосов получает ответ: «В моей профессиональной и обыденной жизни он не является необходимым» – 29,4%; затем ответ: «Все вокруг знают русский язык» – 27,3%. Ответы «Я планирую переехать в другую страну» и «Знание узбекского языка все равно не обеспечивает карьерного роста» – получают соответственно 21,6% и 21%. Таким образом, на пассивное отношение к изучению узбекского языка прежде всего влияют следующие взаимосвязанные параметры: сохраняющийся статус русского языка как языка межнационального общения и его достаточность в обыденной и профессиональной жизни, а также сомнение в том, что знание узбекского языка изменит карьерный рост сравнительно с имеющимся статусом.

Кроме того, в интервью некоторые респонденты указали на недостаточность курсов по узбекскому языку:

«Что касается узбекского, то скажем так: систематически изучать, как это обычно предполагает процесс обучения, скорее всего не получится, потому что я очень занят и мое свободное время занимает дополнительная работа для того, чтобы компенсировать недостаток заработной платы. Тем не менее, по мере возможности, я стараюсь осваивать самостоятельно узбекский язык. И многое уже понимаю. Если бы у меня на работе были организованы курсы узбекского языка, я бы, не раздумывая, пошел бы туда. Но их нет. А куда-то ездить после работы – на это просто времени нет» (кореец, 52 года)⁶⁰.

Среди русских респондентов 50% предпринимают попытки изучить узбекский язык, 50% – нет. Причем, если идти от младшей возрастной группы к старшей, то интерес к изучению узбекского языка падает (14,1%, 14,1%, 10,1%, 8,1%, 3%). Причины, по которым русские не изучают узбекский язык, распределились следующим образом:

Таблица 6.

Причины	Степень значимости					
	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	6 место
1. Все вокруг знают русский язык	23	7	3	4	5	0
2. Знание узбекского языка все всё равно не обеспечивает карьерного роста	6	16	6	1	6	2
3. В моей профессиональной и обыденной жизни он не является необходимым	16	12	8	3	0	2
4. Я планирую переехать в другую страну	10	8	4	6	1	1
5. Есть объективные трудности (отсутствие поблизости курсов узбекского языка, плата за обучение, отсутствие самоучителей и т.д.)	12	8	8	4	1	0
6. Другое (владею языком, нет времени, старость)	1	0	0	0	0	1

Как и у корейцев, ответы № 1 и № 3 здесь занимают лидирующие позиции. По совокупности 1-го и 2-го мест они дают 30% и 28%. Необходимо обратить внимание на то, что 12% русских респондентов в качестве причины пассивного отношения к изучению узбекского языка дали ответ: «Есть объективные трудности (отсутствие поблизости курсов узбекского языка, плата за обучение, отсутствие самоучителей и т.д.)», а по сумме 1-го и 2-го мест этот ответ получил 20%.

Эти данные во многом совпадают с результатами исследования отдела этнологии Института истории (2003–2005 гг.). Подытоживая их, Р. Назаров пишет: «Многие русские не изучают узбекский язык по следующим причинам: а) наличие языковой ситуации в столице, где языком межэтнического общения по-прежнему является русский; б) многие представители русской диаспоры приехали в республику во взрослом возрасте, и их языковая компетенция формировалась за пределами Узбекистана; в) часть из них находит свою трудовую нишу в тех отраслях, в которых в нем нет необходимости (русскоязычное образование, высокие технологии, частный бизнес и т.д.); г) часть ориентирована на миграцию из республики в ближайшей или более отдаленной перспективе»⁶¹.

Среди уйгуров 74% предпринимают попытки изучать узбекский язык. Как мы уже отмечали, вероятно, речь идет о совершенствовании языка. Если брать отрицательные ответы, то по 3% получили ответы № 3, № 5 и № 6 и 1% – № 3.

Традиции и обычаи

Другим важным маркером этнической идентичности являются национальные обычаи.

Наиболее высок уровень их соблюдения среди уйгуров. Причем таблица показывает, что высокий процент набирают у них и узбекские обычаи. Вместе с тем, здесь наблюдается и небольшая прослойка обрусевших уйгуров.

Таблица 7.

Какие национальные обычаи Вы соблюдаете? (в %)

	Уйгурские	Русские	Узбекские
Всегда	89	3	76
Никогда	0	60	7
Иногда	11	33	15

По сравнению с уйгурами (89%), русские демонстрируют менее высокий уровень этнокультурной идентичности (60%).

Таблица 8.

	Русские	Узбекские	Другие (греческие, китайские)
Всегда	60,0	12,2	3,9
Никогда	0,0	28,6	57,9
Иногда	40,0	59,2	38,2

Тот факт, что 40% респондентов справляют русские обычаи лишь «иногда», говорит о том, что русская культура, представленная как локальный вариант европейско-христианской культуры, на которую наложилась советская культура, теряет собственно этнические очертания. Ни Новый год, ни 8 марта, ни белая фата невесты, ни золотые кольца, ни празднование дней рождения, ни многое другое, пришедшее в Центральную Азию в XX веке из России, не являются собственно русскими обычаями.

И, как мы видим, 12,2% респондентов считают, что всегда следуют узбекским обычаям, а 59,2% – в той или иной степени. Следование другим обычаям, например узбекским, рассматривается как естественное поведение в узбекской среде:

«Узбекских обычаев тоже иногда придерживаемся. Если я с ними дружу, прихожу к ним в дом, значит, я должна следовать их обычаям в их доме, например, снимать обувь или делать “амин”, когда они это выполняют. Я не хочу обижать людей. Это же вполне логично» (русская, 45 лет)⁶².

Интересно, что те, кто следует узбекским обычаям, накладывают на эти обычаи свои национальные особенности. Респондент (русская, 30 лет):

«Из узбекских праздников мы справляем, например, Хаит. Мы печем свои русские пироги, зовем гостей»⁶³.

Что касается корейцев, то в их обычаях элементы заимствования и влияния других культур прослеживаются в большей степени, нежели у русских и уйгуров.

Таблица 9⁶⁴.

	Корейские	Русские	Узбекские	Другие (христианские, татарские, американские)
Всегда	57,4	10,7	5,4	0,5
Никогда	2,8	23,4	44,3	92,7
Иногда	39,8	65,8	50,3	6,8

Смешанный характер обычаев среди корейцев подтверждают и интервью с респондентами. Мужчина 47 лет:

«В моей семье с обычаями и праздниками всего понемногу. Узбекские праздники празднуются на государственном уровне, поэтому мы в них участвуем как граждане Узбекистана. Корейские – это на уровне родственников, семьи (год ребенка, юбилей, похороны, поминки). Русские обычаи и праздники тоже: мы – русскоязычные, русская культура привита нам через язык и школу»⁶⁵.

Точно такие же мысли выразила в своем ответе другой респондент, кореянка 55 лет, замужем за русским⁶⁶.

Среди корейской молодежи можно встретить индифферентное отношение к корейским обычаям, являющееся результатом русификации и потери традиционной этнокультурной идентичности. Респондент (девушка, 22 года):

«Мне самой не нравится соблюдать корейские обычаи. Совершенно не буду против, если мои дети решат им не следовать. К тому же я не планирую выходить замуж за корейца, поэтому не собираюсь кому-то эти традиции навязывать»⁶⁷.

Одним из индикаторов межэтнического взаимодействия и, одновременно, интегрированности в местную среду являются систематические контакты с соседями, включая участие в мероприятиях, организуемых локальной соседско-территориальной общиной (махаллей).

По данным анкетирования отдела этнологии Института истории (2003–2005 гг.), на вопрос об участии в обрядах и праздниках, организуемых махаллей, респонденты ответили следующим образом (в %):

Таблица 10⁶⁸.

Ответ	Узбеки	Русские	Корейцы	Казахи	Таджики	Татары
Да	44	14	14	42	58	48
Иногда	32	16	10	26	24	10
Нет	24	68	72	30	18	34

Как видим, наибольшее участие в этих мероприятиях, которые, безусловно, сплачивают людей и формируют социальные связи, принимают коренные и мусульманские народы, хотя реалии современного города сужают эти связи, формируя новые типы коммуникаций.

Однако, если взять семейные праздники, то здесь ситуация меняется в сторону расширения зоны взаимодействия.

Таблица 11⁶⁹.

Приглашаете ли Вы на семейные торжества представителей других народов? (в %)

Национальность	Да	Иногда	Нет	Без ответа
Корейцы	70	26	4	0
Казахи	74	20	4	2
Татары	88	8	2	2
Таджики	82	12	6	0
Русские	62	26	12	0
Узбеки	48	26	24	2

В результате культурных контактов различных этнических групп происходит взаимное обогащение *кухни*. Так, например, русские обогатили рацион народов Узбекистана печеными изделиями, кашами из различных круп (гречка, перловка, манная крупа), супами (борщ, рассольник и др.), вторыми блюдами, салатами и гарнирами (бефстроганов, бифштекс, винегрет, оливье, селедка «под шубой», пюре и т.д.), а сами усвоили блюда восточного происхождения – лепешки, плов, шашлык, самсу, шурпу и др. Уйгуры привнесли в пищевую культуру Узбекистана лагман, манты, мампар. Корейские салаты употребляются всеми народами, населяющими Узбекистан.

* * *

Сегодня этнокультурная идентичность изучаемых диаспор отлична как от традиционной, так и от современной культуры на исторических роинах. Культурный генетический фонд нынешних этнических групп Ташкента представляет собой своеобразный *синтез* русской, советской, узбекской/центральноазиатской и европейской культур (правда, в каждом частном случае соотношение этих компонентов может быть разным). Межкультурный синтез, трансформация традиционных культур, толерантное отношение к иноэтническим культурам являются *одной из основных тенденций* этнокультурных процессов в диаспорной среде в современном Узбекистане.

Результаты исследования показывают, что благодаря особенностям Узбекистана, в котором можно найти как традиционные, так и модернизированные географические и социальные области, все изученные группы (уйгуры, русские и корейцы) стремятся найти ниши, где они чувствуют себя комфортно. Речь идет о местах предпочтительно-го проживания, трудовых нишах, этническом окружении, личном и информационном пространстве и т.д. С одной стороны, это говорит о разнообразии стратегий этнических групп и демократизме их выбора, а с другой – подчеркивает неоднородность социально-географического пространства республики и тот факт, что эти группы не в каждом сегменте этого пространства ощущают себя одинаково.

Наиболее адаптированы и интегрированы в новое пространство Узбекистана уйгуры, которые по целому ряду идентификационных маркеров (языковому, конфессиональному и др.) близки к узбекам. Высок уровень узбеко-уйгурских межнациональных браков. Данные исследования показывают, что этнический принцип при выборе брачного партнера сегодня начинает уступать место конфессиональному и поведенческому. Проживание в узбекской среде сформировало новую брачную ориентацию, когда узбеки становятся предпочтительнее, чем уйгуры, но из других республик или не традиционного типа воспитания. Узбекская среда становится мощным аттрактором в этнокультурной эволюции уйгуров. Степень и динамика интеграции уйгуров в узбекоязычную среду таковы, что в будущем можно предвидеть их дальнейшую ассимиляцию и возможную трансформацию в иной субэтнический или этнографический классификационный тип.

Что касается русскоязычного населения, то оно оказалось менее адаптированным в условиях нарастающей коренизации социально-политического пространства. Причем старшие возрастные группы, в силу длительного проживания в Узбекистане и имеющих статусных позиций и связей, считают себя более адаптированными, нежели молодежь. Однако в силу этноцентристских процессов в этих группах нет уверенности, что их дети смогут достичь в будущем аналогичных позиций.

Во всех изучаемых группах зафиксированы слои, связывающие свою дальнейшую жизнь и судьбу своих детей с Узбекистаном. Даже среди русскоязычных респондентов имеются прослойки, готовые к полной ассимиляции своих детей. В качестве первого адаптивного шага в ряде случаев принимаются меры на снятие языкового барьера, когда русскоязычные респонденты сознательно отдают своих детей в узбекские группы детских садов. Кроме того, значительные прослойки русских и корейцев, не говоря уже об уйгурах, нейтрально либо положительно относятся к возможным бракам с узбеками.

Наряду с этим, исследование выявило, что хотя пик этнической миграции, характерный для 90-х годов, прошел, миграционный потенциал, особенно среди русскоязычного населения, еще имеет место и прежде всего – у молодежи. В качестве возможных стран-реципиентов указаны Россия и развитые страны. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что с эмиграционным потоком происходит и «утечка умов»⁷⁰.

Абсолютное большинство респондентов (от 98% до 100%) отрицает наличие дискриминации в Узбекистане по этническому признаку. И это большое достижение проводимой национальной политики. Однако некоторая (меньшая) часть русскоязычного населения признает случаи бытового национализма, в частности в вопросах преференций. Результаты исследования показывают, что часть русскоязычной молодежи испытывает определенный дискомфорт в отношении равенства с представителями титульной нации и возможности себя реализовать, что должно служить своеобразным сигналом для государственных органов.

Исследование выявило и разную степень удовлетворенности работой в различных этнических группах. Как нам представляется, для проведения грамотной государственной политики в отношении трудовых ниш (имеющих этническую окраску) и регулирования оплаты труда в различных отраслях, необходимо проведение специального этносоциологического исследования по данной проблеме.

В отношении доступа к образованию, большинство респондентов считают, что каких-либо ограничений для поступления в вуз для этнических меньшинств в Узбекистане нет. Возможность получения этническими группами образования на своем (таджикском, казахском и др.) или русском языках является важным индикатором демократической политики в сфере образования и реализации гарантий конституционных прав. Кроме того, русскоязычные граждане Узбекистана (как и представители коренных народов Центральной Азии) могут не только получить образование на русском языке, но и, в случае миграции в другие страны СНГ, использовать данное образование и соответствующие дипломы при устройстве на работу, а нередко – конвертировать их в статусные позиции.

Однако языково-образовательная ситуация в Узбекистане сложилась так, что у носителей только одного языка возможностей для поступления в вуз значительно меньше, чем для билингвов и трилингвов (многих узбеков, уйгуров, таджиков, казахов, каракалпаков и др.). Кроме того, имеет место снижение номенклатуры специальностей с русским языком обучения и сокращение русскоязычных групп. В данном случае принцип соответствия языковых групп демографической структуре населения превалирует над принципом подготовки качественных специалистов. Среди русскоязычного населения есть обеспокоенность также по поводу качества обучения в отечественных вузах. Это один из факторов, объясняющих, почему во всех изучаемых группах большое число респондентов ориентировано на получение образования за рубежом (особенно среди русскоязычных). С одной стороны, подобная ориентация снижает финансовую нагрузку государства в области подготовки квалифицированных специалистов. А с другой стороны, нет гарантий возврата этих специалистов в республику. Представляется, что все эти вопросы должны стать предметом специального рассмотрения.

Одним из главных вопросов адаптации является овладение государственным языком. Узбекистан в этом вопросе выбрал путь «мягкой» политики. Однако незнание языка отражается как в быту, так и на работе этнических меньшинств. На пассивное отношение к изучению узбекского языка среди русскоязычного населения серьезно влияют следующие взаимосвязанные параметры. Во-первых, сохраняющийся статус русского языка как языка межнационального общения и его широкое использование в обыденной и профессиональной жизни. Это результат «мягкой», эволюционной и более демократичной, в сравнении с некоторыми странами СНГ, языковой политики. Во-вторых, сомнение в том, что знание узбекского языка изменит карьерный рост по сравнению с имеющимся статусом. В-третьих, ряд респондентов сослались на отсутствие поблизости курсов узбекского языка, платность обучения, отсутствие самоучителей и т.д. И в-четвертых,

это имеющие место миграционные настроения. Чтобы переломить эту ситуацию, необходимы продуманные и целенаправленные меры.

У части русскоязычных респондентов отмечено чувство тревоги за свое будущее. Большинство опрошенных в «борьбе за лучшее будущее» надеются прежде всего на себя и своих близких. С одной стороны, это говорит о том, что в годы независимости сформирована новая, активная жизненная позиция (в 90-е годы достаточно распространены были иждивенческие настроения, сформированные в советский период, когда все надежды возлагались на государство). С другой стороны, государству необходимо выстроить такую политику, чтобы центробежные силы теряли свою инерцию и повышался уровень доверия к государству.

Нам представляется, что в целях снижения миграционных настроений этнических меньшинств, равно как и большей интегрированности их в современное пространство Узбекистана, необходимо выработать специальную целевую государственную программу по интеркультурному развитию республики, направленную на: а) переход к политике расширения реализации прав этнических меньшинств; б) консолидацию всех этнических слоев узбекистанского социума и в) вовлечение их в решение государственных задач и активизацию их потенциала на благо страны и всех ее членов⁷¹. Важной частью программы должны стать меры по интеграции в языковую среду – формированию активного многоязычия (билингвизма, трилингвизма и т.д., в зависимости от региональных особенностей). Вопрос о необходимости развития трилингвизма в Узбекистане неоднократно поднимался К. Ханазаровым: английский язык как наиболее распространенный мировой язык современности, русский – как региональный язык межнационального общения и родной национальный язык⁷². Правда, данное предложение применимо только к титульной нации. Что касается других коренных народов региона и диаспорных групп, проживающих в Узбекистане, – для них важным является освоение и государственного языка. Не случайно в наших интервью ряд русскоязычных респондентов указали на недостаточность государственных мер по помощи в освоении узбекского языка. Иначе говоря, формулы полилингвизма могут быть разными в зависимости от того, о какой этнической группе идет речь: родной язык – русский – английский (для узбеков), родной язык – узбекский – английский (для русских), русский язык – узбекский – английский – родной (для русскоязычных не русских этнических групп), родной язык – узбекский – русский – английский (для таких групп, как уйгуры, таджики и др.) и т.д. Кроме того, эти формулы могут зависеть от особенностей регионов, таких как Самарканд, Бухара, Ургенч и т.д.

Реализация подобной программы увеличит вклад каждого члена общества в процветание страны, что сможет ускорить динамику ее развития, еще больше сблизит народы и культуры Узбекистана, станет дополнительным фактором межнационального согласия. Важно и то, что меры по интеркультурному развитию страны являются необходимым условием для трансформации народа Узбекистана как совокупности этнических групп в единую нацию, как это имеет место в развитых странах. Формирование такой нации, а точнее ее конструирование, станет новым типом межэтнической интеграции и новым историческим этапом в развитии Узбекистана. Данный процесс будет свидетельствовать не только о более прогрессивных формах локального государственного строительства, но и об их синхронизации с общемировыми процессами. Сегодня становится все более очевидным, что становление такого рода наций будет одной из ведущих тенденций в развитии человечества в XXI веке.

Примечания

¹ Trends in international migrant stock: The 2008 Revision (электронный ресурс: www.un.org/esa/population/publications/migration/UN_MigStock_2008.pdf)

² По мнению экспертов, в 1990-х годах менее 5% русских в Узбекистане знали узбекский язык. – *Schlyter B.* Language policy in independent Uzbekistan. – Stockholm, Forum for Central Asian Studies. 1997, p.13.

³ Удельный вес узбеков вырос в Узбекистане с 71,4% в 1989 г. до 81,7% в 2010 г.

⁴ *Расулов К.Р.* Обеспечение межнационального согласия и мира в Узбекистане во второй половине 80-х – начале 90-х годов. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. – Андижан, 1993. – С. 22.

⁵ *Сафеев С.* Глобальные процессы и национальная идентичность // История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. – Т: Patent-Press, 2005. – С. 269.

⁶ Тревожным можно назвать тот факт, что из 500 опрошенных в 2009–2011 гг. корейцев 23,4% не следят за общественно-политическими событиями в Узбекистане. На вопрос же об их собственном участии в общественно-политической жизни страны только 3,2% дали положительный ответ. 20,8% ответили, что хотели бы участвовать, 55,4% – не участвуют и не хотят участвовать и 20,6% затруднились ответить. – *Тен М.Д.* Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана. – Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. – Т, 2011. – С. 251.

⁷ См.: *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. – Т: Изд-во мед. лит. им. Абу Али ибн Сино, 1998. – С. 73–75.

⁸ См.: *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р., Салиев А.* Историко-демографические очерки урбанизации Узбекистана. – Т: Университет, 2002. – С. 84.

⁹ *Убайдуллаева Р.А.* Демографическая ситуация в Республике Узбекистан и тенденции ее изменения // Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Т: Ташкентский гос. юридический ин-т, 2007. – С. 15.

¹⁰ *Максакова Л.П.* Современная миграционная ситуация в Республике Узбекистан // Население Узбекистана... – С. 23.

¹¹ См.: *Убайдуллаева Р.А.* Указ. соч. – С. 15.

¹² См.: *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р., Салиев А.* Указ. соч. – С. 92.

¹³ См. там же. – С. 102, 121.

¹⁴ См.: *Ахмедов Э.А., Сайдаминова З.А.* Республика Узбекистан. Краткий справочник. – Т, 1995. – С. 262.

¹⁵ См.: *Aminov K., Jensen V., Juraev S., Overland L., Tyan D., Uulu Y.* Language Use and Language Policy in Central Asia // Central Asia Regional Data Review, Vol. 2, No. 1, 2010.

¹⁶ См.: *Коган М.Э.* Социально-этнические детерминанты национальной ориентации этнодисперсной группы в большом городе // Советская этнография. – 1990, №4. – С. 32–42.

¹⁷ См.: *Паин Э.А.* Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации // Советская этнография. – 1987, № 1. – С. 10–24.

¹⁸ *Савуров М.Д.* Уйгуры // Этнический атлас Узбекистана. – М.: ЛИА Р. Элинина. – С. 219.

¹⁹ Интервью, уйгур, 46 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²⁰ Интервью, уйгурка, 39 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²¹ Интервью, уйгур, 49 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²² Интервью, кореянка, 47 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²³ Интервью, русская, 30 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²⁴ *Буряков Ю.Ф.* [Русские.] Научная и культурная жизнь // Этнический атлас Узбекистана... – С. 193.

²⁵ Отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) отдела этнологии Института истории АН РУз «Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе». 2005 г.

²⁶ Интервью, русская, 30 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²⁷ Там же.

²⁸ Интервью, русская, 38 лет, г. Ташкент, 2012 г.

²⁹ Интервью, русская, 50 лет, г. Ташкент, 2012 г.

³⁰ Отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) отдела этнологии Института истории АН РУз... 2005 г.

³¹ См.: *Молодикова И.* Западноевропейский рынок труда – возможности легального попадания (примеры узбекских мигрантов) // Население Узбекистана... – С. 67.

³² См.: *Хаджимухамедов М.К.* Внешняя миграция: настраивания, установки, векторы, социальные притязания // Трудовая миграция в Республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты. – Т: Программа Развития ООН, 2008. – С. 147.

³³ Там же. – С. 149.

³⁴ См.: *Тен М.Д.* Указ. соч. – С. 221–222.

³⁵ См.: *Ким В.Д.* Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Материалы междунар. науч. конф. – Бишкек: Бишкекский гос. ун-т, 2003. – С. 46.

³⁶ Справка Госкомитета Республики Узбекистан по статистике по запросу М. Козьминой (2009 г.).

³⁷ *Катагощина И.Т.* Кризис идентичности как фактор миграционных процессов на постсоветском пространстве // Восток = Oriens. 2001, № 6. – С. 82.

³⁸ Интервью, кореец, 47 лет, г. Ташкент, 2012 г.

³⁹ Интервью, русская, 50 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴⁰ Интервью, уйгур, 46 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴¹ Интервью, уйгурка, 56 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴² См.: *Максакова Л.П.* Указ. соч. – С. 22–23.

⁴³ Отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) отдела этнологии Института истории АН РУз... 2005 г.

⁴⁴ См: Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе (на материалах Ташкента). Отв. ред. Д. Алимова и В. Хан. – Т: Ин-т истории АН РУз, 2011. – С. 147.

⁴⁵ По данным, приведенным в диссертации М. Тена, 18% из общего числа опрошенных назвали Россию, 11,2% – Южную Корею, 8,6% – Западную Европу, 4,8% – США, 4,2% – Казахстан. – См.: *Тен М.Д.* Указ. соч. – С. 222.

⁴⁶ Интервью, кореец, 47 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴⁷ Интервью, корейка, 55 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴⁸ Отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) отдела этнологии Института истории АН РУз... 2005 г.; Хан В.С. Трансформационные процессы в сфере этнической идентичности // Этнокультурные процессы... – С. 35–37; Назаров Р.Р. Этнолингвистические процессы // Там же. – С. 133–138.

⁴⁹ См.: Назаров Р.Р. Указ. соч. – С. 138.

⁵⁰ Высокий уровень владения узбекским языком характерен и для других этнических групп Узбекистана – таджиков, казахов, киргизов, туркмен, арабов, ирони, цыган. (Назаров Р.Р. Указ. соч. – С. 121).

⁵¹ Интервью, уйгурка, 39 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵² См.: Тен М.Д. Указ. соч. – С. 201.

⁵³ Описывая ситуацию с преподаванием русского языка в сельских районах, Р.Г. Назарьян отмечает: «В настоящее время в сельской местности республики практически не осталось русских школ и носителей русского языка, исчезла и сама необходимость его изучения. Кроме того, переход страны на латинскую графику ... отдалил узбекских школьников от кириллицы. ... В программы сельских узбекских школ все еще входит русский язык, но выделяемые на него часы столь мизерны, что освоить его практически невозможно. К тому же оставляет желать лучшего и контингент самих преподавателей, состоящий из представителей местного населения. Горожане же, окончившие ВУЗы по специальности «Русский язык и литература», в село не едут по ряду объективных и субъективных причин». (Назарьян Р.Г. Аналитическая записка о ситуации с преподаванием морфологии в высших учебных заведениях Республики Узбекистан. Электронный ресурс: www.mapryal.org/content/). См. также: Aminov K., Jensen V., Juraev S., Overland I., Tyun D., Uulu Y. Language Use and Language Policy in Central Asia // Central Asia Regional Data Review, Vol. 2, No. 1, 2010.

⁵⁴ Интервью, русская, 30 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵⁵ Это отмечают и уйгуры. На вопрос «Незнание узбекского языка, по Вашему мнению, в каких сферах больше всего может создать проблемы?» один из респондентов ответил: «По-моему, в карьере. А в обычной жизни можно и так прожить, даже не зная язык». – Интервью, уйгурка, 39 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵⁶ Интервью, корейка, 47 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵⁷ Интервью, русская, 30 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵⁸ Интервью, русская, 45 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵⁹ Интервью, русская, 38 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁶⁰ Интервью, кореец, 52 года, г. Ташкент, 2012 г.

⁶¹ Назаров Р.Р. Этнолингвистические процессы... – С. 139.

⁶² Интервью, русская, 45 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁶³ Интервью, русская, 30 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁶⁴ В исследовании 2000–2001 гг. более 30% из 400 опрошенных корейцев ответили, что всегда следуют корейским обычаям и традициям. Небольшая прослойка (около 3%) никогда им не следует. Основная же масса корейцев (более 60%) следует им иногда. Но также иногда она следует русским и узбекским обычаям (тоже около 60%). На вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что Ваши дети в будущем не будут следовать корейским обычаям?» – ответы распределились поровну: 50% отнеслись к этому отрицательно, остальные либо положительно, либо нейтрально («никак»). (См.: Хан В.С. К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 73.

⁶⁵ Интервью, кореец, мужчина, 47 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁶⁶ Интервью, корейка, 55 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁶⁷ Интервью, корейка, 22 года, г. Ташкент, 2012 г.

⁶⁸ Арифханова З.Х. Общественная жизнь этнических групп Ташкента // Этнокультурные процессы... – С. 62; Отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) отдела этнологии Института истории АН РУз... 2005 г.

⁶⁹ Хан В.С., Назаров Р.Р. Духовная культура // Этнокультурные процессы... – С. 144.

⁷⁰ Как пишет Л. Максакова: «Для внешних миграций характерна “утечка умов”. Эмиграционные потоки имеют более высокий уровень образования населения, чем миграционные. Среди выехавших из республики достаточно большую долю занимают специалисты с высшим и средним специальным образованием. ... Выезд из республики большого количества мобильных, квалифицированных людей, особенно молодежи, ослабляет интеллектуальный и экономический потенциал государства и имеет негативные последствия для национального рынка труда. Отток квалифицированных специалистов, рабочих кадров происходит в тот период, когда потребность в квалифицированной рабочей силе особенно велика». (Максакова Л.П. Современная миграционная ситуация в Республике Узбекистан... – С. 28.)

⁷¹ «В XXI в. для построения успешного общества одной национальной идентичности недостаточно. Современное общество будет успешным лишь тогда, когда ему удастся привлечь к своему построению всех членов или, по крайней мере, как можно больше». (Симон Г. Национальное строительство в Советском Союзе и в регионе СНГ // История и самосознание... – С. 305.)

⁷² См.: Ханазаров К. Глобализация и национальные отношения // Общественное мнение. Права человека. 2011, № 1 (53). – С. 107.

Виктор МОИСЕЕНКО

«Где на землю упала кровь из твоей пуповины...»

Сырдарьинские старожилы

В декабре, когда людей пугали концом света, нагаданным индейцами майя, продав свой дом, уехал из города голубятник Паша. Еще годом раньше он уговаривал не уезжать соседа Толю Барченко, но Толик, прожив бобылем пятьдесят лет, дал себя уговорить на переезд такой же одинокой соседке Наташе. Теперь они растят свиней на хуторе в Краснодарском крае и вроде ни о чем не жалеют.

Сейчас уговаривали не уезжать уже Пашу. Сосед Тимур цветисто говорил: «Там, где ты родился, где на землю упала кровь из твоей пуповины, – там живи. Жену не слушай, женщине в городской квартире хорошо, а мужчине – плохо».

Тимур знал, о чем говорил. Он пробовал семь лет назад прижиться в районном центре Курской области. Жена с двумя детьми осталась, а он с опухшими ногами – почкам не подошла известковая курская вода – вернулся в родительский домик.

Уговоры на Пашу не действовали. Оперившийся в Москве сын активно звал родителей нанять внуков.

Когда уезжали в 1990 году в Саратов Борискины и Карчугановы, никто предположить не мог, что положено начало исходу старожиллов, проживавших в домах у канала Орунбай, вырытого по плану великого князя Константина Николаевича в начале XX века. На пятнадцатикилометровом участке в то время работами руководил распорядительный местный бай, оставивший свое имя в истории – Орунбай.

Паша прямо с крыльца дома поднимался на берег канала и по утрам наблюдал вертевшихся в чистом небе любимых голубей. Пашины «челкары», «сизари», «майлячки», «жуки» и просто белые славились умением «уходить в точку», когда только натренированный взгляд мог уследить за метавшимися высоко в небе бесстрашными птицами. Голуби эти отличались и внешней красотой: клювик «с пшеничко», «лохмы», как называется колокольное оперение лап, – с ладонь и «чубы» на головках.

Паша был последний из когорты известных голубятников Сырдарьи, которым ничего не стоило слетать в Сочи для приобретения знаменитой краснодарской породы птиц. Голубятник Миша из «пожарки» умер в 1980-м, прапорщик Виктор из военстроя уехал во Львов, турок Сафар живет сейчас в США. И мода на голубей как будто прошла,

хотя Паша друзьям по-прежнему рассказывал, что за «соचा» двухчубого ему предлагали подержанные «жигули», но он, естественно, отказался. Такие байки голубятникам прощаются, как и рыбакам. И то, что голуби и стадо индюков с утками кормят, и откладывают в «заначку» помогают.

Голубей в Сырдарье начали держать в 1930-х годах. Моду завел бывший начальник милиции, один из первых жителей Сырдарьи – Шабрат дядя Коля, вместе с дядей Колей Артемовым и дедом Паши Алексеем Михайловичем Тихоновым, чьи фотографии, как участников гражданской войны, висели на доске перед райвоенкоматом. Дед Паши был родом из Воронежской области. В голодные двадцатые с двумя другими семьями земляков, арендовав товарный вагон, высадились на станции «Сырдарья», в 12 километрах от которой выходцы из Воронежской области десятью годами раньше основали поселок Тихий Дон.

Первое время снимали квартиру, а потом за два года построили и свой небольшой дом. Матери Паши, Ангелине Яковлевне, было лет семь, а ее братишке Ване – три годика. Начавшаяся коллективизация заставила деда Алексея Михайловича переселиться на свободные земли у станции «Сырдарья». К тому времени в поселении уже жили приезжие из Саратовской области и переехавшие сюда из Туркмении армяне. Оседали на земле кочевники-скотоводы, вокруг было обилие камышовых зарослей. Среди построек выделялись здание вокзала, водонапорная башня из «николаевского» кирпича, привокзальные постройки и выстроенное пленными австрийцами здание банка. Пленных австрийцев содержали в тюрьме, выстроенной у канала Шурузьяк, в десяти километрах от станции «Сырдарья», в местности, получившей название Малек. Многие мужчины из окружных поселений работали охранниками и вспомогательными рабочими при тюрьме.

Дед Алексей Михайлович вырубил полосой камыш от канала Орунбай до одноэтажного здания местной больницы. Слепил небольшой домик, а все силы сосредоточил на обработке земли. Рядом с домом посадил яблоневый сад, который потом, в холодном сороковом году, целиком замерз. Особенно горевали о двух каких-то сказочных деревьях красного налива. На половине участка, до границы с больницей, высаживали кукурузу. Одним огородом было трудно прожить, и дед приспособился скупать болеющих, кашляющих скот – баранов и верблюдов. Лечил их, медленно вливая смесь жира и самогонки. Вылечив, продавал питомцев и закупал новых больных, прилично зарабатывая на разнице.

В тридцатые годы началось размежевание земель, которое затронуло и бывшие камышовые заросли, примыкавшие к каналу и освоенные приехавшими жителями. Участок деда посередине разрезала улица, через пять лет получившая имя Кирова. А больницу обнимали другие главные улицы поселка – имени Ленина и Сталина. Пересекавший эти улицы переулок, в котором жил дед, получил название Больничного, а поселок Сырдарьинский стал относиться к Ташкентской области.

В начале 1930-х по Сырдарье и окружным поселкам носились слухи об отрядах басмачей. Десятью годами раньше бывали нападения, от которых пострадал поселок Верхневолынский. Там спаслась только одна женщина, спрятавшаяся в общественном туалете. С окраинных чердаков поселка Сырдарья несколько раз видели проходившие конные отряды; некоторые всадники грозили камчой в сторону поселка. Сырдарьинские мужчины готовили для обороны охотничьи ружья. Мать Паши, уже будучи пожилой, с восхищением называла мужчин того времени богатырями. Сама она вышла замуж в 1934 году, тоже за выходца из Воронежской области, из соседнего Бутурли-

новского района. Отец Паши был железнодорожным рабочим, что дало возможность семье в шестидесятые годы несколько раз по бесплатным билетам побывать на Воронежской земле.

Но до этого была война. Из огромного числа ушедших на нее возвратились в Сырдарью не более трети. В Больничном переулке вернувшихся было трое: Пашин отец Яков Павлович, Карчуганов дядя Юра и отец Барченко Толи – дядя Витя. В окружающих поселках военные потери были особенно заметны. Мать Паши помнила солдат, призванных на войну и ждавших отправки в поле, огороженном колючей проволокой. Многие сидели на земле, задумчиво уставившись взглядом вдаль. И редко кто возвращался по тяжелому ранению, и редки были радостные разговоры о вернувшихся живыми. Погиб и братишка матери – дядя Ваня. Сгорел в танке, под Смоленском.

На городском обелиске были выбиты имена павших в годы Великой Отечественной войны пятидесяти сырдарьинцев:

Блинков Г.И., Бойко В., Болкунов А., Верещагин Е., Грищенко М., Грищенко Г., Глушенко М., Гуськов Я., Гирювский В., Герасименко П., Добров В., Зацепилов А., Зенкин Ю., Кравцов Р., Корнев Н., Курталитов Ю., Кисарин В., Копнев Г., Кушаков А., Лазарев А., Лазарев М., Лобзин И., Лапин И., Мельников И., Малиновский П., Пикалов Ф., Пятаев А., Репко М., Рюмщин С., Сленко А., Свириленко М., Скалозубов П., Слесаренко В., Садыков М., Саблин И., Сарокин А., Степанов А., Тончленко П., Токманцев Д., Усачев А., Фомин – учитель, Федосов М., Милехин Н., Маменин А., Фиппов М., Фадин С., Чуй В., Шининянц В., Шаповаленко Н. – учитель, Щекочихин И.

В 90-х список погибших и пропавших без вести был значительно расширен. Теперь монумент в честь погибших занимает половину квартала в центре города.

Свои нынешние границы поселок Сырдарья получил в начале 60-х. Тогда электрифицированы были улицы и переулки, благоустраивались дороги. Постепенно поселок дотянул до звания города. Центром общественной жизни были Дом культуры «Ёшлик» и зимний кинотеатр. На западе и на востоке Сырдарьи, с разницей в полчаса, уносились в темнеющем вечере главные пассажирские поезда: Андижан–Москва и Ташкент–Кунград.

Особый колорит в жизнь городка вносил базар, куда съезжались в воскресный день из близлежащих поселков. Тогда во дворе у Паши стояло до четырех телег гостивших после базарных дел сватов из Тихого Дона. Мать их так и называла до конца жизни – а прожила она 92 года, – «наши поселковые». Особенно близкими была семья Квашиных. Глава семьи воевал на тех же фронтах, что и отец Паши. Воспоминания ветеранов с детства отложились в памяти и Паши, и трех его старших братьев. Интересны были воспоминания соседа дяди Юры Карчуганова, воевавшего в полковой разведке. Деду, Алексею Михайловичу, к началу войны было 46 лет, и он провел военные годы при воинских складах в трех километрах от Сырдарьи. После войны в эту воинскую часть почему-то призывались только парни из Западной Украины, многие из которых после службы оседали в Сырдарье. А о самой воинской части до сих пор ходят таинственные разговоры, с упоминанием подземного аэродрома, подземных складских помещений и пойманных шпионов, долгое время живших в Сырдарье под видом тронувшихся умом бродяг. Их и сейчас помнят старожилы: Лёлю – плотную женщину лет пятидесяти, ночевавшую в окружении кошек за больничным хлебным ларьком, и Васю – огромного роста, курившего алюминиевую трубку и не снимавшего, даже летом, заношенное черное пальто.

Дед в годы гражданской войны батрачил на зажиточных казаков. В периоды военных действий батраков сажали на коней и давали винтовки. Чаще происходило противостояние на разных берегах Дона. И когда Паша читал малограмотному деду «Тихий Дон» Шолохова, Алексей Михайлович свободно перечислял соседние станицы, не упоминавшиеся в романе.

На вопрос, на чьей стороне он воевал, дед простодушно отвечал: «А там и не поймешь, чи белые, чи красные»... Сцену драки на мельнице между украинцами и казаками считал надуманной – с казаками украинцы не сталкивались.

Таковыми же интересными были разговоры с матерью в начале 90-х, когда жена Паши, учительница литературы главной школы Сырдарьи, читала воспоминания переселенки из Воронежа Ольги Солодовниковой*. Мать говорила: «Я должна была ее знать, и Леню ее, охранника из малекской тюрьмы, а уж точно ее должна была знать моя золовка Маня, они и возраста одного, и в Ташкент в одно время перебрались. Если мою жизнь пересказать, – добавляла мать, – то еще и не такая книга выйдет».

Воронежские песни и присказки из воспоминаний Солодовниковой она продолжала и объясняла их значение. Говорила, что жизнь у всех окружающих поселян была невероятно похожа из-за сезонности сельскохозяйственных работ, одинаковых проблем и одинакового уровня жизни. Ольгу Солодовникову мать считала баптисткой, их общины до сих пор живут в Сырдарье и в Сайхунобаде, бывшем Верхневолынском.

В Сырдарье два раза пробовали открыть православный молитвенный дом. Удалось это только в 1993 году, когда расселили большой одноэтажный жилой дом у железной дороги, где жили семьи одноклассников Паши – Михайловы и Головановы. Из Джетысая переехал батюшка Виктор и наладил в Сырдарье церковную жизнь. Здание перестроили под церковь, обустроили двор. Батюшка считался очень строгим среди прихожан. Отчитывал строго за ошибки в песнопениях церковный хор, строго увещевал прихожан в своих проповедях. В 1998 году батюшка отошел ко Господу, и его могила на сырдарьинском кладбище у входных ворот является местом, где каждый год в день поминовения усопших нынешний батюшка Сергей проводит молебен. Молитвенный дом за последнее время очень благоустроился, возросло число посещающих храм молодых прихожан.

На Радуницу, каждый год, происходят встречи православных, которые в течение года «толкуются» в разных уголках Сырдарьи, борясь с немощами и материальными трудностями. Происходит своего рода смотр ровесников и земляков, ряды которых с каждым годом все редееют. Особенно это заметно в соседних поселках – бывшем Солдатском, Погранке, Велико-Вревской. На кладбище бывшего поселка Тихий Дон приходят единицы. Тюремное кладбище давно стало совхозным полем, от прежнего здания тюрьмы осталось одно служебное помещение.

Было недавно несколько телефонных переговоров с Пашей. Интересовался судьбой двух пар оставленных сизарей, тутовым деревом у ворот, с особенно крупными темно-красными ягодами. И, судя по всему, ему не удастся разорвать пуповинную связь с родным городом... Сосед Тимур ему опять цветисто сказал в последнем разговоре: «Паша, вместе кашу ели у вашей печки-мангалки во дворе. Пришел возраст на кашу опять переходить. Вместе кашу ели – давай вместе стариться. Помоги там детям – и приезжай, погости. Двери моего дома открыты для тебя...»

* Роман Ольги Солодовниковой «Описываю свою жизнь...» был опубликован в 5-м номере «Звезды Востока» за 1994 год (Прим. ВС).

Три вопроса

Первый вопрос я получаю в пятом классе от двоечника и хулигана, посаженного за мою парту учителем с целью перековки вплоть до четвертных троек: «А кто ты по нации?». Второй через несколько лет задают в троллейбусе строгие женщины в черных платочках: «А вы в Бога веруете?» Третий однажды формулирует мое собственное чадо, только что исполнившее государственный гимн у елочки: «Мама, а ты родину любишь?»

Эти три вопроса ставят меня в тупик.

Отвечать на первый – долго, на руке один за другим загигают пальцы, я пытаюсь сообразить процентное соотношение национальностей в составе моей крови, этого коктейля им. Социнетерна, а драчливый собеседник уже плюет кому-то в волосы, потеряв интерес к дискурсу. Второй вопрос задается так, как будто он вообще адресован не живому человеку, а чему-то, живущему исключительно в сознании неопитов. Третий вопрос, про Родину, как будто задевает за живое, начинаю осторожно формулировать, но ребенок, не дождавшись прямого ответа в стиле Карлсона («Скажи, ты уже бросила пить коньяк по утрам? Отвечай «да» или «нет»»), со смехом скачет вокруг воспитательницы-Деда Мороза, изображая белочку.

Большие города, как правило, толерантны к убеждениям своих жителей. Если у тебя приличная машина, хорошая квартира в центре или пригородный дом, высокооплачиваемая работа, если ты покупаешь продукты на неделю в супермаркете, а не на «оптовке», если владеешь английским и понимаешь толк в музыке и кино – ты вполне можешь жить в свое удовольствие, не мучаясь вопросами самоопределения. Ты – гордый агностик и космополит. Ты упиваешься своим величием и свободой своих убеждений. Даже одиночество тебя не пугает, ведь есть волшебник-интернет, а социальные сети создают оптоволоконную иллюзию эмоциональной и интеллектуальной вовлеченности в дела планеты... Иллюзию дружбы и любви – тоже.

И все идет просто замечательно. Пока не выскочит из-за угла «жареный петушок». С намерением немедленно тебя клюнуть.

Например, ты теряешь работу из-за незнания государственного языка – и на прощальной вечеринке вдруг произносишь нелепый и вымученный тост о своих «национальных корнях». Зачем? Чтобы крикнуть вслед ушедшему поезду: «Подождите! Я же своя, у меня тоже есть мой народ... То есть народы... В общем, у меня бабушка... У меня есть, есть национальность!» Кто тебя услышит... И к кому ты можешь, а главное – хочешь примкнуть? К традициям, обычаям, нравам? В этом и с этим надо жить, причем, много лет. Хорошо знать их, в конце концов, и далеко не в пределах пошлых анекдотов из серии «встретились русский, немец и еврей».

Другая ситуация. Подошел возраст. Вернее, кризис среднего возраста. Дети выросли,

подруги и друзья живут своей жизнью, а у тебя карьера не задалась, и, оглянувшись назад, ты видишь, как мало было достигнуто, сколько шансов упущено, сколько времени потрачено зря – на пустяки, быт, опасения, обманчивый покой существования «как у всех»... И новое поколение оперилось, или даже два, и эти молодые-зубастые своих шансов не упускают, соперничать с ними бессмысленно. Всё обратилось в прах, осталось доживать пустые последние годы (в депрессии, думаешь ты). И ты вдруг меняешь все. Имя. Фамилию в паспорте. Профессию. Квартиру, а потом – и страну, в надежде выстроить на новом месте новую же, с иголочки, и на этот раз обязательно счастливую жизнь.

Первые месяцы ты в эйфории. А потом... Выясняется, что груз старых проблем никуда не делся. А новых друзей завести не так-то просто. И новая профессия с наскоку не дается. И тоска по-прежнему с тобой. И начинать с чистого листа – дополнительный стресс, которого ты можешь и не выдержать.

Или вариант похуже. Ты получаешь гнусный диагноз. Побегав по докторам и знахаркам, ты отправляешься в церковь (мечеть, синагогу – нужное подчеркнуть). Со словами «хуже ведь не будет», «а вдруг», «что мне терять?»... Всегда есть что терять. Стремление к Богу не терпит позиции «ты мне – я тебе». Молитвы в храме нужны не столько Ему, сколько тебе. Счастье, если тебе встретится мудрый, опытный духовник, который поможет преодолеть сомнения или излишнюю неопитскую прыть, который успокоит и утешит, и направит твои помыслы в единственно правильном направлении – работы над собой, переосмысления жизненных ценностей, осознания Его деятельной любви. А если нет? Очередное разочарование и бесконечная вереница культов или даже сект...

Пройдя через некоторые жизненные ситуации, я в какой-то момент осознала простую вещь (а истина, как учат нас философы, всегда проста и очевидна, и только наши пороки и стремление к самообману вечно «отводят нам глаза»)... Так вот, я поняла, что с вопросами самоопределения так: их надо решать не *из-за* чего-то, а *потому что*. Это те вопросы, которые держат человека в седле, когда ему с нарочным передают большую круглую коробку, украшенную кокетливыми бантиками и надписью «Жареный петушок». Потому что та тварь, которая сидит в коробке, должна получить удар первой.

Человека не сломают диагноз, увольнение, потеря социального статуса и горечь утраты родины, если он верит в Бога, знает историю своей семьи и помнит голос своей матери. Это очень трудно – найти свой народ, свою родину и своего Бога, не будучи в этот момент под следствием или в состоянии развода. Будучи в этот момент спокойным, счастливым человеком, довольным жизнью.

Ты должен найти ответы именно сейчас, и только тогда они тебе смогут помочь. В будущем.

А если не получилось, если петушок все же клюнул – что ж, ничего особенного. Со всяким бывает. Для начала вспомни, что рассказывала тебе бабушка о прошлом, о родственниках и предках. Вспомни и запиши, и дай прочесть своим детям. И еще – для начала – не отрекайся от родины, даже если находишься от нее далеко. Родной язык, воспоминания детства, песни и фильмы – все это будет с тобой, храни это бережно и найди в своем сердце благодарность к той стране, которая тебя воспитала. И – тоже для начала – больше читай, погружайся в духовную литературу, наблюдай, общайся с людьми, ищи не религию для себя, а себя в религии.

Так я говорю себе. Каждый день. И знаете, коробок с жареными петушками в моей воображаемой прихожей стало значительно меньше...

Между словом и реальностью

*Николай Байтов. Ангел-Вор: Повесть и рассказы. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.
(Серафим: православная художественная литература).*

Новая книга Николая Байтова «Ангел-Вор» по оформлению сильно напоминает недавний бестселлер архимандрита Тихона (Шевкунова) – «“Несвятые” святые...». Отсылает к нему и подзаголовок на обложке: «Рассказы о церкви». Однако читатель, рассчитывающий найти в рассказах Байтова душеполезные истории с поучительным концом, будет, наверное, обманут в своих ожиданиях.

Разница между книгами ощутима. Шевкунов предлагает читателю опереться на Божий промысел, в нужную минуту приходящий на помощь почти с безотказностью часового механизма. Байтов же вынуждает своих героев опираться на веру, которая в критические моменты одна заполняет пустоту вокруг человека. Без гарантий и страховки в виде пророчеств и чудес, подхватывающих на руки, когда оступился.

«Ангел-Вор» – это свидетельство о церкви с самой нижней ступени ее иерархии. Семь лет, с 1986 по 1993 год, Николай Байтов работал церковным сторожем в деревенском храме. (Кажется, что не семь лет, а всю жизнь: настолько обилен и разнороден собранный в ней материал о православной среде.) Его рассказы – это взгляд рядового верующего, художника-маргинала. Автор, похоже, не движется в общем потоке с другими православными, а наблюдает за ними, стоя на обочине, отделившись от толпы. Ему интересен человек сомневающийся, пошатнувшийся, чья вера в божественный порядок и в самого себя испытывается на прочность. (В эссе «Рим. Собор Святого Петра» писатель отвергает предложение апостола познакомить его с Данте. Он предпочитает общество Генри Миллера, которого в раю как раз-таки не оказывается.)

В первом же рассказе «Ангела-Вора» – мистическая история о священнике, который подвергается искушению. Ночью в канун Нового года к нему обращается за помощью человек, испуганный сновидениями. Во сне ему сообщено, что он должен принять смерть от некоего Ильи. Ночной гость исповедуется в грехах, наутро приходит к причастию. И лишь потом узнает, что исповедовавший его священник в миру, много лет назад, носил имя Ильи и собирался убить его за совершенное предательство.

Искушение для священника состоит не в том, чтобы отказаться от возможности привести в исполнение когда-то выношенный план мести: отец Иван давно простил своего врага. Главный соблазн для героя лежит, как ни странно, в плоскости эстетической. «...Мне показалось, что Божий промысел похож на плохую пьесу, на водевиль,

который играли раньше на провинциальных сценах: там вот так же все эти переживания, недоразумения, бесконечные совпадения разных случайных обстоятельств... “Идиотские” совпадения, так я подумал. И от этого слова у меня в душе возникла вдруг бесконечная пустота и бесконечный ледяной холод...” Только после внутренней борьбы и чтения молитв к герою приходит догадка, что вся эта история – «возможно, лишь бесовская инсценировка, так сказать... А Господь только попустил ее для меня, чтобы показать мне мою гордыню... чтобы я понял, как много мне еще предстоит с ней бороться...»

Далее следуют еще несколько бытописательских рассказов о церковной жизни, которые подводят нас к стержню книги. Постепенно, от одного рассказа к другому, через притчи и эссе, становится виден главный ее конфликт: между верой и искусством. Отдельные его проявления – искусственность и безыскусность, творчество и гордыня, нравственность и эстетика. В эссе «Истина от Филиппа» Байтов приходит к выводу, что вера и искусство сходятся в точке таинства. Однако, как выясняется, плохо в ней уживаются.

Герои рассказа «Освободитель» – художники, пытающиеся передоверить исповедь краскам. Затертые, шаблонные – одни на всех – слова не удовлетворяют их, когда речь заходит об индивидуальных прегрешениях. Таинство исповеди превращается для них в акт самовыражения. Ожидаемого освобождения, однако, не происходит.

В рассказе «Сошествие во ад» автор рассуждает о кощунственных перформансах в России. И – сознательно, для контраста, – рассказывает историю о прямом кощунстве, не связанном ни с какой художнической задачей. «Женщина, которая неправильно употребляла слова», покупает в церковной лавке икону. Потом идет на двор и спускает ее в нужник. Рассказчик (по-видимому – человек из художественной среды) в одиночку извлекает святыню, омывает и возвращает на место.

Смысл этой дикой истории мерцает и двоятся в читательском восприятии. На первый план выступает идея, сформулированная автором: «Ее перформанс не состоялся. ...Или он все-таки состоялся – пред лицом Господа?.. Или я теперь все это описываю для того как раз, чтобы вынести ее перформанс из *священной* пустоты – “на публику”, “на обозрение”? Придавая ему (теперь) статус “произведения искусства”, я смазываю, затушевываю его смысл, стараюсь как-то ослабить его *потрясающую силу*».

На втором плане – фигура самого автора, известного перформансиста Николая Байтова. Не является ли в данном случае спасение иконы для самого художника слова неким актом искупления, очищения себя от греха «актуального» искусства?

Здесь мы сталкиваемся с проблемой автора в «Ангеле-Воре». Жанровая разнородность книги поразительна: классическая беллетристика соседствует в ней с притчами, эссеистикой, интервью (взятым якобы у реального, хотя и неназванного, священника). Образ рассказчика то почти совпадает с автором, то максимально от него отдален. Недаром российская критика называет Байтова одним из самых заметных русских писателей, пользующихся методом *ready-made*.

В детективной повести «Все, что сказал духовник» повествование ведется от третьего лица. Так, во всяком случае, кажется читателю почти до самых последних страниц – пока в финале он не обнаруживает, что все это время слушал рассказ преступника.

В конце 90-х годов Николай Байтов в ряде своих эссе провозгласил «эстетику не-Х». Ее отличительными чертами были эклектика, неуверенность, умышленная невнятность. Со временем писатель открестился от нее, причем сделал это совершенно в духе

той же самой декларируемой им эстетики: «Сегодня у меня “не-Х” превратилась бы в протест против дискурсивности вообще». Название предыдущей книги Байтова – «Думай, что говоришь» – отсылает к той же самой проблеме: недоверие к дискредитировавшему себя человеческому высказыванию.

В речи, произнесенной на церемонии вручения ему премии Андрея Белого (2011), писатель сформулировал это так: «Мы прекрасно знаем, что “мысль изреченная есть ложь”. Но фраза эта звучит несколько декларативно, а потому мы мало о ней задумываемся и недостаточно ее понимаем. На самом деле, лишь внутри совершившейся речи – в высказывании – возникает сама эта шкала или метрика, по которой мы можем оценивать ее истинность или лживость. Лишь в речи возникают ложь и истина. Вне речи – в реальности, которую речь пытается репрезентировать (или симулировать) – их нет».

Книга «Ангел-Вор» представляется очередной попыткой автора нащупать тонкий зазор между реальностью и языком – и сквозь него просочиться к истине. Он как будто нарочно раскачивает лодку сознания, подталкивая ее к стремнине, заставляя ее зачерпывать бортами тяжелую воду словесно не оформленной стихии.

Рискну предположить, что рассказы о церкви, написанные Байтовым, не повторят судьбу рассказов Шевкунова. Не станут бестселлером. Потому что они не столько дают ответы, сколько порождают новые, подчас заведомо неразрешимые вопросы. Но читателю-интеллектуалу они дадут немало пищи для размышлений, напомнив о том, что мир души по-прежнему неисчерпаем, недоступен человеческому пониманию и полностью открыт только Богу.

АВТОРЫ НОМЕРА

ВОЛОС Андрей – прозаик, лауреат Государственной премии Российской Федерации, российско-итальянской премии «Москва-Пенне», «Антибукер» и других. Автор романов «Хуррамабад», «Аниматор», «Недвижимость» и других. Живет в Москве.

ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.

ДОРОФЕЕВ Роман – историк, религиовед; проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ЖУКОВА Людмила – историк, краевед. Редактор-составитель книги «К истории христианства в Средней Азии» (Ташкент, 1998), автор монографии «Чтобы взлететь, птица должна быть гордой. Ташкентский период в тернистом пути архиепископа Луки – профессора хирургии В.Ф. Войно-Ясенецкого» (Ташкент, 2012) и др. Живет в Ташкенте.

КОВАЛЬДЖИ Кирилл – поэт, прозаик, критик, переводчик. Автор 18 сборников стихов. Заслуженный работник культуры РФ. Стихи и проза переводились на ряд языков, отдельные издания – в Болгарии, Румынии, Польше. Около двух десятилетий руководил поэтической студией, вел творческие семинары в Литературном институте. Секретарь Союза писателей Москвы, член русского Пен-центра.

КАЛАУС Лилия – писатель, книгоиздатель; главный редактор журнала «Книголюб» (Алма-Ата). Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). С 2011 года живет в Ростове-на-Дону.

ЛИЗУНОВ Владимир – кандидат физико-математических наук; директор Омского научно-образовательного комплекса, заместитель председателя Совета Омского Дома ученых, доцент Омского института РЭУ им. Г.В. Плеханова. Живет в Омске.

МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методического кабинета городского отдела народного образования г. Сырдарья. С 1995 года живет в Ташкенте.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа», член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Редактор отдела поэзии журнала «Новая Юность» (Москва). Автор пяти книг стихов. Живет в Подмоскowie.

НАЗАРЬЯН Рубен – литературовед, историк, журналист и кинодокументалист. Кандидат филологических наук, доцент Самаркандского Государственного университета, председатель правления Самаркандского общества преподавателей русского языка и литературы. Живет в Самарканде.

РТВЕЛАДЗЕ Эдвард – доктор исторических наук, профессор, академик АН Узбекистана. С 1967 г. работает в Институте искусствознания АН Узбекистана. Член Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Живет в Ташкенте.

Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.

ШАФРАНСКАЯ Элеонора – литературовед, доктор филологических наук, профессор Московского гуманитарного педагогического института. Автор монографий «Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова» (2005), «Ташкентский текст в русской культуре» (2010) и др. Живет в Москве.

ХАН Валерий – историк, этнолог; кандидат исторических наук. Заместитель директора Института истории АН Республики Узбекистан. Автор более 80 научных работ. Член редколлегии научных журналов «Journal of Central Asian Studies» (Индия), «Известия корееведения в Центральной Азии» (Казахстан), «International Journal of Central Asian Studies» (Корея) и др. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии — в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу на предмет исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (<http://pravoslavie.uz/archdiocese/departments/dioceses/ePress/Easter/Archive/index.php>); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XXX

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Рег. № 02-15

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz